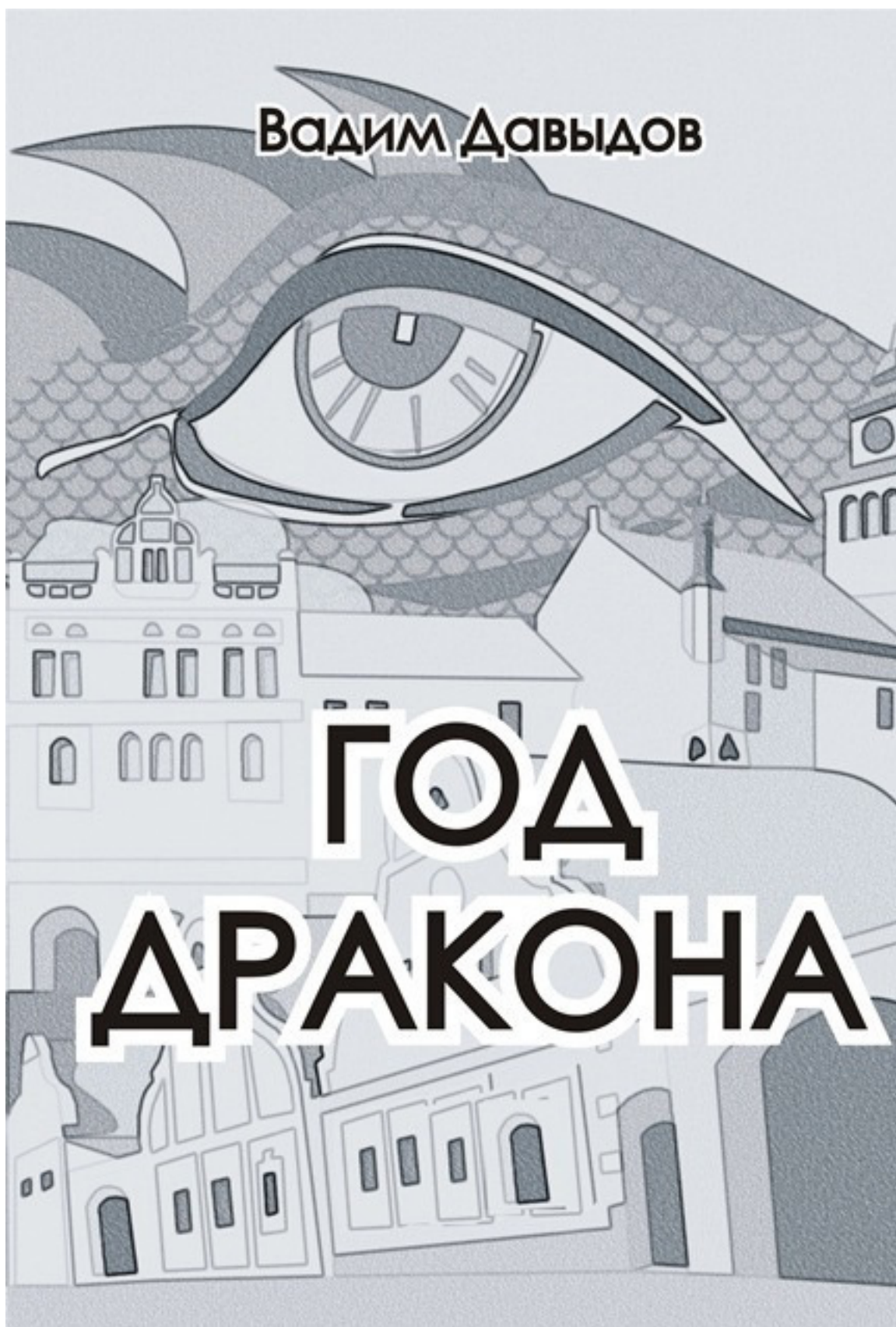

Вадим Давыдов

ГОД ДРАКОНА

Вадим Давыдов

Год Дракона

«Автор»

2012

Давыдов В.

Год Дракона / В. Давыдов — «Автор», 2012

Здесь отлично понимают: державу строит школьный учитель. Здесь самая модная одежда для мужчин — мундир с воротником-стойкой. Здесь учат и воспитывают детей — им дарят знания, а не побрякушки и гаджеты, защищают их от стихии, а не от жизни. Здесь знают — всё, что ты можешь оставить детям, не боясь сделать их преступниками и лежебоками, это истина: тебе ничего не принадлежит, кроме славы, которую нужно заслужить, и чести, которую следует блюсти. Здесь гордятся орденами, а не нулями на банковском счёте. Это Корона. Коронный Союз. Союз Короля и Дракона. Волнующий и провокационный сплав — романтика и наука, жестокость и благородство, честь и предательство, справедливость и вероломство. Всё это — в романе «Год Дракона». Вы не сможете закрыть эту книгу, пока не перевернёте последнюю страницу!

© Давыдов В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Книга первая	5
Провинциальный пояс периферий (вместо предисловия)	6
От автора	8
Эпиграфия I	9
Град вознесённый	11
Пролог. Драконами не рождаются	11
Рейс «Lufthansa». Москва – Франкфурт. Март	13
Фрапорт[11]. Терминал 2. Март	17
Столица Республики. Семь месяцев тому назад	18
Шоссе А6, Германия. Март	28
Аугсхайм. Март	29
Столица Республики. Давным-давно	33
Аугсхайм. Март	39
Шоссе А6 – Е50. Март	44
Прага, замок Дракона. Март	60
Прага. Март	66
Прага, большой королевский дворец. Март	70
Прага, аэропорт «Рузыне», Терминал 3. Март	72
Столица Республики. Март	73
Прага, замок Дракона. Март	80
Столица Республики. Март	83
Прага. Апрель	84
Баден-Баден. Апрель	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Вадим Давыдов

Год Дракона. Роман в двух книгах

Памяти Орианы Фаллачи

Книга первая

Здесь отлично понимают: державу строит школьный учитель. Здесь самая модная одежда для мужчин – мундир с воротником-стойкой. Здесь учат и воспитывают детей – им дарят знания, а не побрякушки и гаджеты, защищают их от стихии, а не от жизни. Здесь знают – всё, что ты можешь оставить детям, не боясь сделать их преступниками и лежебоками, это истина: тебе ничего не принадлежит, кроме славы, которую нужно заслужить, и чести, которую следует блюсти. Здесь гордятся орденами, а не нулями на банковском счёте. Это Корона. Коронный Союз. Союз Короля и Дракона.

Волнующий и провокационный сплав – романтика и наука, жестокость и благородство, честь и предательство, справедливость и вероломство. Всё это – в первой книге романа «Год Дракона» – «Град вознесённый» Вадима Давыдова, автора трилогии «Наследники по прямой». Вы не сможете закрыть эту книгу, пока не перевернёте последнюю страницу!

Провинциальный пояс периферий (вместо предисловия)

Не призывая соотечественников «назад, в империю», хочу лишь заметить, что со времени провозглашения независимости Украины прошло 17 лет, «майдан» отодвинулся уже на четыре года, и сейчас нужна сильная оптика, чтобы разглядеть эту туманность, а сдвига нет в чем-то главном. Взамен есть прежнее и, увы, растущее ощущение страны как глубокой провинции. Различие в том, что по правую сторону Днепра Европа хотя бы сохранила в застывших и ветшающих монументах дыхание большой культуры, наследство Австро-Венгрии, а на левобережье ощущение провинции бывшей Российской империи (при смерти – СССР) много большее и резче.

И все же имперские руины, как бы жалко они ни выглядели, горделивее и долговечнее архитектурного и – шире – бытийственного новояза, возникающего на территориях обособленных национальных государств. Они будто более насыщены энергетически, их распад происходит не вмиг. Гуляя по Черновцам, Львову, Киеву, понимаешь: всю геометрию здесь вычертила империя, все лучшее и прочное дала она, а вот от нынешней густопсовости вряд ли что и останется...

Вообще, ощущение провинциальности – специфически имперское чувство. Если оно есть – у человека был опыт империи. Вне империи не бывает провинций. То, что имеющий опыт империи ощущает как провинцию, называется на неимперском языке иначе. И вызывает иные чувства. Киев в этом плане подвержен двойному удару, ибо где-то здесь, вдоль столицы, по Днепру, проходит провинциальный пояс сразу двух периферий – двух империй: западной и восточной.

Опыт даже советского Киева – давит. В прежней системе координат (имперских, условно) нынешний город каштанов кажется невыразимо провинциальным. И потом, разве в нынешнем Киеве сконцентрирована суть подлинно украинского? Нет. Во Львове? Тоже нет: слишком ощутим привкус австрийских пирожных в том жизненном укладе.

Да что Львов, что Киев... Чтобы не давить на большую мозоль, возьмём город отдалённый – саму Вену, ощущения от поездки в которую у меня ещё живы. Нынешняя Австрия – ужатая до пределов немецкоязычных областей империи – не более чем придаток Германии, безуспешно пытающийся сохранить культурную специфику. Всё, что сохранилось в Австрии подлинно австрийского, сконцентрировано в Вене, остающейся реликтом империи, наподобие других столиц, утративших вместе с былым статусом смысл существования, – таких как Константинополь, Петербург, тот же Киев, рассматриваемый в качестве центра Руси.

В Вене практически не встретишь человека без славянской крови (естественно, среди коренных венцев). И внезапно приходит понимание того, насколько прекрасна была Габсбургская держава – при всех её несомненных грехах. То был уникальный опыт сосуществования и постепенного притирания друг к другу народов разного происхождения, веры и исторической судьбы. Опыт примирения с фактом присутствия рядом – иного, но, вместе с тем, своего. Этот дух прекрасно передан в новеллах Цвейга. В то же время, габсбургская империя – не «плавильный котёл», нивелирующий различия, а уникальный ансамбль, создавший собственный стиль существования, в известном смысле противоположный германскому. В истории философской мысли, пожалуй, единственным человеком, понимавшим эстетическую ценность континентальных империй, ценность более значимую, нежели истинные и мнимые национальные интересы и политический расчёт, – был Константин Леонтьев. Статус-кво, который следовало сохранить во что бы то ни стало, оказался принесён в жертву национально-освободительным мифам и хищничеству рынка. Возникла цепная реакция распада, в результате чего мы имеем море крови и ряд ни на что не годных независимых государств с больным самолюбием и веч-

ными претензиями – как друг к другу, так и к прочим «недораспавшимся» квазиимпериям, одной из которых была, например, покойная Югославия.

Можно возразить, что все империи были так или иначе обречены – но это лишь в обратной перспективе все кажется предопределённым. На деле нереализованные сценарии для своего времени были столь же вероятны, как и единственный реализованный. Именно поэтому мне кажется, что те, кто считает империю злом по определению, а имперские амбиции – подлежащими беспощадному искоренению, не учитывают ни позитивного, ни негативного опыта. Если и нужно что-то холить и лелеять, то именно имперский дух как наиболее антипровинциальный из всех «духов», заставляющий поступаться эгоистичными интересами ради общего дела. В противном случае нас ждёт «война всех против всех» – *bellum omnium contra omnes*, как выражались древние римляне, и дальнейшее членение на более мелкие области идентичности почти неизбежно. Первое разделение, как несложно догадаться, пройдёт по поясу периферий – древнему граду, чего вовсе бы не хотелось.

Владислав Сикалов

От автора

Всё, о чём рассказано ниже, происходит в параллельной реальности, удивительным и непостижимым образом похожей на нашу, иногда настолько, что становится по-настоящему не по себе: происходит, вероятнее всего, прямо сейчас. Автор сам не в состоянии объяснить, каким образом ему удалось наблюдать эту реальность, но факт её существования совершенно неоспорим. Разумеется, автор не несёт равным счётом никакой ответственности за любые возможные совпадения места, времени, имён и событий, и если таковые имеются, то это – полнейшая, чистой воды случайность. Автор ничего не может поделать с тем, что увиденная им иная реальность не только отличается от той, в которой живёт он сам, но и с тем, что запечатлённая им реальность может кому-то очень сильно не понравиться. А то, что эта – иная – реальность страшно нравится самому автору, – его сугубо личное, частное, никого не касающееся дело.

Вадим Давыдов

Эпиграфия I

Любовь к России не должна ослеплять нас и проявляться в отсутствии критики. И если кто-то упрекает часть нашей буржуазии в идеализации Старой России, такой же упрёк заслуживают и левые силы, которые некритично воспринимают русскую революцию и большевизм.

Томаш Гарриг Масарик

Государство выживает лишь тогда, когда ему нужны решительно все его граждане. Когда в нем работает единственная универсальная национальная идея: «Лишних людей у нас нет». Идеальному государству, в отличие от идеальной корпорации, нужны все его граждане вплоть до последнего бомжа. Оно заинтересовано не в сокращении, а в приросте рабочих мест. Его интересует не только прямая выгода, но и элементарная занятость населения, а лучше бы – поглощённость всего этого населения великим проектом, вне зависимости от того, принесёт он быструю выгоду или нет. Идеальное государство мечтает не о профицитном бюджете, а о полете на Марс, – и тогда у него сам собою формируется профицитный бюджет. Эту генеральную зависимость между бескорыстием и профитом сформулировал ещё Корней Чуковский: «Пишите бескорыстно, за это больше платят». В мире великих сущностей, рассчитанных на долговременное существование, успешны только проекты, не сулящие половине населения высших благ и вкусных обедов за счёт уничтожения другой его половины. Невозможно выстроить могущественное государство, вдохновляя граждан идеей воскресного шопинга в гипермаркете. Напротив, сам шопинг в гипермаркете и прочие радости консюмеризма становятся следствием чего-нибудь этакое непрагматичного, неэффективного с виду – вроде намерения построить свободную страну, живущую по закону, или удивить весь мир образованностью своих детей.

Дмитрий Быков

Мы все были гражданами многонациональной империи, самая суть которой состояла в смешении народов, рас, культур и религий. Общим для всех нас было одно: император. Лояльность по отношению к нему объединяла нас, сообщала нам чувство долга по отношению друг к другу и всем вместе – по отношению к государству. Неважно было, высоко вы стоите или низко. Чувство общности передавалось всем. Мы были конгломератом народов, в сущности равноправных, потому что выходец из любого народа мог подняться на любой государственный пост, будь он родом из Вены, Далмации, Лемберга (который теперь Львов) или же из Кракова.

Р. Шницман, австрийский аристократ

Для националистов габсбургская империя была прежде всего «тюрьмой народов», но процветание в её пределах просто бросалось в глаза. Различные народы и районы своими традиционными занятиями и природными богатствами превосходно дополняли друг друга, создавая (на зависть соседям) самодостаточное и согласованное единство. В сущности, здесь и был впервые

создан Европейский общий рынок. В отличие от колониальных империй, Австро-Венгрия заботилась об экономическом развитии и подъёме всех своих частей. Сейчас об этом времени с грустью вспоминают в государствах, возникших на развалинах империи.

Проф. Петер Ханок, венгерский историк

Вижу город великий, до звёзд вознесётся слава его.

Княжна Либуше, Пророчество при основании Праги

Как я выжил – будем знать только мы с тобой...

Константин Симонов

Град вознесённый

Пролог. Драконами не рождаются

– Что у нас, Андерсон? – дежурный ординатор госпиталя «Маунт Синай»¹ быстро вышагивал рядом с каталкой.

– Множественные огнестрельные, большая кровопотеря. Парня только что вытащили из бронированного «линкольна» – машина, говорят, похожа на дуршлаг, шофёр умер на месте, а этот – вот, дышит ещё. Но состояние – критическое, надежды – никакой.

– Это, Андерсон, не вам решать. Давление?

– Сорок на восемьдесят и падает.

– Пульс?

– Тридцать четыре.

– Группа крови?

– «А плюс».

– Ну, хоть что-то!² Катетеризируйте вену и начинайте переливание, немедленно. Сестра Карлайл!

– Да, сэр. Операционная номер восемь.

– Хорошо, спасибо, сестра. Быстрее, Андерсон, быстрее! – напустился хирург на молодого врача-интерна. – Сколько можно возиться с простейшим катетером, чёрт возьми?!

– Судя по тому, как вы тут суетитесь, я ещё жив.

Люди вокруг носилок на мгновение остолбенели. Голос их подопечного звучал ровно и немного насмешливо. Слишком ровно. Слишком насмешливо. Когда этого парня привезли, он закономерно был без сознания, подумал интерн. И прийти в себя человек, до такой степени изрешечённый пулями, как минимум полдюжины из которых засели у него в черепе, просто не способен. Что происходит?!

– Не понимаю, почему вы ещё живы до сих пор, – наклоняясь над раненым, пробормотал Хэйвен. – Этого по определению быть не может!

– У меня есть кое-какие незавершённые дела, док. Этот мир – дерьмо, и пора привести его в порядок.

Господи, что сегодня за день, пронеслось в голове у ординатора. Шесть покойников, одиннадцать раненых только за его смену! Интересно, приятель, почему ты ещё не седьмой, – для двенадцатого в тебе слишком много дырок?! А в Индии – только что сообщили – взорвался химический завод, погибло несколько тысяч. Насчёт дерьма парень, похоже, прав!

– Андерсон, от вас всё равно никакого толку, – спокойно продолжил раненый. Интерну показалось, что зелёные глаза человека на носилках сейчас прожгут его насквозь. Невозможно, подумал он. Во-первых, он убит, – а во-вторых, у человека вообще не может быть такого взгляда! – Отправляйтесь на пульт³ и позвоните, – интерн машинально записал продиктованный номер. – Когда вам ответят, скажите – продаётся жук в янтаре. О прочем не беспокойтесь.

– Доктор Хэйвен?! – интерн изумлённо и, кажется, умоляюще посмотрел на хирурга-ординатора.

– Отличная фамилия для врача⁴, – усмехнулся раненый. – Оформляйте, док. Долго ещё?

¹ Крупный медицинский комплекс в центре Нью-Йорка, США.

² Достаточно широко распространённая группа крови, запасами которой располагает любая клиника.

³ Стойка информации и связи, имеющаяся, как правило, на каждом этаже и/или отделении крупной клиники.

⁴ Heaven (англ.) – небеса, рай (перен.)

Ординатор опомнился первым.

– Ну, что встали?! – вызверился он на пребывающий в кататонии персонал. – В операционную, живо! Андерсон, – делайте, что вам сказали! А тебе, парень, следует заткнуться, не то и вправду придётся «оформлять»!

* * *

В ходе операции, продолжавшейся более трёх часов, раненый ни разу не сомкнул глаз – и ни словом, ни мимикой не дал понять, испытывает он боль или нет, хотя наркоз, судя по всему, на него не действовал. Это страшно мешало доктору Хэйвену и при этом невероятно возбуждало его любопытство, – и профессиональное, и человеческое.

Первая извлечённая пуля заставила ординатора на мгновение забыть о пациенте: ему ещё не приходилось вынимать из человеческих тел подобные снаряды. Около полутора дюймов в длину, она оказалась довольно лёгкой – менее сотни гранов⁵. И калибр какой-то странный, пожал плечами Хэйвен, – нечто среднее между двадцать вторым и двадцать пятым⁶. За время своей работы в госпитале ординатор существенно поднатерел в таких дисциплинах, как оружейное дело и баллистика. Ничуть не менее удивительной была форма, совершенно не изменившаяся при прохождении по раневому каналу – она напоминала скорее кернер или наконецник дротика для игры в «дротики», нежели собственно пулю.

– Это бронебойный сердечник, док, – прокомментировал замешательство Хэйвена раненый. – Или карбид вольфрама, или упрочнённая сталь. Свинцовыми экспансивками⁷ меня бы на куски разодрало, и вы бы спокойно смогли допить ваш вечерний кофе, – который, кстати, по счёту?

– Да заткнитесь же, – почти взмолился хирург, швыряя пулю в кювету. – Заткнитесь, ради всех святых, или я велю заклеить вам рот!

– Это жестоко, – вздохнул раненый. – Пользуетесь своим служебным положением? Ну, ладно, ладно – молчу!

* * *

– Невероятно, – хирург опустил на заботливо подставленную скамеечку и поднял руки, давая возможность медсестре снять длинные резиновые перчатки, куда были заправлены манжеты халата. – Клайв, – Хэйвен повернул голову к анестезиологу, колдовавшему над установкой, – он ещё в сознании?

– Никогда такого не видел, – пробормотал тот. – Давление пятьдесят на сто, пульс пятьдесят восемь.

– Док, вам мама в детстве не рассказывала, – нехорошо говорить о присутствующих в третьем лице?

– Чёрт, я бы на вашем месте всё-таки заткнулся, – прошипел Хэйвен, косясь на кювету, которую несла на вытянутых руках операционная сестра с такой осторожностью и таким выражением лица, как будто внутри ёмкости располагалась как минимум атомная бомба. – Пятьдесят три пули, и я не уверен, что достал все, чёрт подери!

– Не переживайте, док, – усмехнулся лежащий на операционном столе. – Рассосётся!

⁵ Вес пуль в США до сих пор измеряется в гранах (1 гран = ок. 60 мг).

⁶ 5,56 и 6,35 мм соответственно.

⁷ Экспансивная пуля – пуля с высоким останавливающим действием, быстро теряющая скорость в мягких тканях организма и причиняющая ударно-гидравлические повреждения, сопровождающиеся болевым шоком. Используется в основном в полицейском и гражданском оружии.

Грохот кюветы, упавшей на вымощенный кафелем пол, и стук рассыпающихся по всему помещению стальных цилиндров вернул хирурга на землю. Хэйвен поперхнулся и закашлялся.

– Эй, док, – голос пациента звучал теперь требовательно и озабоченно, хотя паники или страха в нём по-прежнему не ощущалось. – Я сердечно признателен вам за труды, но сейчас мне просто необходимо отсюда свалить, и как можно скорее. Мой адвокат уже тут, если ваш Андерсон ничего не напутал. Я понимаю – клятва Гиппократа, врачебный долг и всё такое, но лучше вам послушать и сделать так, как я говорю.

– Большие деньги? – усмехнулся Хэйвен.

– Куда больше, чем вы когда-нибудь сможете себе представить, – лёгкий смешок раненого, как ни странно, подействовал на Хэйвена убедительно. – Плохие парни не любят делиться, но мне наплевать.

– Мы влили вам почти два литра крови и плазмы, – покачал головой хирург. – В таком состоянии вам нужен профессиональный уход и постоянное наблюдение. С вашими ранениями...

– Не выживают, – закончил за Хэйвена пациент. – Очевидное – невероятное, а? Так что, – вы же умница, док, и не будете возражать?

Подумав несколько секунд, хирург величественно кивнул, краем глаза следя за остальными участниками действия – все они, замерев, ждали, каков будет его вердикт:

– Надеюсь, ваш адвокат сумеет разобраться с полицией, – пара детективов наверняка ожидает за этими дверьми. Хотя меня это и не касается, я был бы рад узнать, чем закончатся ваши приключения, молодой человек.

– Я пришлю вам открытку, – ухмыльнулся раненый. – Поехали наружу, ребята!

Рейс «Lufthansa». Москва – Франкфурт. Март

Прозвенел сигнал, и над аркой входного проёма загорелась надпись «Пристегните ремни». Андрей вздохнул – слушаюсь и повинуюсь – и закрыл ноутбук. Оставшиеся двадцать с лишним минут до посадки заняться было решительно нечем, и Корабельщиков, сучая, потянул из кармана впереди стоящего кресла какой-то глянцевого журнала, принадлежащий полку российских клонов западной гламурной макулатуры.

Рассеянно листая страницы с мало интересовавшими его «звёздными» новостями, Андрей поймал себя на мысли, что немного завидует: уж лучше такая безбашенная волюшка-воля, чем унылый «парадокс» в родных палестинах. Корабельщиков ненавидел единственный международный аэропорт Республики, оглушавший случайно заброшенного в него путешественника кладбищенской тишиной и унылой затхлостью длинных переходов с редкими рекламными щитами местного оператора сотовой связи и псевдопатриотической социалки «Купляйце тутэйшае», являющей городу и миру безнадёжный провинциализм местного «креатива». Ничего удивительного – в душном воздухе «рэжыма» с трудом дышалось любому, кто хотел сам распоряжаться своей жизнью, потому и разбегалась молодёжь буквально в разные стороны – в Вильнюс, Варшаву, Хельсинки, – куда удавалось вырваться, а хоть и в Москву! Да что Москва – в Воронеже или Саратове было веселее и интереснее, чем в столице «республики», глава которой на голубом глазу однажды посулил её гражданам «бедную, но недолгую» жизнь.

Андрей, пожалуй, был своего рода исключением – он не стремился убежать навсегда, ускользая на время. Судьбе было угодно даровать ему такую возможность – путешествовать с комфортом и не за собственный счёт. И отбытие, и прибытие своё Корабельщиков научился обставлять, как дополнительное приключение: поездом – в Москву или в Киев, а оттуда уже – самолётом дальше, непременно Lufthansa, KLM или Luxair, в зависимости от пункта назна-

чения. Из Столицы Андрей не летал никогда – редкие дорожные рейсы той же Lufthansa, вечно пустая трасса Столица – Аэропорт и угрюмые лица пограничников и таможенников, томящихся в горьком безлюдье «воздушных ворот», словно в ссылке, навевали на него такую неодолимую тоску, что впору было всерьёз беспокоиться о душевном здоровье. Да и нырять отсюда напрямик в европейский круговорот лиц, встреч и событий, а потом, разом – назад, будто в омут с чёрной стоячей водой, – нет, это было определённо выше его сил.

* * *

От «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» Андрея отвлёк голос одного из двух сидящих впереди мужчин. Судя по стрижкам и костюмам «под самогó» – русские «государевы люди». По выговору Корабельщиков определил: коренные москвичи. Не иначе, на какую-нибудь модную в нынешнем сезоне европейскую «стажировку» направляются, слегка улынулся Андрей.

– С тебя червонец, Костя, – с подъёмом заявил сидящий у иллюминатора. – Как и договаривались.

И он довольно зашуршал газетой.

– Когда это мы договаривались? – в голосе сидящего у прохода мужчины слышалось недоумение.

– Я тебе говорил, освободят её? Говорил. А ты не верил! Вот, глянь!

Газета перекочевала в руки Константина. Некоторое время он молчал – видимо, читал – а потом крикнул:

– Точно. Ладно, Толя, – признаю, уел ты меня!

– Да я ни минуты не сомневался, – обязательно Вацлав своих егерей за ней пошлёт. Это же Вацлав!

Андрею сделалось любопытно. Он снова заглянул в карман кресла и обнаружил там какую-то газету. Раскрыв её, он быстро нашёл заголовок, ввергший попутчика в ксенопатриотический восторг. Ну, мне следовало бы догадаться, подумал он. В результате операции, проведённой, как обычно, егерями лейб-гвардии его величества Вацлава Пятого, божией милостью государя и самодержца (ну, почти), 20-летняя студентка Карлова университета А., арестованная по подозрению в перевозке наркотиков и быстренько приговорённая шемякиным тайландским судом к смертной казни, освобождена и уже находится на родине.

– «В ходе боевого столкновения уничтожено несколько полицейских и тюремщиков, пытавшихся оказать сопротивление. Дети и животные, по словам пресс-секретаря посольства Короны в Бангкоке, не пострадали», – процитировал Константин и хихикнул. – Во дают, черти! Хаят всем подряд!

– А все только утираются, – подхватил Анатолий.

Андрей невольно усмехнулся. Даже зашуганная «бацькина» пресса с удовольствием цитировала дипломатов Короны, излагавших свою позицию тоном, от дипломатической эквилибристики весьма далёким. Наверное, вот так разговаривали со всяким «европейским сбродом» екатерининские вельможи, опираясь на суворовские штыки и ощущая за спиной крылья побед под Измаилом и Наварином. И пусть такие цитаты – единственная фронда, на которую способны карманные СМИ «усенародна избранага», но и та выглядит свежо и дерзко среди репортажей о надоях и огуречно-уборочных комбайнах, подумал он.

Несколько лет назад Андрей впервые увидел на «Шляхе» студентов из Праги. Не по-здешнему открытые, свободные, весёлые, красивые ребята и девчонки из такой близкой – и такой далёкой – Короны, они стояли среди своих сверстников-«тутэйших», смеялись, кричали что-то, а потом запели – сначала «Зорку Вянеру», а после – «Варшавянку» и «Марсельезу». Да по-русски, – с ума сойти можно! Спустя мгновения вся колонна подхватила мотив и слова,

чудом не позабытые со времён советского детства, – и совсем по-другому, по-новому зазвучали они. Даже Андрей не смог устоять перед этим – воистину народным – порывом, и подхватил слова и мелодию – в полный голос. Это он-то, всегда до слёз стеснявшийся немзыкальности своей, неумения петь! Иные слёзы навернулись тогда ему на глаза: слёзы стыда и боли за родную страну – и слёзы счастья, – оказывается, есть на земле место, где растёт и поёт революционные песни такая вот молодёжь!

А дрались эти дети – конечно же, дети, а как ещё мог их назвать Корабельщиков, будучи много старше? – совсем не по-детски. Расчётливо, умело, технично и потрясающе слаженно. Раскалывая колонну демонстрантов, амаповцы⁸ в серо-чёрном «городском» камуфляже набросились на ребят. Выхватив двух девушек, милиционеры поволокли обеих – действительно волоком, по земле, – к «воронкам». После длившегося какие-то доли секунды замешательства остальные пражане – и парни, и девушки, – ринулись в бой. Это был настоящий бой – даже Андрей сумел понять это своим насквозь штатским существом. Никто не успел и глазом моргнуть, – щиты и дубинки оказались уже в руках у ребят. Ещё миг – и катятся кубарем по асфальту овчарки Сероусого, схватившие было девчонок! Толпа расступилась, пропуская в свою глубину маленький отважный отряд, и снова сомкнулась непроходимой стеной. «Бацкины» полицаи, ошарашенные и напуганные отпором, попятились – и не посмели продолжить разгон, лишь преграждая колонне выход на площадь.

Помогая ребятам садиться в автобус, Андрей с изумлением понял: они даже не злятся! Взгляды, всё ещё горящие азартом схватки, победы, – а вот злобы Андрей не увидел. Сочувствие – вот что прочёл он в светлых глазах гостей из прекрасного города на берегах быстрой Влтавы.

Коронный Союз. Корона. Это, сначала неформальное, название очень быстро наполнилось смыслом настоящего имени. Всё началось в Праге. Всем казалось: единое государство чехов и словаков доживает последние дни, – эйфория от «бархатной революции» восемьдесят восьмого прошла очень быстро. Случайно узнав о том, какой именно вопрос – один-единственный – внесён в бюллетень предстоящего плебисцита, Андрей лишь недоверчиво усмехнулся. Монархия?! Что за бред! Да никогда они на это не согласятся!

Андрей не собирался принимать происходящее всерьёз. Точно, как он, рассуждали в Европе и в Штатах. Двадцать первый век на носу! Ну, а бывших капэсэсовцев, под грохот перестройки и перестрелки занятых развалом и распродажей вдруг ставшей ненужной им великой державы, и вовсе ничего вокруг не интересовало. По крайней мере, поначалу.

Гедиминович⁹, усмехнулся Андрей. Надо же! Откуда могли вообще взяться неопровержимые – ой, держите меня! – доказательства благородных корней никому неведомого командира «диких гусей» из бывшей Родезии?! Как и когда получил он чехословацкий паспорт?! Кажется, ни в Праге, ни в Братиславе никто неудобных вопросов не задавал. Интересно, во сколько тебе это обошлось, Дракон? Отлично известно, кто всё устроил!

Андрей с горечью ощутил, как быстро – и мимо – проносится время. Событий, случившихся в сердце «старушки Европы» за последних полтора десятилетия, хватило бы на несколько жизней – и каких! Вот вам и «старушка», подумал Андрей.

Корабельщиков снова услышал голос сидящего впереди москвича – кажется, Анатолия: – Наталья моя была в Праге с тургруппой прошлой осенью. До сих пор, чуть что – «А вот в Праге!». Представляешь?! На Рождество опять туда собралась. С той же группой. Но на этот раз, говорит, – и с тобой, Толя. Обязательно. Ты, говорит, сам всё должен увидеть.

– Лучше, чем в Париже? – покосился на товарища Константин.

⁸ АМАП – ОМОН (бел.)

⁹ Чешско-польско-венгерско-литовская королевская династия Ягеллонов принадлежит к ветви Гедиминовичей – потомков Великого князя литовского Гедимина.

– Да ну его, Париж этот, – отмахнулся Анатолий. – За чашку поганого кофе все карманы вывернешь! Грязь, мусор, дома разрисованы какой-то хренью, народу, как в бочке! В метро – только успевай поворачиваться: того и гляди, какая-нибудь тварь черножопая или сумку взрежет, или мобилу вытянет. Наташку какой-то козёл прямо при мне принялся лапать! А попробуй, слово ему скажи – ещё и за расизм оштрафуют. Нет уж, больше я в эту дыру – ни ногой! Туда уже все негры и арабы из бывших колоний переехали, – чего я там позабыл?!

– Можно подумать, в Праге их нет, – пожал плечами Константин.

– Нету. Наташка у экскурсовода спрашивала: а как же беженцы? А та ей: у нас беженцы в университете персидскую литературу и арабский язык преподают. А другим у нас делать нечего. Не веришь – сам поезжай, посмотри.

– А что? – загорелся вдруг Константин. – Хорошая мысль, Толя. Веру даже сильно уговаривать не придётся, – меня насчёт восторгов твоей жены уже просветили. Как они за несколько лет всё перевернули – уму непостижимо!

– Читал я этот «Закон о престоле», – вздохнул его приятель. – Гениально, честное слово! Почему мы не додумались?! А ведь иначе просто работать не будет. Династия – фигня: во втором, много – в третьем колене, – уже фуфло одно, а не монархи. А такая схема – претенденты, двадцать лет подготовки, проверки сумасшедшие, боевые в том числе, а потом – выборы из трёх или четырёх оставшихся, и пожизненно на троне¹⁰. Это, Костя, реально!

– Думаешь, Вацлав не определит своих пацанов в претенденты?

– Ну, и определит. Определяй, не определяй, – если проверки не прошёл, привет. Вылеташь с дистанции, и всё.

– Так ведь закон – он, сам знаешь, как выворачивается. Только откаты поболее будут.

– Вацлав с Драконом откатят – мало не покажется, – хохотнул Анатолий. – Вон как они албанцев откатали! Ни арабские миллионы, ни турецкие инструкторы, ни пакистанские советники, – ничего им не помогло, – в голосе москвича отчётливо слышалось восхищение. – Раздраконили – за неделю!

Раздраконили, усмехнулся Корабельщиков. И правда, – умри, лучше не скажешь.

– А ты – откаты, откаты, – продолжил Анатолий. – Вацлав башку за откат смахнёт – и поминай, как звали!

– Хочешь, чтобы у нас такие же порядки завели? Тебе оно надо?

– Это *пока* не надо, Костя. Вот только опасаясь я, – станет нам оно надо, аж до зарезу, да поздно будет. Дружить надо с Коронай, а не собачиться! У них вон русский – чуть ли не государственный язык! Наташка рассказывала, в гостинице каналов телевизионных – штук сорок, из них десятков на русском – новости, спорт, фильмы, культура. Театры наши в Праге, считай, прописаны – а на попсу никто и не смотрит!

– Вот это-то и подозрительно, Толя, – назидательно поднял вверх палец второй москвич.

– Слушай, Костя, – развернулся к приятелю Анатолий. – А по-твоему, сербы с венграми или румыны с македонцами, – они на каком языке должны договариваться? На китайском, что ли?! Я считаю, Вацлав – гений. Учителя русского есть, учебники есть, инфраструктура – пожалуйста. Бери и пользуйся. Ломать, знаешь, не строить, много ума не надо! А вот Вацлав – с Драконом там, без Дракона, мне, если честно, до фонаря – с умом к делу подошли. И, похоже, очень нехило у них получается, так я тебе скажу!

О роли русского языка как средства международного общения внутри Коронного Союза Андрей слышал не в первый раз. Но удивление его от этого ничуть не уმაлялось.

– Ну, не знаю, – протянул Константин. – Мне, например, нравится, как у нас с Евросоюзом отношения складываются.

¹⁰ С душераздирающими подробностями любознательный читатель может ознакомиться в замечательной книге Ю. Мухина «Смысл жизни», глава 3, подраздел «Император».

– Отношения – это хорошо. Только Корона по всем пунктам Евросоюз обходит, – Анатолий аккуратно сложил газету. – Они Корону ненавидят просто ещё больше, чем нас – вот и весь секрет ихней «любви», Костя. Особенно после того, как в Австрии референдум о присоединении к Короне прошёл.

– Этак он всех под себя подомнёт, – опасливо заметил Константин. – Ничего хорошего не вижу.

– Как в том анекдоте: мы никуда не побежим, а медленно-медленно спустимся с горы и аккуратно поимеем всё стадо, – Анатолий покрутил головой и поджал губы. – Всех – не всех, а немцы восточные точно облизываются. Я с ребятами из бывшей ГДР на прошлой стажировке немало водки выпил. Много болтать не хочу, но «кайзер Венцель» у них в полном авторитете. Так-то!

– Кто?!

– Ну, Вацлава так по-немецки зовут! А наших там сколько, знаешь? Пять лет в Легионе оттрубил – и пожалуйста: паспорт, кредит государственный. Хочешь – учись, хочешь – дело своё открывай. Вацлав – гений, говорю тебе! И что характерно, – всё у него есть, и нефть, и газ, и народ за него в огонь и в воду. А у нас – один трындёж про многовекторную политику! И политики-то нет – только реакция на раздражение, как у кольцевого червя. Разве мировая держава так себя ведёт?! Да хоть тех же арабов возьми. Мы их кормили-поили, учили-лечили, а они нам – нож в печень в Чечне и пулю в спину на Кавказе! Вот у Вацлава слово с делом никогда не расходятся: сказал людям – будем вместе строить великую державу, и – пожалуйста. Эх, нам бы...

Чего именно хотел пожелать себе и согражданам Анатолий, Корабельщиков слушать не стал. Чтобы догадаться, никакой сверхъестественной проницательности не требовалось.

Фрапорт¹¹. Терминал 2. Март

Весь багаж Андрея состоял из сумки с компьютером и парой смен белья, носков и рубашек. Благополучно миновав паспортный контроль и зелёный коридор таможни, он вышел в зал прибытия. И не на шутку удивился, увидев не кого-нибудь там, а саму Трудю Грюнн – вот уже лет пятнадцать бессменную секретаршу Брудермайера – с табличкой в руках, на которой значилось «Herr Korabelstschikow». Трудя призывно помахала ему ладонью. Андрей ускорил шаг.

– Трудя, дорогая! – Корабельщиков наклонился, подставляя для дружеского поцелуя гладко выбритую щёку. – Чем обязан? Такая честь!

– Узнаешь, – улыбнулась Трудя. – Поехали!

– Бегаёт ещё твой «народный вагончик»?

– Бегаёт. Только не здесь и не сейчас, – тонкие лучики морщинок побежали от уголков глаз к вискам фрау Грюнн, и Андрей с грустью подумал о том, что и ему скоро перевалит на пятый десяток. – Идём, цены за стоянку тут сам знаешь, как кусаются.

* * *

Не удержавшись, Андрей присвистнул, увидев, какой автомобиль приветливо помигал им габаритами. Новенькая «Шкода-Электра» необычно яркой, но не кричащей расцветки, силуэтом напоминала «Ягуары» и «Мерседесы» конца пятидесятих и стояла в Европе чуть ли не вдвое дороже, чем в Короне. Об этом Андрей недавно прочёл в «За рулём», который до сих пор исправно выписывал. Об автопроме Короны журнал рассказывал регулярно, и неизменно – с восхищением. Однажды сотрудникам редакции даже удалось покататься на «Татре-Богемии»

¹¹ Так часто называют Франкфуртский аэропорт.

– изящном, стремительном и роскошном, как антикварная «Испано-Сюиза», лимузине. «Богемия» не продавалась вообще: на них передвигались лишь высшие должностные лица Короны и её дипломаты. Рядом с «Татрой» госпожи посланницы «бацкин» бронированный «мерин» смотрелся, мягко говоря, несолидно. Ближневосточные коллекционеры болидов, блондинок и верблюдов бесились, но купить вожаемое четырёхколёсное чудо не могли даже на вторичном рынке: к вопросам державного престижа в Короне относились более чем серьёзно. Авиационный завод «Аэро» выпускал ещё две необычайно интересные модели: реплику знаменитого «Мустанга» 68-го года с самой современной начинкой, и Астон Мартин ДБ5, тоже, разумеется, полностью модифицированный в соответствии с требованиями современности. Андрей не сомневался: именно этим скромным набором марок и типов ограничены автомобильные пристрастия «кайзера Венцеля».

Вообразить, будто Труды способна купить себе «Электру», даже питаясь одним лишь собачьим кормом из «Алди»¹², было решительно невозможно. Посмотрев на удивлённо ползущие вверх брови гостя, фрау Грюнн кивнула:

– Да, теперь мы можем позабыть о минусе на счёте. И всё это из-за тебя, Анри.

– Анри – это Генрих, – машинально, в миллионный, наверное, раз поправил её Корабельщиков. – На французский лад правильно будет – Андре.

– Плевать, – тоже в миллионный раз заявила Труды. – Мне так больше по душе.

Эта невинная игра, что греха таить, нравилась им обоим.

– Ну, и причём тут я? – спросил Андрей, устраиваясь на переднем сиденье и чувствуя, как мультиконтурные подушки нежно обнимают его спину. – Труды, если ты немедленно не расскажешь...

– Немедленно не получится, – покачала головой фрау Грюнн. – История довольно долгая – и довольно странная, если не сказать больше. А кто надоумил тебя обратиться в «Коруну»?

– Ах, боже мой, да никто, – в смятении пробормотал Корабельщиков. – Сам допёр. Чай, не дурак какой!

Столица Республики. Семь месяцев тому назад

На проведение ежегодной конференции не хватало тридцати тысяч. К сожалению, не рублей, а долларов – рубли в таком количестве Андрей выложил бы из кармана, даже не задумавшись, поскольку курс – десять с лишним тысяч «белочек» за один-единственный доллар – давным-давно превратил расчёты в рублях в некую фикцию, которой пользовались только из опасения угодить под административные взыскания. Взять деньги было банально негде: Брудермайер, сославшись на трудности, о которых Андрей был прекрасно осведомлён, отказался выделить больше десятки, а все местные ресурсы вроде представительства ЮНЕСКО Корабельщиков уже задействовал, собрав с грехом пополам аж восемь тысяч «зелёных». Ну, и что прикажете делать?!

Андрей с Татьяной гуляли по Немиге и обсуждали, что ещё можно предпринять. Вечер был тёплым и тихим – бабье лето в этом году расщедрилось как-то совсем уж по-особому. Корабельщиконы иногда позволяли себе такие вылазки – им требовалось побыть просто вдвоём. Сонечка ночевала у бабушки – с удовольствием, и слава богу.

– Андрюша, – он почувствовал, как Татьяна стиснула его ладонь. – Андрюша, что это?!

Корабельщиков поднял глаза, – высокий, он в минуты задумчивости сутулился и смотрел себе под ноги – и тоже остолбенел.

¹² «Aldi» – сеть дисконтных супермаркетов в Европе и США, известная низкими ценами на продукты и потребительские товары.

Ещё вчера здесь ничего не было. А сегодня на монументальном, с мощной опорой-колонной, рекламном щите у дороги – огромное полотно, подсвеченное лампами солнечного спектра, невидимыми снаружи. Фактура плаката, похожая на мелованную бумагу, и элегантный, с засечками, шрифт. Андрей прочёл текст и почувствовал, как гулко забилося сердце. Посмотрел на Татьяну, изумлённую не меньше его самого, – и прочёл ещё раз.

Покупаю хороших людей.
Дорого.
Расчёт на месте.
Позвоните*.
Я верю – мы обязательно встретимся.

Ваша Коруна

Под звёздочкой была инструкция: с мобильного телефона набрать «1011», включив автоопределение своего номера, и, прослушав сообщение, повесить трубку. Всё.

С мобильного – это понятно, подумал Андрей. Но что они могут узнать по номеру телефона о его владельце? Наверное, всё же кое-что могут, усмехнулся Корабельщиков про себя. Он повернулся к Татьяне:

– Идём, Танечка.

– Подожди, – она сердито высвободила руку. – Ваша Коруна – что это значит?

– Это Дракон, – вздохнул Корабельщиков. – Коруна – его фонд, официальный вроде как даже. Называется – система поддержки независимых проектов. И коммерческих, и некоммерческих – всяких. Я и не знал, что они тут есть.

– Позвони, – велела Татьяна.

Не просто сказала – велела.

– Ты считаешь, я хороший человек? – улыбнулся Корабельщиков.

– Позвони, – не приняла Татьяна его шутливого тона. – Позвони им, Андрюша. Ты очень хороший человек, и я говорю это вовсе не потому, что я – твоя жена. Позвони им. Сейчас же.

– Ладно, – неожиданно легко согласился Корабельщиков, не узнавая себя и повинаясь какому-то странному порыву весёлого отчаяния. – Отлично. Вот прямо сейчас и позвоню.

Он достал телефон, набрал номер и нажал клавишу вызова.

– Включи громкую связь, – тихо попросила Татьяна.

Он подчинился.

Гудка не было. Раздался звук, похожий на бой курантов – да это же Пражский Орлой, понял Андрей, вспомнив мелодию, сопровождавшую многие передачи на телеканалах из Коронного Союза – и прозрачный, как родник, женский голос с едва различимым западнославянским акцентом воодушевлённо произнёс:

– Здравствуйте! Я очень рада вашему звонку. Я обещаю вам – я выслушаю всех и помогу каждому, кто нуждается и кто окажется достоин моей помощи. Когда мы встретимся – пожалуйста, не бойтесь говорить правду. Это самое главное. Тогда у нас обязательно всё получится. Не выключайте этот телефон – я непременно перезвоню вам в течение следующих двадцати четырёх часов. Спасибо вам за то, что вы есть. Удачи! Ваша Коруна.

Снова короткий перезвон курантов – и тишина.

Первой опомнилась Татьяна:

– Вот это НЛП, – пробормотала она. – Аж мурашки по всему телу. А голос – даже меня пробрало, а уж мужики, наверное, вообще с катушек слетают. Мужик мой, ты как? На катушках ещё?

– Вроде да, – Андрей прокашлялся.

Автоответчик, подумал он, это ясно – но как они такое модулируют, это же какая техника для этого нужна, и коммутатор многоканальный, чтобы вообще без режима ожидания работать! Где, когда это всё установлено, кем, кто разрешил?! Представив себе размер хабара, которым могло быть отрегулировано в «республике» мероприятие такого масштаба и такой технической сложности под носом у «бацьки» с его «бяспекой» – всё-таки диплом радиотеха с отличием, талант не пропёшь – Андрей крикнул. Ему вдруг сделалось жарко от ощущения чего-то грандиозного, что вот-вот должно было начаться, и чего он не должен был, не имел права пропустить.

– Голос, действительно, потрясающий, – он смущённо улыбнулся Татьяне. – Ты думаешь...

– Она перезвонит, Андрюша, – улыбнулась в ответ, как показалось Корабельщикову, чуть снисходительно, Татьяна. Я всегда знал – Таня мудрее меня и лучше, подумал он. – Не смей даже помыслить о том, чтобы усомниться. Слышишь?

– Слышу.

– Откуда он взялся?

– Кто?

– Дракон!

– Никто не знает.

– Так-таки – никто?

– Ну, видимо, тот, кто знает – молчит, имея на то веские причины. В прессе полно всяких слухов, один глупее другого, – такое впечатление, ему самому это даже доставляет удовольствие.

– Надо же, наглость какая, – покачала головой Татьяна. – Ваша Корона. Наша Корона, значит. Каково?!

– Ох, Танечка, – почти простонал Андрей. – Она просто есть – Корона. Для всех. Понимаешь? И для нас, и для них. Она – у нас, а мы – уж какие есть – у неё. Других-то нет! И она это, кажется, понимает.

– Ну, значит, тогда у нас и правда всё получится, – Татьяна снова взяла его за руку. – Идём, Андрюша. Сутки – это совсем скоро. Да и уверена я – даже больше, чем уверена, – она раньше перезвонит.

* * *

Звонок раздался рано утром – Андрей проснулся буквально несколько минут назад и собирался ещё немного поваляться в кровати. Он схватил телефон и в недоумении уставился на дисплей, на котором светилась надпись – «Корона». Корабельщиков всегда ухохатывался – впрочем, совершенно беззлобно – над голливудскими кинохудожниками, вдохновенно рисующими на дисплеях не безликие номера, а *имена* абонентов, *отсутствующие* в записных книжках телефонных аппаратов, на которые поступил вызов. Похоже, технически это всё же возможно, смятенно подумал он, вот только убейте меня, если я знаю, как! Опомнившись, Андрей схватил трубку:

– Да! Слушаю!

– Андрей Андреевич? – осведомился по ту сторону линии весёлый женский голос без малейшего акцента, – не такой, конечно, как на автоответчике, но тоже весьма ничего себе. – Доброе утро. Меня зовут Галина Геллер. Я вас не разбудила?

– Нет, что вы, – пытаюсь задавить поднимающуюся адреналиновую волну, поспешил заверить собеседницу Корабельщиков.

– Отлично, – голос зазвучал ещё веселее. – Тогда давайте решим, когда мы встретимся и где.

– Где вам будет угодно, Галина, – улыбнулся Корабельщиков. – И в любое время, когда вам удобно.

– Здорово, – рассмеялась молодая женщина, – почему-то Андрей уверенно решил: Галине не больше двадцати пяти, а может, и меньше. – Мне будет угодно в «Casa di Mario», сегодня, в половине второго, – пообедаем и поговорим. Терпеть не могу беседовать с людьми в бюро, особенно при первом знакомстве. Вы как, не возражаете?

– Да бог с вами, Галина. Разумеется, нет. Мне что-нибудь принести с собой – документы какие-то, может быть?

– Наверное, не стоит, Андрей Андреевич. Формальности от нас никуда не убегут. Сообщите метрдотелю, что у вас встреча со мной, он вас проводит. Договорились?

– Буду ровно в половине второго, – кивнул Корабельщиков.

* * *

Он появился в ресторан минут за двадцать до назначенного срока, исключительно из галантных (по крайней мере, так Андрей сам себя уговорил считать) соображений – нехорошо заставлять даму ждать. Мэтр проводил его, как и предполагал Корабельщиков, в уютную «ложу» – нечто вроде отдельного кабинета, но не так помпезно. Возникший спустя минуту официант вежливо осведомился о желаниях гостя по поводу напитков и принёс заказанную минералку, после чего удалился, оставив Андрея размышлять в одиночестве.

Галина появилась точно в назначенное время. Действительно, совсем молодая, – в каком-то очень лёгком платье, открывавшем загорелые плечи: погода стояла совершенно не сентябрьская. Тонкая, звонкая и сияющая белозубой улыбкой, она до боли напомнила Андрею ребят из Праги, когда-то потрясших его воображение. Он вскочил, отодвинул стул, помогая ей устроиться. Галина поблагодарила его кивком головы:

– Рада познакомиться с вами, Андрей Андреевич. Давайте сразу договоримся – у нас, несмотря на неформальную обстановку, вполне официальная встреча, поэтому счёт оплачивает «Коруна». Это обычная практика, и очень удобно во всех отношениях. Идёт?

– Ну, обычно я кормлю гостей, – улыбнулся Корабельщиков.

– На этот раз вы в гостях, – улыбнулась в ответ Галина, – а я, в некотором смысле, хлебосольная хозяйка. Я буду во время беседы кое-что записывать, ладно? – И добавила, словно извиняясь: – Мне потом так легче всё обдумывать.

– Конечно, Галина... – Андрей замешкался и вопросительно посмотрел на неё, ожидая, что она сама назовёт своё отчество.

– Просто Галина, – снова улыбнулась пани Геллер. Эта немецкая – чешская? еврейская? – фамилия как-то не вязалась с её задорным носишкой, синими глазами и веснушками, и она, похоже, это знала, но не комплексовала ни капельки. – Мне о вас, Андрей Андреевич, довольно много всего известно, – будет нечестно, если я вам ничего о себе не расскажу. Моя девичья фамилия – Окуневич, я из Марьиной Горки, мне двадцать четыре. Два года я отучилась в инязе, потом вышла замуж и переехала в Прагу, там и закончила Карлов университет. Мой муж, Янош Геллер, тоже работает в посольстве.

– Тоже? – удивился Корабельщиков. – И вы – в посольстве? А «Коруна»?

– Посольство и «Коруну» связывают очень тесные и плодотворные взаимоотношения. Я вам как-нибудь всё это непременно объясню, Андрей Андреевич.

Только сейчас Корабельщиков осознал, что перед ним не просто симпатичная – даже красивая – девушка, а сотрудник... Разведки? Нет, пожалуй, это было бы слишком прямолинейно, решил он. Всё, похоже, несколько посложнее.

– Извините, – покался он. – Я вас перебил. Совсем не хотелось, честное слово!

– Ну, что вы, – улыбка, – то яркая, то чуть приглушённая – казалось, никогда не покидает лица Галины. – С Яношем мы познакомились на Шляхе, когда...

– Не может быть, – уставился на неё, позабыв о приличиях, Корабельщиков. – Тогда?!

– А вы тоже там были? – просияла его визави, и Андрей почувствовал, как между ними пробежала та самая искорка, что так много значит в человеческих отношениях, из которой они, отношения, и рождаются – вот так, от внезапного узнавания душевной близости, даже родства. – Тогда вы, конечно же, меня понимаете.

– Ещё как понимаю, – покачал головой Корабельщиков. И – почти непроизвольно – оглянулся.

Галина мгновенно отреагировала на его движение:

– Здесь – глушилка, – она показала на свой телефон, с виду – совершенно ничем не примечательную «раскладушку», которую выложила на стол, как только вошла. Андрей сначала решил, – «Моторола», но потом увидел: буква «М» на эмблеме какая-то странная, с хвостиком, как у «@». – Имеющимися в распоряжении местных силовых структур средствами прослушать нас невозможно. Вы сами – инженер-радиотехник, и наверняка лучше меня знаете, как это работает.

Андрей снова покосился на телефон: существовал его «гражданский» аналог, имевший даже сертификат Минсвязи России. Это чудо в неразборном корпусе из металлокерамики, простом и в то же время элегантном – одна-единственная модель, никаких вариаций, даже в цвете, – стоило неимоверных денег при покупке. Зато голосовой связью и службой сообщений можно было пользоваться бесплатно. Если не в Республике, то в Литве или в Латвии приобрести его не составляло труда – «плати и лети». Отнюдь не каждому, разумеется, по карману, но те, кому в далёких путешествиях требовалась по-настоящему надёжная связь, средств на неё не жалели.

– Ну, в общем, представляю, – проямлил Андрей, косясь на телефон. – Хотя степень миниатюризации меня, признаться, ошарашивает.

– Наше – значит, отличное, – снова просияла Галина.

Она открыла сумочку и достала какой-то предмет. Андрей не сразу врубился, что это такое, а когда врубился, то чуть не съехал со стула. Хотя о существовании «электронной бумаги», на которой можно будет когда-нибудь, лет через десять, писать обыкновенной ручкой, он и слышал, но представить себе компьютер – явно серийного образца – с экраном из этой самой «бумаги», разворачивающимся, как свиток, и помещающимся в пенальчике чуть толще тюбика из-под туши для ресниц, не мог. Это у нас тут начало двадцать первого века, подумал он, а у них там, похоже, уже вторая четверть пошла!

– Да вы не расстраивайтесь, Андрей Андреевич, – сжалась Галина над неудержимо проваливающимся в яму футурошока Корабельщиковым. – Я тоже сначала от всех этих чудес техники сатанела, ей-богу! А потом – ничего, привыкла, – и она оставила на «бумаге» несколько странных закорючек, впрочем, мгновенно развернувшихся в слова.

– А что это за материал? – пробормотал Корабельщиков. – Он же должен и скручиваться, и жёсткость иметь, чтобы можно было на нём писать!

– Не знаю, – беспечно пожала плечами Галина. – Полимер какой-то, с динамическими свойствами, наверняка. Наши постоянно что-нибудь придумывают!

А наши – сопли жуют, со злостью подумал Андрей.

Масла в огонь плеснуло появление официанта – экран тотчас почернел. После того, как жрец общепита удался, Галина провела ладонью над «листом», и он снова ожил. На биополе он реагирует, что ли?! Чертовщина, сердито подумал Корабельщиков.

– Стенография? – он покосился на значки, оставляемые «пером» на «бумаге». – Забытое искусство.

– Верно, – подтвердила Галина. – Только смотря где. Нас в Карловом университете так муштровали – ужас какой-то! На трёх языках! Зато сейчас я вообще не представляю, как можно без неё обходиться.

Да, удержал Андрей завистливый вздох, распознавание стенографии на лету устройством, чьи экран, системная логика и процессорная мощь вместе с многочасовым, судя по всему, аккумулятором умещаются в тубике из-под туши – действительно, непонятно, как можно без такого обойтись. А главное, как к этому привыкнуть – без психотропов. Бог ты мой, куда я попал и где мои вещи?!

– Андрей Андреевич, вы, вероятно, догадываетесь, – я ваше досье внимательно очень прочла, – голос собеседницы вернул Андрея к реальности. – Знаете, кое-что меня в нём удивило.

– Что же? – встрепнулся Корабельщиков.

– Оно такое, – пани Геллер покрутила пальцами в воздухе, – пустое, несмотря на перечисленные факты. Как будто им вас не за что ухватить – а ещё, они как будто и не хотят.

– Они? – переспросил Андрей. И добавил вкрадчиво: – А кто, так сказать, автор досье, – если не секрет?

– Авторы, – поправила его Галина. – Нет, не секрет, конечно. КГБ.

– Да?! – развеселился Корабельщиков. – Вы их тоже «привлекаете к сотрудничеству»? Вплоть до того, что они вам папочки свои позволяют читать?! Не знал, что у нас такая всеобъемлющая коррупция!

– Это не коррупция, Андрей Андреевич, – Галина посмотрела на него, как на несмышлёныша. – Это ведь по-человечески очень, понимаете? Человеку свойственно думать о будущем, надеяться, мечтать о лучшей жизни – если не для себя, то хотя бы для детей. Это же всё кончится когда-нибудь, – она сделала такое движение головой, словно охватывая всё вокруг. – Мой папа очень любил рассказывать один анекдот. Имярек – ну, пусть Окуневич – получает регулярно посылки с подарками из Тель-Авива. Наконец, терпение у них, там, в КаГБы, лопается. Вызывает Окуневича уполномоченный КаГБы товарищ и спрашивает: Окуневич, как же так?! Да вот, отвечает Окуневич, так уж получилось – в войну дед с бабкой евреев в подполе прятали. Потом эти евреи в Израиль уехали – с тех пор посылки и шлют. Ай-яй-яй, мягко журит его товарищ, с одной стороны, понятно: война, оккупация, отсутствие руководящих указаний, – но надо же было и о будущем подумать! Что вот нам теперь с вами делать? А я и думаю о нём, о будущем-то, говорит Окуневич. Это как, интересуется товарищ. А так, наклоняется к нему Окуневич, – я тоже евреев в подполе прячу. Он его много раз рассказывал, анекдот этот, а мы всё равно, даже зная его наизусть, улыбались.

– Здорово, – улыбнулся Андрей. – Правда, здорово. Я не слышал этот анекдот. Молодец ваш папа. Хотите сказать, меня тоже – «прячут»?

– Ну, вы же знаете – нормальные люди везде работают. Но я, на самом деле, немного о другом. Вас вроде бы не за что особенно «прятать» – а они «прячут». И явно не для себя берегут. У вас же настоящий талант – так с людьми режима отношения выстраивать. Это редкое качество для человека, которого режим очень сильно не радует.

– Наверное, было бы странно, если бы он меня радовал, – усмехнулся Корабельщиков, – хотя из досье, скорее всего, понятно, что я и при режиме вполне себе неплохо устроился.

– А что вы называете – «неплохо устроился», Андрей Андреевич? – Галина, отложив ручку, подпёрла кулачками подбородок и с интересом рассматривала Корабельщикова. – Расскажите, пожалуйста. Ужасно интересно!

– Попробую, – он добавил воды в бокал пани Геллер и плеснул немного себе. – Как вы, безусловно, знаете, я ни дня ни на кого не работал. Иногда мне даже немного стыдно – я ведь, в общем, совершенно бесплатно получил неплохое образование, да и учился не спустя рукава. Но на работе от звонка до звонка я бы не смог себя найти. Поэтому я искал, как устроить

так, чтобы я мог делать нечто полезное – и не только для себя. Конечно, ни жить в общаге, ни питаться серым хлебом, запивая его кефиром, мне, безусловно, не хотелось. Кто-то сказал: хочешь разбогатеть – придумай религию. Но я стремился быть честным настолько, насколько это возможно, не впадая ни в кликушество, ни в соблазн приобщиться к власти.

– Служа, я жил бы много хуже, чем сочинит любой фантаст, – я совместим душой со службой, как с лесбиянкой – педераст, – вкусно продекламировала пани Геллер Губермана.

– Ну, примерно, – усмехнулся Андрей. – Как-то не случилось мне на службу определиться. То ли службы не нашлось – моей и для меня, то ли ещё какие звёзды не сошлись – одним словом, не сложилось.

– И вы придумали свой «Диалог».

– «Диалог» я придумал значительно позже, – возразил Андрей. – Сначала я совсем ничего не понимал. Например, я не мог понять, почему моего однокашника Даньку не возьмут к Челомею строить космические корабли. Потому, что он почти однофамилец Троцкого? Но это же бред, правда? Вот у вас, Галина, есть ваш папа с его дивным анекдотом – а у меня был Данька.

– Почему – «был»?

– Потому что я о нём лет двадцать ничего не слышал. На самом деле, я не знаю – может, он у вас в Праге пожирателей парсеков проектирует. И замечательно. А если бы его взяли к Челомею – мы бы уже на Марсе гуляли, как в скверике на Немиге. Гарантирую вам. Знаете, СССР был великой державой – до тех пор, пока Даньку могли взять к Челомею, не дожидаясь, пока он получит официальный диплом и – не наплевав, нет – а даже не посмотрев на его анти-советскую фамилию. Я немцам только одного не готов простить – того, что они принесли сюда эту заразу, эту чуму. Заразили ею СССР – и он сдуся. Особенно за то, что сюда, на исконные земли Великого Княжества Литовского, принесли, где не было никогда ничего подобного, не могло быть. Здесь родился – и не умер ещё – уникальный опыт порубежья между Костёлом и Церковью, сосуществования людей самых разных вер и этносов – мирного, несмотря на то, что часто приходилось больше выживать, чем жить. Здесь ведь евреи – в былые годы – до десятой части населения составляли, а в городах и местечках процент этот доходил иногда до девяноста. А ненависти – не было. Потом пришли немцы – и убили их, а вместо них пустили эту заразу. Я не мог понять, почему такое возможно. Я захотел в этом как следует разобраться. Конечно, в одиночку мне это оказалось не под силу, и то, что я читал, только рождало новые вопросы. Понимаете, Галина, я ведь не учёный, во мне нет этого небывалого, неостановимого упорства исследователя, скрупулёзного собирателя фактов, способности их анализировать, выделяя главное, строить теорию. Этого я не умею. В поисках ответов я попробовал стать православным – но у меня не вышло. Я думал, там действительно несть ни эллина, ни иудея, но Александр Мень был один, а вот дворкиных всяких оказалось – немеряно, и уподобиться им мне совсем не хотелось. Не вышло из меня ни католика, ни протестанта – видимо, отличные оценки по марксистско-ленинской философии и научному коммунизму всё-таки ставили мне не зря. Я стал размышлять, какую же религию мне основать, чтобы она соответствовала моему представлению о мере добра и месте зла в этом мире. Требовалось найти настоящих людей, единомышленников, образованных, честных, готовых и не боящихся думать. А вместо религии получился – ей-богу, чуть ли не сам собой – «Диалог».

– А почему в «Диалоге» так мало участников? И большинство из них – ваши родственники, – улыбнулась Галина.

– Мне требовались десять человек, чтобы зарегистрировать общественное объединение в соответствии с законодательством. Я никогда не гнался за числом – и не стану делать этого впредь. «Диалог» – не политическая партия, не профсоюз, не религиозная община. Хасина знаете?

– Знаю, – хмыкнула пани Геллер. – У вас с ним был конфликт?

– Не конфликт, но сложности, – кивнул Андрей. – Он очень суетился, чтобы непременно вступить в «Диалог», но «Диалог» – не дерьмо и не партия, вступить в него нельзя. Это концепция такая, понимаете? «Диалог» – это постоянно действующая конференция по межконфессиональному сотрудничеству. Я и привлекаю людей, способных к сотрудничеству, а не лиц, склонных к узурпации председательских кресел во всех организациях, в которые им удалось пролезть или воткнуться. А ещё – я не Хасин, обладающий фантастическим умением замыкать на себя лично финансовые потоки, вычерпывать их – быстро, потому что там тоже не идиоты сидят и быстро начинают понимать, с кем столкнулись – и тем самым заедать жизнь тем, кто может что-то реально полезное сделать. Я не изображаю деятельность, которой не обучен. Я сам не пишу научных работ, не веду семинаров, не читаю докладов. Я нахожу людей, которые умеют всё это делать в миллион раз лучше меня. Самых лучших, прошу заметить, нахожу. И, придя ко мне один раз, они приходят снова и снова, и приводят друзей, знакомых, слушателей – многих. И не пытаются непременно очлениваться и войти в правление, которого, кстати, и нет. Им это не нужно – они совсем не этого ищут и жаждут. По странному капризу судьбы, этим людям вечно не хватает самого необходимого для занятий тем, что получается у них лучше всего, для чего они призваны в этот мир. И я всего лишь перераспределяю средства в их пользу, – плачу им гонорары, вывожу их на конференции, за границу, показываю их тем, кто не знает, куда пристроить нажитые непосильным трудом миллионы. Разумеется, себя я при этом не забываю – мне нужно не так уж мало, чтобы всё это крутилось бесперебойно и гладко. И с людьми режима мне при этом приходится немало общаться...

– Кравец в вас души не чает.

– А он на самом деле совсем неплохой мужик, – не поддержал ироничного настроения Галины Корабельщиков. – Он, прежде чем стать председателем Комитета по делам религий, неслабую аппаратную закалку прошёл – но сволочью не стал. Да, любит на фуршетах пофестивальничать – но я, поверьте, не готов его за это не любить или, паче того, судить. С ним получается работать – он, если может в чём-то помочь, не рискуя, конечно, креслом, всегда это сделает. А есть масса его коллег, которые пальцем не шевельнут, даже если могут – из-за дерьма внутри, что при каждом движении из ушей хлещет.

– Недаром они такие деревянные вечно заседают, – прищурилась пани Геллер. – Это я всё очень хорошо на самом деле понимаю, Андрей Андреевич. А как у вас с Брудермайером отношения складываются? Он, кажется, всегда к вам и вашей работе благоволил, если не сказать больше. Что случилось?

– Галина, – укоризненно покачал головой Андрей. – Ну, это же совсем открытая информация, никакого досье из КГБ не нужно выцарапывать. Сэр Мозес Гирстайн, главный спонсор Европейской Лиги христианско-еврейского диалога, внезапно преставился, родственнички затеяли, по обыкновению, свистопляску вокруг наследства, и пока суд да дело, Лига осталась едва ли не в долговой яме. Юлиусу удалось – уж и не знаю, как – выколлотить из «Дойче Банка» оперативный кредит, но ни о каком финансировании сторонних мероприятий сейчас и речи быть не может. Ему бы этими деньгами текучку закрыть да зарплату для Труди сохранить, – Корабельщиков даже рукой махнул в расстроенных чувствах. – Он меня очень долго поддерживал, тоже, разумеется, в известной степени в своих интересах, но если посмотреть... Через него и через меня, соответственно, почти два миллиона долларов пришло нашим специалистам – филологам, этнографам, историкам, философам, социологам, да мало ли ещё кому. Сборники материалов, публикации – с международным, кстати, резонансом! Я должен его только благодарить, и уж никак не обижаться на него. Жаль, конечно, если всё теперь закроется, но это было замечательное время, и замечательная работа – ничего другого я просто не могу сказать.

– Странно, – задумчиво произнесла Галина, снова подпирая кулачком подбородок. – Очень странно, Андрей Андреевич: вы, при своей такой беспроblemности и незаангажирован-

ности, с вашими знакомствами, для оппозиции – совершенно незаменимый персонаж. А они при упоминании вашего имени фыркают только.

– Почему же вам это странно? – удивился в свою очередь Корабельщиков. – А вы что же, всерьёз рассматриваете эту публику, как оппозицию? Вы знаете, как их люди называют?!

– Знаю, – усмехнулась Галина. – «Оппа».

– И это правда, хотя совсем не смешно, а очень даже печально. Я действительно держусь от них от всех подальше. Там нет ничего, что можно было бы оценить как альтернативу нашему «бацьке» – пусть это и не полностью их вина, но всё же!

– И вы не стесняетесь озвучивать эту позицию. В том числе не только здесь.

– По крайней мере, это позиция, а не «оп». Нет, не стесняюсь. Вы и об этом знаете, – Корабельщиков откинулся на спинку стула. – Впрочем, неудивительно, – раз вы знаете всё остальное. Да, я говорю об этом везде. Но только если меня спрашивают.

– А вас довольно часто спрашивают, благодаря вашему знакомству с Брудермайером.

– Случается, – Андрей кивнул. – Меня спрашивают именно в надежде услышать непредвзятое суждение. Я стараюсь не разочаровать, тем более, мне это несложно.

– Мы это тоже ценим, поверьте. Вы любите вырываться, Андрей Андреевич. А вырываться навсегда?

– Куда?

– В Европу, где вы так любите бывать.

– Галина, я давно не питаю никаких иллюзий на этот счёт. Я нужен, в том числе Брудермайеру, пока я здесь. Эмигрантом, без гроша за душой, – я никому не нужен. Я даже себе там не буду нужен, – а что может быть хуже? Вот где придётся служить, и уж точно не за совесть. Нет уж, покорнейше благодарю.

– А вам никогда не хотелось самому попробовать себя в политике?

– Нет.

– Почему?

– Я не хочу быть объектом манипуляций, каким неизбежно становится всякий политик, даже думая, будто манипулирует он, а не им. А эти... Либо упёртые – да, смелые до отчаянья, уж этого не отнять – националисты с хорошо различимым гитлеровским душком, либо уютненькие «евроориентированные» болтуны с псевдо-социал-демократическим вокабуляром вместо воли, духа и чести. Пожалуй, эта публика мне ещё менее симпатична, нежели недобитые гитлеровцы – те хотя бы не скрывают, что собираются сделать с несогласными, попусти им бог оказаться у власти. А вы говорите – оппозиция! Конечно, посольство, наверное, не согласится с моими оценками, но...

– Не надо никаких «но», Андрей Андреевич, – мягко перебила его пани Геллер. – К разговорам об оппозиции мы, очень вероятно, ещё вернёмся, а пока давайте поговорим о ваших насущных, сиюминутных чаяниях. Какова конкретная ситуация, чем я могу помочь?

– А вы уже решили, что станете мне помогать?

– Да.

– Вот так просто?!

– Это не просто, отнюдь не просто, Андрей Андреевич, – покачала головой пани Геллер. – Но в рамках моих полномочий – я решила, и я решила вам помогать.

– И насколько далеко простираются ваши полномочия?

– Настолько, насколько далеко простираются ваши потребности в моей поддержке. Вы, безусловно, понимаете, что и как вы можете попросить. Я слушаю.

– Тридцать тысяч, – бухнул Корабельщиков.

– Крон? Долларов? Евро?

– Долларов.

– Хорошо, – кивнула Галина и что-то пометила в своём «блокноте». А потом спокойно, как будто делала это по сто раз на дню, достала из сумочки конверт и протянула его Корабельщику: – Здесь пластиковая карта на ваше имя и секретный код, по которому вы сможете снять любую сумму в пределах тридцатитысячного лимита в любом банкомате, в Республике или за рубежом, в долларах или рублях, как вам удобнее, сразу или частями. Деньги уже на счёте. Если вы увидите, что не укладываетесь в бюджет, наберите с мобильного сто один, я с вами свяжусь, и мы обсудим, как выйти из положения.

– Расчёт на месте, – покрутил головой Андрей.

– Ну да, – пожала плечами пани Геллер. – Это наш принцип во всём: сказал – сделал.

– Наш, – вздохнул Андрей. И поднял глаза на собеседницу: – Спасибо, Галина. Я обязательно уложусь в оговорённый бюджет, поскольку он давно до копейки просчитан.

– Прекрасно, – лицо Галины снова осветилось улыбкой. – Надеюсь, вы меня пригласите на конференцию?

– А вы сомневаетесь?!

* * *

– О-о, – протянула Татьяна, увидев физиономию Корабельщикова, входящего в комнату, и отложила студенческие работы, которые как раз проверяла. – Что за вид! Ты победил, или тебя победили? Или, как говорил товарищ Сталин, оба хуже?

Вместо ответа Андрей достал из кармана всё ещё запечатанный конверт, вручённый ему Галиной, и молча протянул его жене, кивнув – открывай.

Татьяна, нахмурившись, вскрыла пакет. На диван упал прозрачный, с узнаваемой голограммой, пластиковый прямоугольник «MCard»: так теперь называлась платёжная система – бывший «МастерКард», перекупленная, судя по всему, Майзелем, и молниеносно заткнувшая за пояс и «Визу», и «Америкэн Экспресс». Буква «М» была такой же, с «хвостиком», как и эмблема на телефоне пани Геллер. Мефистофель, подумал Андрей, люди гибнут за металл.

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно, – словно прочитав его мысли, пробормотала Татьяна. – Это как понимать?

– Это понимать так – конференция состоится по полной программе.

– Да, – после некоторого молчания произнесла Татьяна. – Вот так скорость у нашей короны. С такой, кха, гм, «бюрократией» – ничего удивительного, что они скоро на Марсе города строить начнут, а на Луну на лифте ездить. Батюшки-светы! На твоё имя?!

– Сервис, Танечка. По высшему разряду.

– Хочу на Канары, – заявила Татьяна. – За столько лет мучений с тобой, Корабельщиков, – я определённо заслужила. Почему ты пятьсот тысяч не попросил, а? Сознайся, ведь только тридцатку попросил – ровненько, чтоб копеечка к копеечке. Савонарола ты! Глаза мои на тебя не глядели, – Татьяна приподнялась на цыпочки, обняла Андрея за шею и крепко поцеловала в губы. – Как чудесно, Андрюша. Ну, рассказывай скорей, я же лопну от любопытства сейчас!

Выслушав его повествование, Татьяна только вздохнула:

– А тебе не кажется, что они заранее решили всё насчёт тебя?

– Насколько заранее? За восемь часов с той минуты, как я набрал сто один? А досье? Танечка, таких скоростей не бывает! У них там что, принтер для кредитных карт стоит, в посольстве?! Или её ракетой из Праги прислали? Ради того, чтобы мне тридцать тысяч долларов передать? Хочешь честно? Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Хотела бы я знать, кто этот человек, устроивший такую заваруху. Весь мир перетряхнута, все карты перекрыть, всех с ног на голову поставить...

– Или, наоборот – с головы на ноги, – буркнул Корабельщиков. – Действительно, настоящий Люцифер – творит, что хочет, и где хочет. Даже тут. Просто перешагивает через то, что кажется нам стеной от земли до неба.

– Почему – Люцифер?

– А, – махнул рукой Андрей. – О нём такое рассказывают! Будто он не спит никогда вообще, и будто он оборотень самый настоящий – недаром никогда на публике не показывается, и что живёт он в башне Староместской ратуши в Праге, и что может одновременно в нескольких местах появиться. Ну, о том, что он всех и вся на корню скупил и всеми вацлавами, александрами и прочими михаями как хочет, вертит – так вообще все уши прожужжали.

– А это так?

– Судя по тому, что я узнал от пани Геллер – и так, и не так. Если даже один процент из тех небылиц, что вокруг него клубятся, правда – он действительно исторический персонаж совершенно небывалого масштаба. За десять лет создать космическую державу в центре Европы?! Немыслимо! Но это, Танечка, городская легенда, которую можно потрогать – только руку протяни. Чтобы за такой срок такую молодёжь вырастить и воспитать – нужно быть и богом, и чёртом, и Драконом, и неизвестно чем ещё, и всё это – сразу!

– А почему, кстати – Дракон?

– Так говорят же – оборотень, только не волком оборачивается, а драконом. Настоящим.

– Господи боже, какая чушь.

– Кто знает, Танечка. За эти годы столько всего небывалого случилось – кто знает, на самом-то деле.

– А рекламу эту сняли уже, – задумчиво произнесла Татьяна. – Я в универе поспрашивала – осторожненько так, сам понимаешь, – да, говорят, видели, дня два или три тому назад появилась, – на всех въездах и выездах городских, на вокзале, на Немиге, на главных проспектах, на Комаровке. А сегодня – пустой стенд.

– Интересно, кто-нибудь ещё позвонил? – криво усмехнулся Корабельщиков.

– Если и позвонили, то не скажут. Пока – не скажут: я ведь тоже никому не сказала.

– Не моего же звонка они ждали, чтобы рекламу убрать?!

– А тебе хочется узнать это наверняка?

– Не знаю. Не уверен.

– Вот и занимайся тем, в чём ты уверен. Реализовывай свою программу. Они-то, похоже, закончили. Программа выполнена – реклама свёрнута.

– Какая программа? – не понял Андрей.

– «Купляйце тутэйшае», – ухмыльнулась Татьяна.

Шоссе А6, Германия. Март

– Понятно, – кивнула Труди, не отрывая взгляда от дороги. – Он здесь, сегодня утром свалился, как снег на голову, – видимо, знал, что ты приезжаешь.

– Кто? – удивился Корабельщиков.

– Дракон.

– Что?! Как... Дракон?! Сам?!

– Представь себе.

– А... При чём тут я?!

– Анри, не прикидывайся дурачком, – Труди бросила на Корабельщикова сердитый взгляд. – Две недели назад к нам нагрянула представитель «Коруны» на юге Германии, какая-то Рушшкофф – с этой вот машиной и банковской картой на имя Лиги и Юлиуса, с полумиллионным депозитом. Красавица – глаз не оторвать! Неужели ваши славянки все такие? И – с улыбочкой – заявила: мол, это привет от тебя. А сегодня обрушился Дракон.

Мозги у Корабельщикова проворачивались со скрипом – обычно я соображаю быстрее, разозлился он на себя. Дракон – «Коруна» – Мирослава Вишневецка собственной персоной с приветственным словом на той самой конференции – мгновенно нашедшие, о чём поболтать, Татьяна с Галиной – лучащийся от гордости Юлиус – и культурный советник немецкого посольства с перевёрнутым лицом, осознавший, какое мероприятие мог записать себе в актив, потратив какие-то жалкие двадцать тысяч евро. Понимая, что становится объектом чьих-то манипуляций, в которых заведомо не сможет разобраться, Корабельщиков разозлился ещё сильнее:

– А что ему от меня надо, он, случайно, не сообщил?

– Да что с тобой? – теперь уже с беспокойством посмотрела на него Гертруда. – Я бы на твоём месте только радовалась – он все твои самые сумасшедшие проекты в жизнь воплотит и даже не почешется!

– Если я ему нужен, то вовсе не для того, чтобы воплощать мои проекты, – пробурчал Корабельщиков. – Дракон просто не может ничьи проекты воплощать. Только свои. И я, и ты, и Юлиус, и все остальные – только затем ему и потребны.

– Может быть, ты и прав, – не очень уверенно отозвалась после паузы Труди.

– Какой он? – нетерпеливо повёл плечами Андрей.

– Занимает собой всё окружающее пространство, – подумав, заключила Труди. – На меня натуральный столбняк напал, когда он появился. Невероятный. Невозможно передать словами. Надо увидеть.

– Ну, вот, – вздохнул Андрей. – А ты говоришь – проекты. Какие там проекты ещё... Что он решил – то и сделает. А нас, как кирпичики, выложит. Но мягонько постелет, это ясно – удобно, наверное, будет кирпичиком в его архитектурной конструкции возлежать.

– Ты мне не нравишься, Анри, – с тревогой заявила Труди. – Очень не нравишься. Может, тебе сделать глоток коньяка? Там, в перчаточном ящике, плоская такая бутылочка, я для Юлиуса держу, – его вечно укачивает.

– Нет уж, я позже напьюсь, – хмыкнул Корабельщиков. – Думаю, поводов у меня теперь будет для этого предостаточно!

Аугсхайм. Март

Переступив порог кабинета Брудермайера, Андрей, оторопев, застыл. Юлиус находился, как обычно, в своём уютном кресле, но на себя был совершенно не похож – весь какой-то расслабленный, сияюще-умиротворённый, а перед ним, прямо на столе, – у Юлиуса – на столе! – сидел и болтал ногой... Дракон.

При взгляде на него, даже сидящего, становилось ясно, как он огромен – два метра ростом, не меньше. Одетый во что-то невообразимое – сапоги, узкие брюки, не то пиджак, не то плащ со стоячим, как у мундира, воротником поверх сорочки без воротника вовсе, плотно обтягивающей мускулатуру на зависть кому угодно; и все это, – цветом, фактурой – будто оружейный металл. При малейшем движении его облачение – слово «одежда» сюда никак не вязалось – покрывалось рябью, словно и в самом деле было жидким металлом.

Или – булатной драконьей шкурой.

Он обернулся к Андрею так стремительно, – Корабельщикову показалось, будто лицо Дракона уже было обращено к нему, когда он вошёл:

– Привет, Дюхон. Святые головастики, ну, у тебя и физия! – Дракон улыбнулся, продемонстрировав все свои зубы – Андрей решил: штук шестьдесят, не меньше. – Да, ради этой пантомимы стоило прокатиться.

Он соскочил со стола, шагнул к Андрею и, приобняв его за плечи, встряхнул:

– Как же я рад тебя видеть, Дюхон. Даже сам не ожидал, честное-прелестное. Давай оставим доктора Юлю пересчитывать ириски, которых я ему отсыпал, а сами оттянемся на предмет воспоминаний. Ну? Проснись, Дюхон!

Корабельщиков мог поклясться чем угодно: этого человека, – человека ли? – он никогда не видел и первый раз в жизни слышит его голос. Но! Эти интонации, эти переходы на высокие тона в конце каждой фразы, эти словечки, особенно – «Дюхон», «святые головастики», «честное-прелестное», «отсыпать ирисок»! И назвать преподобного Юлиуса Брудермайера, кавалера папского ордена Святого Григория, известного богослова, профессора Геттингёнского и Гейдельбергского университетов, «доктором Юлей» – только один-единственный из живущих на свете так умел. Больше никто.

– Дань?! – Андрей не узнал своего собственного голоса – так хрипло и стиснуто он прозвучал.

– В дырочку, – удовлетворённо кивнул Майзель. – Я и не сомневался. Давай, Дюхон, отомри уже. Я всё объясню. Конечно, поверить сразу у тебя не выйдет – но потом переваришь. Обязательно. Я же тебя знаю.

Продолжая держать Андрея за плечо, он повернулся – молниеносно – к Брудермайеру, и сказал по-немецки, бегло и правильно, однако же, не забываясь о том, чтобы смягчить свой деревянный славянский акцент:

– Дружище Юлиус, мы с Андреем покинем вас – до обеда. Я от самой Праги никого ещё не съел, так что закажите мне в проверенной кнайпе жареного с укропом и петрушкой бычка и бочку пива. Намекните, – у вас в гостях сам Дракон, они достанут требуемое даже из-под земли.

– Ах, господин Майзель, – покачал головой Брудермайер, – если бы вы известили нас о своём визите заранее, мы бы уж не ударили в грязь лицом. Но мы сделаем всё, чтобы Дракон остался доволен обедом. Не сомневайтесь.

– Отлично. Идём, Дюхон.

* * *

– Как?! – выпалил Корабельщиков, едва дверь мезонинных апартаментов для особо важных гостей Лиги закрылась за ним. – Что произошло?! Это же... не ты! Как такое возможно?!

– Это я, Дюхон, – спокойно ответил Майзель, вынимая из холодильника две бутылки минералки, открывая и перебрасывая одну из них Андрею и усаживаясь в широкое кожаное кресло, – всё это одновременно и с такой скоростью – у Корабельщикова аж в глазах задвоилось. И повторил: – Это я.

Закинув ногу на ногу, он продолжил всё так же спокойно и ровно:

– Пока разбежавшиеся мысли сложатся у тебя в голове в осмысленные вопросы, а междометия и нечленораздельные звуки сменятся элементами второй сигнальной системы – словами, я немного всё это опережу, предвосхищая. И прости за этот менторский, снисходительный тон – мне необходимо привыкнуть, что передо мной мой старинный друг, а не подчинённый, поскольку ты, безусловно, догадываешься, – с друзьями в моём положении большущий, неопикуемый напряг.

Андрей нашёл в себе силы лишь кивнуть. Слова, действительно, стояли в горле огромным, непроницаемым комком.

– Отлично. Я, как тебе уже известно, Даниэль Майзель, потому что мне нравится быть Майзелем, а не Бернштейном. И полагаю, ты даже помнишь, почему.

– Кажется, помню, – пробормотал Андрей. – Ты стал таким же богатым?

– Нет, денег у меня намного больше, – просиял Майзель. – Правда, прежние хозяева этих денег послали каких-то горилл меня расстрелять.

– Расстрелять?! – переспросил Корабельщиков, холодея от какого-то непонятного предчувствия.

– Ощущение, доложу тебе, не из приятных, – хохотнул старый друг, узнавать которого здравый смысл Андрея ни за что не желал. В отличие от чувств, сообщавших: всё в порядке! – А уж потом, когда началась регенерация – это было вообще что-то с чем-то!

– Регенерация?! – уставился на него Андрей и растерянно улыбнулся. – Извини, Дань. Я не понимаю!

– Ну, видимо, я уже тогда был Драконом, – серьёзно заявил Майзель. – У, Дюхон! Когда у взрослого человека начинает расти *всё*, – кости, зубы, мышцы, сухожилия, нервы и сосудистая система, – врагу такого не пожелаю! Не пожелаю ни ощущений, ни результата.

Он заговорщически подмигнул и облизнулся, и Андрей зажмурился: ему показалось – язык у Дракона раздвоенный, как у ящерицы. В одном Андрей мог поклясться: язык этот был точно длиннее человеческого!

– Результата не пожелаю, – повторил Майзель. – Он мне самому очень нравится, и делиться я не намерен. Ни результатом, ни его последствиями.

– Такого не может быть, – вырвалось у Корабельщикова.

– Правильно, не может, – покладисто кивнул Майзель. – А никто и не обещал повторения банкета. Но однажды он состоялся, – кстати, медики сходу ответить на сакраментальный вопрос «Почему?!» не сумели, а становиться подопытным кроликом совершенно не входило в мои планы. И вот я здесь! Не слышу бурных аплодисментов, Дюхон. Ты не рад?!

– А деньги?!

– Вы только посмотрите на этот продукт современного меркантилизма, – всплеснул руками Майзель и трагически заломил бровь. – Чуть что – сразу деньги! Добра молодца полагается накормить, напоить да спать уложить, а уж с утра – насчёт клада выпытывать. Котовы сказки он слушать не хочет – ему сразу златую цепь подавай! Ох, Дюша, Дюша!

Где-то на периферии сознания Андрей понимал, для чего друг детства так отчаянно бутфорит, – он же мне так когнитивный диссонанс купирует, подумал Андрей. Удивительно, – но это действовало.

– Давай всё-таки про деньги, Дань, – ещё не очень уверенно улыбнулся он.

– О деньгах, а не «про деньги». Это забавная, в своём роде, история, – Майзель вытянул длиннющие ноги. – Сейчас такое неосуществимо, а тогда, на заре развития сетевых технологий, с помощью портативного компьютера, сотового телефона и отличного знания терминальных команд – плюс чуть-чуть социальной инженерии – получалось творить настоящие чудеса. Давай так, – пунктирчиком, чтоб тебе не переутомиться. Каймановы острова знаешь? Багамы знаешь?

Майзель спрашивал таким тоном, каким задаёт вопросы шпана в подворотне: «Петьку Лысого знаешь? А Федьку Косого?!» Андрея против воли разбирал смех – впрочем, нервный. Он кивнул.

– А кто туда лавэ в те времена складывал, знаешь? Праально, Дюхон – дуремары! Вот я и решил – ну, для чего дуремарам столько бабок?! Фантазия у них всё равно, как у фазанов, – на золотом «Калашникове» останавливается. Дай, думаю, возьму себе половину. И взял.

– И всё-таки, я не понимаю. Честно. Ведь речь идёт о миллиардах, правильно? – Майзель кивнул. – Ну, вот, – Андрей недоумённо всплеснул руками. – Как?!

– А зачем тебе? – чуть наклоняя голову набок, осведомился Майзель. – Хочешь повторить этот фокус? Ничего не выйдет. Времена те укромные, теперь, по меткому выражению классика, почти былинные – и даже не «почти», а совершенно – давно миновали. Безвозвратно, смею тебя уверить. А по мотивам эскапад твоего покорного слуги – с кораблями и водолазами, подключающими оборудование к трансатлантическим кабелям, и прочей мурой – сняли, наверное, никак не меньше доброй дюжины боевиков разной степени равно вопиющей

некомпетентности. Вот, ежели всё, там увиденное, умножить на пупырнадцать и разделить на кувырнадцать, получится, что истина где-то рядом – парсеках в трёх, а, может, и в пятидесяти. Ты, надеюсь, догадываешься – никому не следует знать, возможно ли такое на самом деле и если да, то как. И я тебе тоже этого не сообщу. Спи спокойно, дорогой друг, а, проснувшись, встречай зарю улыбкой нежной. Ну, как? Оклемался чутка, Дюхон?

– Чутка разве что, – пробормотал Андрей, избегая встречаться с обжигающим взглядом Майзеля. Точно, как у дракона, поёжился он. Интересно, а зрачки у него тоже вертикальными становятся?

Корабельщиков поставил на столик пустую бутылку:

– А дядя Семён с тётей Розой? Как они, вообще?

– Вот, Дюхон, – Андрей с удивлением услышал в голосе старого друга нечто вроде злодательства, – с этого всё, на самом-то деле, и началось. Город Ангелов восьмидесятых – да и сейчас, в общем, тоже – это, за минусом Голливуда и немного другого такого похожего, – отвратительные трущобы, населённые человеческими отбросами всех размеров, форм и оттенков чёрного. Мы только что переехали и только что купили машину. Они отправились за покупками – и заехали не в тот район.

У Андрея всегда было живое воображение. И трёх секунд паузы ему хватило, чтобы представить себе Бернштейнов, заблудившихся *не в том районе*.

– Бог ты мой, – Корабельщиков стиснул зубы. – Дань...

– Ты уже наверняка догадался, Дюхон – ту падаль нашли и казнили. Я распорядился казнить их так, чтобы остальные прониклись идеей – не стоит меня раздражать. Я тогда уже был довольно крут и пользовался определённой репутацией в узких кругах. Всё началось ещё дома, но ты, вероятнее всего, об этом, по своей тогдашней оголтелой влюблённости в Таньку, и не догадывался. Не до того тебе было. Не догадывался ведь?

– Нет. Ну, почти нет.

– Конечно. Поскольку мне не позволили строить звездолёты, я, дурак, обиделся и решил: это навсегда. Ну, и пустился во все тяжкие. И в Америке продолжил. Этот жизненный опыт потом мне весьма пригодился: тот, кому суждено строить звездолёты, у нас их строит, а не проектирует системы взлома защиты контор, отмывающих лавэ для дуремаров.

– Вот как, – Андрей усилием воли сдержался, чтобы не закусить губу.

– Но я, как и лирический герой Пастернака, которому хотелось во всём дойти до самой сути, на казни непосредственных исполнителей не утихомирился, – продолжил Майзель. – Мне требовалось непременно добраться до тех, кто являлся настоящей причиной моего раздражения. И я добрался. Казнить их – в тот момент – не получилось, но маленький хитрый жидёнок сумел придумать кое-что повеселее.

– А потом?

– Что – потом?

– Казнить. Потом – получилось?

– Да-да, – кивнул Майзель. – Многих получилось. Не всех, конечно, но многих. Они стали собачьим дерьмом, – я велел изготовить из них консервы и скормить их же собственным шавкам, сторожевым и комнатным. Мне кажется, я обошёлся с ними вполне справедливо. Но это случилось позже, и не принесло желанного покоя. Смерть врага, даже отъявленного, нешуточного злодея, не приносит ни радости, ни чувства равновесия. Вместо удовлетворения ощущаешь лишь пустоту, забирающуюся к тебе в душу. Убивать скучно, Дюхон. Тоскливо. Конечно, если ты не маньяк, который кончает в штаны, накидывая петлю на чью-нибудь шею.

Корабельщиков передёрнул плечами. Проклятое воображение, подумал он. И посмотрел на Майзеля:

– Выходит, правы те, кто говорит – месть не имеет смысла?

– Нет. Смысл, как раз, есть – но зато нет всего остального. В этом всё дело, как выясняется, Дюхон. В этом.

– И что? Что было дальше?

– Дальше? – медленно переспросил Майзель. – Дальше, Дюхон, было много всякого. И очень много денег. Но мне и надо было – много. Я бы взял частями, но мне требовалось сразу. Помнишь, зачем? Я ведь тебе рассказывал. Не можешь ты не помнить.

И Андрей, ощутив, как бегут мурашки по спине, вспомнил.

Столица Республики. Давным-давно

Их посадили за одну парту в самом начале четвёртого класса, и ещё тогда Андрей поразился хлещущему через край жизнелюбию этого веснушчатого еврейского мальчишки, его умению всегда находиться в центре внимания. Он был на год старше Андрея, – любящие родители отдали его в первый класс не в семь неполных лет, исполнявшихся Корабельщикову в октябре, а почти в восемь. Но самое главное, что вызывало у Андрея почти благоговейный трепет перед Данькой – это умение на лету, без единого значка в тетради, решить математическую задачу любой степени сложности. На Бернштейна в школе просто молились – первые места на городских и областных олимпиадах, иногда даже статьи в «Вечерке» о грандиозных успехах педагогов школы № 21.

Правда, дальше республиканской олимпиады Даньку не пускали – уж больно фамилия контрреволюционная. Но он, в отличие от русского до мозга костей Корабельщикова, не обижался и не комплексовал. Он знал – так было и будет всегда, и даже бравировал своим «несчастьем», особенно перед слабым полом.

Конечно, на самом деле не Данька, а Андрей имел все основания жаловаться на судьбу. Своего отца Корабельщиков помнил смутно, а мать больше занималась поисками копейки на пропитание, нежели Андреем. А Бернштейн-старший был классным мастером-меховщиком, виртуозом своего дела, к которому вечно стояла очередь далеко не из самых последних людей в «республике», и деньги у них, конечно, водились. Данькина мать, сколько Андрей её помнил, никогда не работала: бегство из гетто в сорок втором и две голодные зимы в партизанском отряде, видимо, оставили о себе такую память – она подолгу пропадала на всяких грязях и водах. Хозяйством Бернштейнов ведала Дуня – добрейшей души пожилая женщина из Полоцка, постоянно жившая вместе с ними в четырёхкомнатной «сталинке» на Ленинском проспекте. Она вечно потчевала Андрея какими-то плюшками, стоило ему заглянуть к Бернштейнам, – но Даньке приходилось в этом смысле куда хуже!

Он был единственным, поздним ребёнком, – со всеми вытекающими. И Корабельщикова, всегда переживавшего Данькины успехи и неудачи, словно свои собственные, всегда поражал тот, казалось, бесхребетный конформизм, с которым Данька воспринимал окружающую действительность. Андрей относил это за счёт благополучия, прочно обосновавшегося под крышей дома своего друга.

Ну, а когда они стали достаточно взрослыми для того, чтобы самостоятельно мыслить и пытаться разобраться в мировых линиях, Данька только добродушно скалился в ответ на гневные филиппики Андрея в адрес власти предрежущих. На самом деле он всего-навсего с младенчества знал то, что Андрею открывалось аки бездна, звёзд полна: власть – говно, и власть советская – тоже. К сожалению. Доказывать сие – тратить впустую драгоценное время, которое можно употребить на вещи, куда более для здоровья полезные. Съесть, например, двойную порцию плова в кафе «Узбекистон», что напротив стадиона, читая при этом руководство по системе ЕС ЭВМ. Или просидеть полночи в машинном зале родного института, наделав при этом такого шороху, что пришедшие наутро доценты с кандидатами не могут заставить «еэску» работать и вынуждены требовать к себе Бернштейна, чтобы он опять все «посадил,

где росло!!!». А то притащить на занятия – подумать страшно! – компьютер с самым что ни на есть настоящим Intel x86, размером с том Большой Советской Энциклопедии, и показать преподавателю только что, прямо у него на глазах, откомпилированный учебный пример на Си, доведя беднягу едва ли не до инфаркта.

Он был весёлый и удивительно, потрясая не жадный, – подфарцовывал потихоньку и как потом выяснилось, не очень потихоньку, хороводился с какими-то непонятными Андрею «чуваками», странным образом не смешиваясь с ними и не мараясь во всём этом нисколько. Охотно ссужал приятелей и друзей деньгами – частенько и без отдачи. Вообще легко и весело расставался с деньгами, и, кажется, так же легко и весело заводились они у него снова. (Сам Андрей, пользуясь дружескими ссудами, неизменно возвращал деньги в оговорённый срок, а если не мог этого сделать, то страдал, словно от жестокой зубной боли.) Весёлый, не жадный и уже на машине. Тогда. И лёгкий. Не легковесный, а именно лёгкий, и к этой лёгкости тянуло Андрея, словно магнитом.

Но этот же Данька был – ужас какой мечтатель. Когда-то они мечтали вместе, а теперь Андрей почувствовал себя слегка ошарашенным и даже – разочарованным. От мечтаний о звездолётах и экспедициях на планету Торманс, которыми они делились взахлёб, когда им было лет по двенадцать, Данька вдруг перешёл к убийственно земным вещам: он возмечтал стать богатым. Но зачем, изумился Андрей. Затем, чтобы менять окружающую действительность по своему усмотрению в реальном масштабе времени, пояснил Данька. «Ну, и сколько же, потвоему, тебе нужно?» – недоверчиво усмехаясь, спросил тогда Корабельщиков. «Для начала – миллиардов сорок – пятьдесят», – на полном серьёзе ответил друг детства. Андрей ещё раз внимательно взглянул на Даньку, – но тот, кажется, совершенно не считал сказанное шуткой. Больше того – он был преисполнен решимости расписать Корабельщикову свой план переустройства мира в самых животрепещущих подробностях. И был не на шутку обижен, когда Андрей, что называется, «не внял» и быстренько перевёл разговор на другую тему. Андрей же тогда, грешным делом, решил – это розыгрыш. Допустить всамделишность подобного желания – такого Корабельщиков и в самом благодушном настроении не мог.

И ещё одна странность имела у Даньки, которую Андрей никак рационально не мог объяснить. Он бредил Прагой. Кажется, он выучил наизусть весь регистр её улиц, едва ли не с номерами домов, и ориентировался там, как у себя во дворе. Он знал невероятное количество пражских легенд, которые никому, кроме своих, а уж тем более ему, чужаку и иностранцу, не могли и не должны были быть известны. А были! Он мог часами рассказывать, к месту и не очень, о Пшемысловичах и Гуситских войнах, о Шведской осаде и Бецалеле с его Големом, о скульптурах на Карловом мосту и орле¹³ на башне Староместской Ратуши. Но любимейшим его персонажем был банкир Мордехай Майзель, друг, помощник и кошелёк самого великолепного из чешских королей, императора Священной Римской Империи Рудольфа Второго. Все эти истории, излагаемые Данькой с горящими глазами, производили почему-то совершенно сногшибательное впечатление на женщин. Даже не машина и не деньжата, а именно истории. И отнюдь не на девчонок, что подходили ему по возрасту и статусу, – девчонки Даньку мало интересовали, – а на самых настоящих женщин из вполне «благополучных» кругов прилично старше себя, которых он цеплял неизвестно где и как. И на недоуменные вопросы Андрея только улыбался загадочно. Самой известной Андрею «жертвой» была преподавательница семинаров по «научному коммунизму» – милая молодая женщина, которую все называли не по имени-отчеству, а просто Тонечкой, – такая она была... Лет на десять их старше, – тогда она вовсе не казалась Андрею молодой. С Тонечкой Данька устроил такой бурный роман, что их обоих едва из института не пощёрили.

¹³ Орлой – Куранты (чешск.)

Как-то, набравшись наглости, Андрей спросил его об этом. На что Данька привычно осклабился:

– Завидуешь?

Андрей познакомился с Таней на Дне студента, который весело и неотвратно наступил вслед за возвращением с колхозных полей, куда всех первокурсников загнали ещё до официального начала учебного года. Татьянин День! Она училась на математическом, и была чрезвычайно рассудительной для своего возраста и внешности девочкой. Ей, как и Андрею, едва исполнилось восемнадцать.

Они оба просто ошалели от захватившего их чувства. Андрей всегда думал: такого на самом деле не может происходить – тем более, с ним. Но – происходило. Они любили друг друга каждый раз как последний, едва только им удавалось остаться наедине. Татьянины родители, номенклатурные работники не самого высокого разбора, были в ужасе от выбора дочери: голодранец, безотцовщина, ни кола, ни двора, ломаного гроша за душой нет, долговязый юнец из непрестижного вуза. Но с Татьяной не так-то легко было сладить. У этой девочки был такой характер!

Кажется, она и в самом деле Даньке понравилась. Тогда, после самого первого знакомства, он показал Корабельщикову поднятый вверх большой палец: так держать!

– У меня все в порядке, Дань. Ты же знаешь.

– Ну, знаю, конечно. А что тебя так удивляет?

– Ты не боишься?

– Чего?!

– Того. Чей-нибудь муж котлету из тебя сделает!

– Нет. Не боюсь. Если бы боялся, я бы не смог, наверное. Да и нет у них никаких мужей, Дюхон. А если есть, то одно название, и нет им друг до друга никакого дела. Не боюсь. Но тебя не это ведь удивляет, а? Ныряй, Дюхон. Тут неглубоко.

– А почему они все такие?

– Какие?

– Одинаковые.

– Как это?!

– Я не знаю. Это тебя надо спросить. Все – как будто снегурочки бывшие!

– Ну, Дюхон, – Данька как-то по-новому посмотрел на Корабельщикова, покачал головой, вздохнул. – Скажешь тоже. Бывшие! Они устали просто. Такая жизнь, – он помолчал. – А вообще, – ты, наверное, прав. Мне их всегда больше всех жалко. У них взгляд такой. Они ждут, понимаешь? И я... Что могу. А что я могу?!

– Нельзя же всем побежать навстречу.

– Нет. Конечно, нельзя. А что делать?! Надо ведь всем. Я не могу по-другому. Это сильнее меня. Это как будто даже не я. Я, когда взгляд их встречаю, такое внутри чувствую! Запах такой. Когда тело живёт, а душа улетела уже. Меня как будто швыряет к таким. Я не умею это объяснить. Или слов таких нет. Или я их не знаю.

– Они же все чуть не в два раза тебя старше.

Данька усмехнулся невесело:

– Старушки, да? Так в этом самый кайф, Дюхон. Ты дурень. Женщина в этом возрасте только все распробовала, как следует. Только развернулась! Она уже многое знает, с ней не нужно так прыгать, как с девочкой. Вообще ничего особенного делать не нужно. Её только надо сначала потрясти до полного опупения, рассказать ей какую-нибудь майсу¹⁴, которую она ещё никогда не слышала, а потом замолчать и послушать её. А потом сказать ей, что она – нежная

¹⁴ Майса (искаж. *идиш*) – история, байка.

и удивительная, что такую ты ещё никогда не встречал, что жизнь коротка, а искусство вечно. А мне это – легко. Ну, и так далее. И все дела. И можно в кроватку.

– Ты подонок.

– О, нет, – Данька вздохнул и сделался вдруг очень серьёзным. – Такая поганая жизнь, Дюхон. И такая скука вокруг. И ничего сделать нельзя, понимаешь?! Совсем ничего. Я хочу, чтобы они почувствовали себя счастливыми. Пусть на один день. Я же не могу сделать их счастливыми навечно. Я бы с удовольствием, но я же не бог?! А так... Им со мной хорошо. Дело же не в том, что я какой-нибудь гигант, это все фигня, это вторично, – когда женщина счастлива, у неё всё хорошо и всё получается. И у мужиков тогда тоже получается.

– А ты представь себя на месте их мужей. Хотя бы на минутку!

– Я представляю. Я поэтому и не женюсь никогда, Дюхон. Никакой мужчина никогда не сможет сделать ни одну женщину навсегда счастливой. Будь он хоть кто. Поэтому – не стоит огород городить. А это, – всего лишь миг. Секунда счастья. Если женщина чувствует себя любимой, желанной, счастливой, – я к таким даже не приближаюсь. Как и они ко мне. Я грустную женщину видеть не могу, Дюхон. Сразу подхожу и начинаю утешать. Я ведь не тащу никого в койку.

– Да. Это они тебя тащат.

– Правильно. Это само получается. Или не получается. Ты думаешь, у меня писька чешется? Или у них? Это душа мечется, понимаешь? Эх! Тебе хорошо рассуждать, вон, у тебя совсем всё по-другому. А у меня – вот так. Я не знаю, – может, и навсегда.

– А тётя Роза – она знает?

– Нет. Ну, то есть, она понимает, – я не в кино на последнем сеансе задержался. Да я редко очень дома не ночую. И звоню всегда. Ей главное знать, где я и что со мной всё в порядке.

– И она ничего не говорит?

– А что она может сказать? Нет. Не говорит. Вздыхает. У меня мама умная очень, Дюхон. Я ей объяснил разочек, в чем дело. Я не думаю, конечно, будто она пришла в неописуемый восторг от моих объяснений. Но я уже довольно большой мальчик. Что выросло, то выросло. Слава богу, она меня женить не пытается.

– А дети?

– Какие дети, Дюхон?! Ты в своём уме?! Рожать солдат для большевиков?! Нет, нет, и не уговаривай меня даже, я не поддамся.

– Когда-нибудь большевики кончатся, Дань.

– Никогда они не кончатся, Андрей, – сказал он с такой злостью, какой Корабельщиков от Даньки не ожидал – и прежде не слыхивал. – Никогда. Особенно здесь. И вообще. Не они, так другие. Не Маркс с Лениным, так ещё какая-нибудь гадость.

– Какая?!

– Откуда мне знать?! Какая-нибудь. Все время какая-нибудь гадость. То война, то целина, то Афган. Только когда женщину держишь за руку, а она так смотрит на тебя, как будто ты единственный мужчина на свете, – только тогда это всё отступает.

– Ты всё выдумываешь, Дань, – Андрей покачал головой. – У тебя так не получается, как ты говоришь. Тонечка, например.

– Ну, что – Тонечка, – Данька нахмурился. – Конечно, не получается. Я же человек. Я привязываюсь ужасно. Мне всегда кажется, что настоящая моя женщина – это та, что сейчас со мной. Может, они поэтому так и...

– Ты романтик.

– Или подонок?

– И то, и другое, – Андрей покачал головой. – Удивительный ты, все-таки, человек.

– Это ты – удивительный человек. Ты всерьёз жениться надумал?

Андрей, помедлив, кивнул.

– Вот. Это и есть настоящая смелость. Или дурость.

– Нет. Это не дурость.

– Это любовь. Я знаю. Ты надеешься это на всю жизнь растянуть?

– Я знаю, так и будет.

– Я же говорю, – ты смельчак. Я бы никогда на такое не решился. Но пускай тебе повезёт! И Танька чтобы была счастливой. А если не сумеешь, – тогда я появлюсь. Или другой такой же. Понял?

– Понял.

– Это хорошо. Я хотел с тобой сам поговорить, но, видишь – ты первый начал. Так что – держись, Дюхон! Я тебя люблю. И Таньку твою тоже люблю, тем более, она почти снегурочка, – и, довольный своей шуткой, Данька заржал, как конь. – Ирисок тебе отсыпать?

Это значило – занять денег. «Занять» – даже это был эвфемизм. Андрею всегда казалось – Данька принимает возвращаемые долги лишь затем, чтобы его не оскорбить.

– Не надо. Спасибо.

– Да, знаю я твоё «спасибо». Так уж прямо и не надо.

– Я сам.

– Что – сам?! Чего ты плетёшь-то – сам?! Или попадёшь на карандаш, или... Возьми, Дюхон. Тебе нужно, особенно сейчас.

– А тебе?

– Я себе ещё нафарцую. Деньги – говно, Дюхон. Их много нужно иметь, чтобы раздавать их легко и красиво. А ещё лучше – незаметно. Чтобы никто даже не понял! У меня всё есть, Дюхон. Кроме самого главного. А все остальное тогда – ни к чему вовсе.

– Это же я тебе завидовал всегда, – Андрею показалось, он сейчас заплачет.

– Ты не завидовал, – Данька улыбнулся. – Зависть – это совсем другое. Зависть – это когда у тебя нет, и ты хочешь и делаешь всё, чтобы у всех остальных – не было тоже. И я тебе не завидую. Я ведь хочу, чтобы у всех было. И у тебя, и у меня. У всех!

– Так не бывает.

– Понятно, не бывает. Здесь – не бывает.

– А где бывает? Там? В Америке? В Израиле?

– Мы, наверное, скоро уедем, Дюхон, – вздохнул Данька.

– Куда?! – опешил Андрей.

– В Штаты, скорее всего.

– Зачем?! Почему?!

– Я тоже от этого не в восторге, – пожал плечами Данька. – Мне тут удобно, уютно, всё схвачено. Просто, если меня в армию заберут, мама этого не переживёт. Дело тут... В общем, я это знаю.

– Как это – в армию?! У нас же военная кафедра!

– Её закроют летом, Дюхон, – он усмехнулся. – Мы с тобой попали в демографическую яму – дети детей войны, нас слишком мало, страна же – по-прежнему в кольце врагов. Понимаешь, какая петрушенция. Если бы меня научили ходить строем за пару недель, а потом отправили заниматься делом – я бы не возражал. Но никого не интересует, что я умею. Тем более – чего я хочу или смог бы. Им надо процент обеспечить. Поэтому меня загребут и отправят строить дачу какому-нибудь генералу. Или канаву рыть – отсюда и до обеда. Они от этого скоро схлопнутся, как чёрная дыра, Дюхон. Вся страна. Просрали державу уже, в общем. Понимаешь, Дюхон?

– Но можно же как-то... выкрутиться, – краснея и морщась, пробормотал Андрей. – С вашими связями...

– Нет, – покачал головой Данька. – Отец не станет. Мама – она да, она бы костями легла, но отец – нет. И ей не позволит. И я не позволю. Я еврей, Дюхон. Я не могу допустить, чтобы

мне шипели вслед: вывернулся, жидовская морда. Устроился. Пролез. Спрятался за спину русского Ваньки, тутэйшаго Янки. Они служат Родине, а он джинсами спекулирует, тварь. Но и пушечным мясом – не буду тоже. Если они не могут – не хотят, чтобы я служил Родине – я уйду. Так всегда было – и, наверное, будет. До скончания веков. Здесь. Только это, Дюхон – не мой мир.

И в тот же миг – такой непередаваемый ужас, такая дикая, ревушая на миллионы голосов тоска захлестнули Андрея, что он испугался до ватной слабости в груди и ногах.

– Что?! Что это значит?!

– Если б я сам это знал, Дюхон. Я здесь не на месте, моё место... Только где это место, я не знаю. Я его всё время ищу, а его нет.

– А где же?!

– Не знаю, Дюхон.

– Это бред. Чепуха. Фантастика!

– Обязательно. Именно, – Данька оскалился вдруг отчаянно. – Я на самом деле чувствую так. Плевать. Если я его найду, – я и тебя позову, Дюхон. Тебя – непременно. И ты тоже сможешь. Если захочешь. Все смогут. Я всех позову!

Бог ты мой, подумал тогда Андрей. Да что же это такое?!

* * *

Данькин отъезд словно вышиб почву из-под ног у Андрея. Если ли бы не Таня – одному богу известно, что бы он натворил. Татьяна, с её «математическим», ясным умом, всё разложила по полочкам: Данька – умница, он не пропадёт, и надо жить дальше. Надо, думал, Андрей, возвращаясь к себе в спальный район, где жил вместе с матерью. Надо, – но как?!

Проходя мимо почтовых ящиков, он увидел – в их «шуфлядке»¹⁵ что-то лежит. Андрей достал чистый конверт – без марки, без адреса – и вынул записку. Сердце глухо стукнулось в рёбра: Данькин почерк!

«Приветик, Дюхон! Мы даже не попрощались толком, прости. Честно сказать, не хватило духу. Я не могу забрать тебя с собой и не могу остаться, – ну, ты знаешь. Зайди на вокзал, там, в ячейке с нашим номером, лежит кулёк с ирисками для тебя. Если не захочешь взять себе, можешь раздать, кому понадобится, я не обижусь. Кому, сам решишь. Будь здоров, Андрюшка! Я тебя люблю. И Таньку тоже. Армия тебе не грозит, так что женись на ней скорее, дурень. И передай привет от меня. Может, ещё увидимся?

Д.»

Ячейка с «нашим» номером – 1217 – была их «тайником» ещё со школьных лет, когда они играли в «Штирлица». 12 серий, 17 мгновений весны. И шифр – 4711, кёльнская вода, любимый Данькин запах.

Андрей помчался на вокзал – метро ещё работало. Он влетел в зал камеры хранения, дрожащими руками набрал шифр, достал «пятнашку» и опустил её в прорезь автомата. Клацнув, дверца распахнулась. Андрей увидел шегольскую папку из натуральной кожи, с которой Данька ходил в институт. Андрей, затаив дыхание, потянул за замок «молнии».

Внутри лежали пятнадцать пачек десятирублёвок, перехваченные стандартной бумажной инкассаторской бандеролью с бледно-красными полосками. Новые и старые купюры, – вперемешку.

¹⁵ Ящичек (бел.)

* * *

Он шёл пешком по освещённому проспекту, прижимая к груди папку с этими чудовищными деньгами, ничего не замечая вокруг. Татьяна, открыв ему дверь и увидев его мокрое лицо, втащила Андрея на кухню.

Они сидели друг против друга – Данькина папка посреди стола, его письмо. Татьяна, с полными слёз глазами, прижав кулак ко рту – и Андрей, сторбленный и нахохлившийся, как подбитая птица. Такими их и застала Татьянина мать, проснувшаяся от света посреди ночи в квартире.

Она вопила что-то о ворах и бандитах, о друзьях, которые до тюрьмы доведут, о загубленной жизни со щенком-голодранцем. Андрею было всё равно – он даже не слушал.

– Какая же ты дура, мама, – задумчиво произнесла Татьяна. – Боже мой, ну почему же ты такая дурища?

Она вышла и вернулась буквально через минуту – полностью одетой, со спортивной сумкой в руке, с которой бегала на тренировки в фехтовальную секцию:

– Идём, Андрей.

– Доченька, – испуганно забормотала мать, сбавив тон и как-то враз сделавшись маленькой, жалкой. – Доченька, Андрей, Андрей, доченька, да как же, куда же, ведь ночь на дворе...

– Андрей! – страшно закричала Татьяна. – Ты идёшь?!

Потом они, конечно же, помирились. Алевтина Петровна извинялась и даже всплакнула: поймите меня, Андрюша, я так испугалась, да я столько денег сразу в жизни своей не видела. А ему было по-прежнему всё равно, да и что толку упорствовать в ссоре?

Деньги пошли на кооперативную «двушку», – их собственное с Татьяной жильё. Когда-нибудь мы ему всё вернём, твёрдо сказала Татьяна. Не деньгами, – деньгами он не возьмёт. Но вернём, – обязательно.

А потом такое началось и столько всего случилось! Горбачёв, независимость, падение Берлинской стены, Коронный Союз и Балканская война, едва не ставшая мировой. И Лукашенко, конечно. Который остановил всё, что Андрею так начинало нравиться, несмотря на неизбежное «шаг вперёд и два назад», несмотря на неопределённость и беспокойство. В воздухе, – быть может, впервые за много-много лет, – по-настоящему запахло свободой, и запах этот входил в ноздри, заставляя лёгкие распрямляться навстречу. Но это оказался всего только запах. Настоящей свободы, на холодном пронизывающем ветру, когда шкуру и огонь нужно добывать самим, они так и не успели глотнуть. Потому что «усенародна избранный» вернул всех в стойло и посадил на цепь, – и тех, кто отчаянно этого хотел, и тех, кто был до смерти против.

Андрей приспособился, приноровился. Крутился с «Диалогом», организовывал встречи и семинары, ездил с удовольствием в Европу, где отдыхал душой и телом. И иногда – нет, не часто, но все-таки, – вспоминал Даньку и чувствовал, как ноет под ложечкой от чувства неведомой, беспричинной вины. Нет, не деньги были тому причиной. Деньги – говно. Это Андрей запомнил.

Аугсхайм. Март

Андрей поднял голову и посмотрел на Дракона, – конечно, Дракона. Корабельщикову пришлось сделать усилие над собой, чтобы подумать о нём, как о Даньке. Он кивнул на холодильник:

– Там есть что-нибудь покрепче воды?

– Есть, – Майзель потянулся и открыл дверцу. – Тебе пива? Вина?

– А водка найдётся?

– Найдётся. Ой, Дюхон, – по-бабьи пригорюнился Майзель, – надо было тебя всё-таки подготовить. Веришь, нет, – если бы я знал, как, я бы подготовил. Но я не знал – и теперь не знаю. Ты бы ни за что не поверил.

– Не-а, – помотал головой Корабельщиков. – Ни за что. Ты мне водки дашь?

– Держи, – Майзель бросил ему маленькую бутылочку. – Евродоза, ты уж извини.

– Ничего, – усмехнулся Андрей, переливая спиртное в стакан. – Там наверняка ведь ещё есть.

– Слушай, ты не налегай, – в голосе Майзеля слышалось искреннее беспокойство. – Нам после обеда сразу уезжать, мне вечером обязательно нужно быть дома.

– Нам уезжать? – удивился Корабельщиков. – Я собирался тут кое-что сделать, вообще-то.

– Нет, нет, – нетерпеливо махнул рукой Майзель. – В другой раз. Я тебя нашёл, и мне необходимо, чтобы ты своими глазами всё увидел. Немедленно.

– Долго же ты меня искал, Дань, – вздохнул Андрей. – А я вроде и не прятался.

– Я тебя нашёл, как только у меня дошли руки и появилось, что тебе предложить, – прищурился Майзель, и Андрей ощутил, как засосало под ложечкой от сверкнувшего в этом прищуре электричества.

– Мне предложить – или себе с моей помощью?

Майзель немного откинулся в кресле, разбросал ручищи по спинке:

– А ты изменился.

– Ты тоже. Это твои штучки? В Столице?

– Какие штучки ты имеешь в виду?

– Покупаю хороших людей.

– Дюхон, – укоризненно покачал головой Майзель. – Ну, пойми: не получается одному всё постоянно придумывать, продумывать и контролировать. Технически, физически, морально, ментально. Генитально, наконец. Никак. Даже если очень хочется. Ты что же, решил – это я тебя на живца ловил?

– Есть такое.

– Дурак. И уши холодные. А Татьяна? Она тоже так думает?

Корабельщиков опрокинул в себя содержимое стакана, поморщился и взял из вазочки несколько виноградин:

– Нет. Но Татьяна – она же... Ладно. Если ты дашь слово, – это не ты лично и не специально для меня, – я дам слово, что попробую тебе поверить.

– Даю, – кивнул Майзель.

– Ну, значит, проехали, – согласился Корабельщиков. – Знаешь, несмотря ни на что, всё было просто потрясающе здорово. Эта Галина – девчонка ведь ещё совсем. Как вы таких людей находите? Где? Уму непостижимо.

– Я очень многих сотрудников знаю по именам, – улыбнулся Майзель. – Галина – Геллер, кажется?

– Не кажется. Точно.

– Отличная девчонка. Настоящий боец. Гвардия. Мы с тобой, Дюхон – с такими людьми – горы свернём. Понимаешь?

– А оно надо?

– Обязательно.

– Ну, как скажешь. А Юлиусу ты зачем... ирисок отсыпал?

– Я иногда совершаю покупки про запас, ещё не зная, что и когда мне конкретно понадобится. Вижу – приличный человек в пыли валяется. Надо поднять, отряхнуть, положить на полочку, бирочку повесить. Я такой – Плюшкин.

– А говорят – Дракон.

- Нет, не говорят. Дракон и есть. Но белый и пушистый. Для друзей.
- А для врагов?
- Врагов я ем, – проворковал Майзель. – С косточками, шёрсткой, коготками и хвостиками.
- И как? Вкусно?
- Нет. Отвратительно. Но репутация Дракона – это святое. Завоевать – ох как трудно, потерять – легче лёгкого.
- Тяжело тебе живётся, – посочувствовал, не без иронии, Андрей.
- Начинаю узнавать тебя, Дюхон, – просиял Майзель. – Давай, приходи в себя поскорей. У нас куча дел.
- Я только вот чего не пойму. Как тебе удалось эти деньги потом достать – и ими воспользоваться?
- Вацлав.
- А как его зовут на самом деле?
- Его зовут Вацлав. Прежнего человека я сожрал. А то, что я выплюнул – уже было Вацлавом. И будет – до последнего дня.
- Лихо.
- Обязательно.
- И что же сделал Вацлав? Что он вообще мог тогда сделать?
- Ты Вацлава не знаешь. Мы лежали на соседних койках. Ему ногу разворотило так, что он не мог спать – никакие обезболивающие не помогали. И мы с ним трепались день и ночь напролёт. В какой-то момент я ему всё выболтал – ну, не мог я такое бесконечно в себе держать. Он подумал минут пять – о, говорит, это интересное кино может получиться. Давай я своих ребят позову.
- Каких ребят?!
- Из бывшей родезийской САС. Они воевали практически до последнего дня, потом ушли в Южную Африку. А в госпиталь он попал после стычки со спецназом ГРУ в Анголе. Ну, да это не особенно важно.
- Погоди, погоди, – поднял руку Корабельщиков. – А как он оказался в Америке?
- Это я оказался в ЮАР, голова садовая, – расхохотался Майзель.
- Как?! Почему?!
- Потому, что там тогда была лучшая военно-полевая медицина на свете, Дюхон. И мне это было жизненно, извини за невольный каламбур, необходимо. Вот так мы познакомились. А его ребята... Во-первых, настоящий интернационал. Во-вторых, их можно было остановить только направленным ядерным взрывом. Особенно если Вацлав приказал. А он приказал: меня охранять и поднатаскать, как следует, деньги собрать, сложить в кучку и ждать дальнейших распоряжений.
- И сколько же их было? Ребят?
- Двадцать шесть. С Вацлавом – двадцать семь.
- Не маловато? Чтобы мир перевернуть?
- Хватило, как видишь, – ухмыльнулся Майзель. – Если правильно взяться и правильно дёрнуть, морковка из земли так легко выскакивает – ну, удивительно. Дунул, плюнул – и всё, хрусти всеми тридцатью двумя в своё удовольствие.
- Дань, – поморщился Корабельщиков. – Я тоже рад встрече, хотя это и не очень пока заметно. Но ты – вон какой вымахал, а не вырос. Как ты с таким хозяйством при такой поверхностности управляешься – даже ума не приложу. Или врут всё?
- Да нет, не врут, – Майзель чуть изменил позу. – Если бы я серьёзно ко всему, в том числе к хозяйству, ещё и внешне относился – со мной вообще невозможно было бы рядом находиться.

– Что – так воняет?! – приподнял брови Андрей.

– Ты не был прежде таким ехидным, Дюхон, – улыбнулся Майзель. – Это ты от Татьяны набрался, я знаю. Но это славно, я рад. Воняет, да. Ещё как. Кровь с дерьмом – страшно воняют, дружище. Особенно под прямым солнцем.

– Догадываюсь. А ты правда не спишь?

– Нет.

– Что, совсем?!

– Некогда. А метаболизм знаешь, какой? – Майзель хлопнул себя по груди, по голени. – Сто кило без единой жировой клетки. Жру постоянно. Меня ещё и поэтому драконом прозвали. Очень мешает, между прочим. Другие спят по восемь часов, а я столько жру. Представляешь?

– Так это не шутка была – насчёт бычка с укропом?!

– Да какие там шутки. Пойдём, триста граммов вырезки с гарниром тебе должно хватить до вечера, потому что останавливаться по дороге мы не станем.

* * *

– Вот же немчура проклятая, – проворчал Майзель себе под нос, выходя из особняка Лиги на улицу. – За мои же деньги не могут накормить меня по-человечески.

– По-человечески как раз пожаловаться не на что, – возразил Корабельщиков. – Это по-драконьи, может, и не еда, а по-человечески – более чем.

– Ладно, ладно, – примирительно приобнял его за плечи Майзель. – Как скажешь, защитничек. Ну, что – ты готов?

К чему ещё следовало подготовиться, Андрей спросить не смог – слова застряли на полпути. Мягко прошелестев шинами по брусчатке – в пешеходной зоне Аугсхайма, где располагалась вилла, арендуемая Лигой, не было асфальта, только брусчатка – перед Корабельщиковым остановилось – остановился – остановилась – бог ты мой, подумал Андрей, это что такое?!

Со звуком поцелуя чуть приоткрылись обе широкие двери, распахивающиеся навстречу движению. Корабельщиков всё ещё не мог шевельнуться, таращась на то, что служило Дракону каретой. Шесть метров неизвестного Андрею материала цвета «чёрная вишня», покрытого чем-то вроде толстого слоя стекла, затемнённые, непрозрачные окна, зеркальная крыша, пучки бело-голубых светодиодов впереди и полосы красных – сзади. Гигантские колёса, закрытые глухими сверкающими колпаками; обилие хрома в деталях – кольца передних фар, окантовка габаритов и тормозных сигналов, дверей и переднего «гриля», воронок выхлопной системы. Двигатель, похоже, работал, но почему-то абсолютно бесшумно.

Так, наверное, выглядела бы золушка-«Победа», преображённая всемогущей феей, чтобы на главном балу Планеты Машин получить венец королевы – отныне и навсегда. Номера на ней смотрелись бы так же нелепо, как хомут на Пегасе. Видимо, поэтому они и отсутствовали. Вообще.

Так и не вымолвив ни слова, Корабельщиков опустился на пассажирское сиденье. Откуда-то сверху и сбоку непостижимым образом протянулись ремни, осторожно, но крепко зафиксировав его, и кресло замурлыкало, точно подстраиваясь под форму тела. Великолепные сиденья «Электры» теперь показались бы ему деревянными скамейками в старой электричке. Корабельщиков окинул взглядом интерьер: стиль он назвал бы «цифровым ретро», – не выразимое никакими словами сочетание основательной надёжности пятидесятих годов двадцатого века и фантастической функциональности ещё не наступившего грядущего. Прямо перед ним приветливо светился экран с панорамным обзором, видимо, от специальных камер, и разной служебной информацией.

Андрей покосился на Майзеля:

– Я не понимаю. Она что, сама рулит?!

– В принципе, да. Мне иногда важные вещи приходится в пути обсуждать – автопилот в этом случае очень кстати.

– Послушай, а как это возможно? У тебя, у Галины – такого хайтека просто не существует! Вы что, из будущего его притащили?!

– Ты ещё хайтека не видел, – усмехнулся Майзель. – Это так, этюдики.

На лобовом стекле загорелась сетка городских кварталов с ярко-оранжевой линией предполагаемого маршрута, и голос, уже хорошо знакомый Андрею, – голос, который он ни с каким другим не смог бы теперь перепутать, – произнёс:

– Пожалуйста, поверните направо и через тридцать метров налево.

– Так и знал, – вздохнул Корабельщиков. – Синтезатор. Поразительная всё-таки техника!

– А вот тут ты угодил пальцем в небо, – расплылся от удовольствия Майзель. – Это не синтезатор, а Божена Величкова – прима Пражской оперы. Ты что, не слышал её ни разу?

– Слышал. На автоответчике.

– Беда, – покачал головой Майзель. – Телефон. Мирослава.

– Что?!

– Я не тебе.

– Тьфу ты...

Раздался – опять не гудок, а мелодичный перезвон орлоя – и Корабельщиков услышал голос посла Короны:

– Вишневецка.

– Здравствуй, Славушка, – нежно произнёс Майзель по-русски. Андрей едва не подскочил на сиденье – таким знакомым повеяло от этого тона. – Я тебя ни от чего сверхсрочного не отрываю?

– Здравствуй, Дракон, – Вишневецка лишь на какую-то долю секунды замешкалась с ответом. – Нет, сейчас ничего неотложного. Я тебя слушаю.

– Славушка, у меня тут гость из твоей вотчины. Случайно обмолвился, что ни разу не слышал Божену. Она точно не давала там гастролей?

– Насколько я знаю, нет. Сейчас проверю, – и после короткой паузы Вишневецка подтвердила: – Нет, не давала.

– Это неправильно, Славушка, – покачал головой Майзель. – Нужно, чтобы она непременно побывала там ещё до Рождества. Ты позвони ей, ладно? Пусть подготовится, проверит репертуар – несколько народных песен обязательно следует спеть. Если потребуется что-то изменить в расписании – пусть поменяет, скажи, я очень прошу её съездить. Хотя бы в Столицу, а остальные города – как получится. Хорошо?

– Я всё сделаю, Дракон.

– Отлично. Ну, до связи. Держись там, дорогая.

– Спасибо. До связи, Дракон.

Орлой известил о завершении звонка. Корабельщиков вздохнул и пробормотал:

– Великий вождь товарищ Ким Ир Сен прибыл в Пусан и осуществил руководство плотинной на месте.

– Позвонил в Пусан.

– Да какая разница?!

– Дюхон, да это же обратная связь. Возникла – и тотчас сработала. Я – всего лишь средство коммуникации. Ну, в данном случае.

– А, ну да. Понятно. Слушай, – Корабельщиков вдруг осознал, что они едут вдвоём – никаких машин сопровождения, ничего. – Неужели ты один приехал? Без охраны?

– Какая охрана, Дюхон, – рассмеялся Майзель. – Я ужас, летящий на крыльях ночи – кто меня остановит?

– Да, точно, – кивнул Андрей. – Ясное дело, никто.

Шоссе А6 – Е50. Март

Глядя на размазанные силуэты проносящихся мимо элементов пейзажа, Корабельщиков осторожно осведомился:

– А обязательно так лететь?

– Обязательно. Не бойся, Дюхон, доставлю живым и невредимым.

– Хотелось бы верить. Почему ты так мчишься туда? Что там тебя ждёт? Или кто?

– Там – мой дом, дружище, – Майзель посмотрел на него, и Андрей понял: это – всерьёз. – Моя сказочная страна и мой волшебный город. Там – мои люди, которых я сделал гордыми и счастливыми. Там – мой король и моя королева. Там – моя жизнь, которую я живу второй раз.

– Их ты не сожрал? И не выплюнул?

– Нет. Я их спас.

– От чего, если не секрет?

– От честной бедности. От доли побирušек на побегушках у Штатов и Евросоюза. От участи грантососов и «демократии переходного периода». От эмиграции и эскапизма. От первоклассной литературы, которая никому не нужна, потому что нечего есть. От пушеров¹⁶, как две капли воды похожих на своих «кумиров» – в косынках, украшенных золотыми велосипедными цепями и штанах с ширинкой до колена. От пьяных слёз о неудавшейся судьбе. От приграничной проституции и торговли детьми, от вахтовой сезонной работы за полцены и контрабанды сигарет в Германию. От рабства в транснациональных монополиях, чьи начальники выплачивают себе многомиллионные бонусы за наглый, беспримерный разбой, обращаясь при этом с людьми, как с мусором. Ты представляешь себе, о чём речь?

– Вполне представляю. Мы с тобой одни и те же книжки читали, помнишь? Ты говоришь о том, что могло случиться. О реальности, которая не стала реальностью. Очень красочно, кстати, говоришь.

– А я вижу обе реальности, Андрей, – со странным выражением в голосе сказал Майзель. – И ту, не состоявшуюся, реальность я вижу иногда так чётко, – самому становится неуютно. А эта реальность состоялась. Я её состоял, понимаешь? Для себя – и для них. Я нашёл им короля, в котором они души не чают. Королеву, которую они боготворят. Они свободно колесят по всему свету, и, узрев их паспорт, любой пограничник и мытарь вытягивается во фрунт. В их душах и сердцах – гордость и отвага времён Пшемысла Оттокара и святого Вацлава. Мы с Вацлавом послали их во все концы света учителями, врачами, пастырями человеческих стад и неуязвимыми воинами, вытаскивающими из огня детей и женщин. Да, я всё это сам люблю и даже посильно участвую. Мне это страшно нравится. Но им тоже! И это только начало!

Андрей снова услышал перезвон мелодии орлея, и на экране появилось лицо сурового, чуть грузноватого мужчины с глубокими вертикальными складками на щёках. Его серые глаза под яркими, чёрными бровями показались Корабельщикову неприветливо колючими, да и весь облик внушал скорее опасение, нежели расположение: лихо торчащие вверх седые нафабрённые усы, седой «габсбургский» ёжик волос на голове, прижатые к черепу уши борца. И всё же было в нём – в выражении лица, в мимике, – что-то, заставляющее отнестись к этому человеку не только с уважением, несомненно, заслуженным, но даже с симпатией.

– Это Гонта, – улыбнулся Майзель, и, удивлённый внезапным уколом ревности, Андрей понял, какая глубокая, искренняя дружба соединяет мужчину на экране с Драконом. А ещё жаловался, будто друзей у него нет, сердито подумал Корабельщиков. – Он пока нас не видит.

¹⁶ Пушер (амер. арг.) – мелкий уличный торговец наркотиками.

Поскольку ты ему хорошо знаком, представлю и его тебе: Гонта Богушек – хозяин моей Службы.

– Хозяин?!

– Ну да, – пожал плечами Майзель. – Именно хозяин – не «начальник», не «директор», не «заведующий». Настоящий хозяин, поэтому он и командует Службой.

– Службой чего?

– Просто Службой, Дюхон. Есть Дракон – и есть его Служба.

– Ясно, – усмехнулся Андрей.

– Первыми его словами будут «дело плохо» или «плохо дело, Дракон». Не принимай всерьёз: это неправда. Наши дела могут оказаться сложными, требующими многоходовых схем, могут даже топтаться какое-то время на месте, но плохо они не идут и не пойдут никогда. Но Богушек – заядлый паникёр и отчаянный перестраховщик. Несмотря на это, я страшно его люблю. А теперь я включаю связь. Здравствуй, Гонта.

– Плохо дело, Дракон. Вечер добрый, пан Онджей.

Богушек посмотрел на Корабельщикова и чуть приподнял усы, обозначая улыбку. Андрей, испытывая непонятное ему самому смущение, тоже поздоровался. Богушек снова перевёл взгляд на Майзеля.

– Докладывай, – Майзель кивнул.

– Отбита атака маоистов на Гьянендру.

– Это король Непала, – пояснил Майзель и снова уставился на Богушека. – Так отбита же. Почему же «дело плохо»?

– Потому, что атака спланирована кем-то из приближённых.

– И тебе ещё неизвестно, кем?! – изумился Майзель.

– Как это неизвестно, – приосанился Богушек. – Разумеется, известно. Уже. А надо было до того, а не после того! Вот это я не досмотрел. Виноват.

– Погибших много? – уже другим, совершенно утратившим напускную весёлость, тоном, осведомился Майзель.

– Бойцов охраны пятеро, четверо раненых. Маоистов около восьмидесяти трупов, точно известно, что многих унесли собой. Потери где-то двадцать к одному.

– Для полутора лет сотрудничества неплохой результат, – констатировал Майзель. – Конечно, есть, над чем работать, но не вижу повода для паники.

– Это не всё, – Богушек вздохнул и отвёл на мгновение взгляд. – Один советник.

– Что?! – Майзель вцепился в руль, и Андрей увидел, как побелели костяшки его пальцев и налились кровью глаза. – Какого чёрта, Гонта! Что ещё за новости?!

– Он сам виноват, – зло ответил Богушек. – Нечего на бабе загорать непонятно где. Граната в окно, – ладно хоть тревогу успел поднять и с полдюжины гадов положить. Пока вертолёт из Катманду прилетел... Он вообще-то в отпуске был, Дракон. Не на службе. Такое дело.

– Проследи за девчонкой. Если беременна, привези в Корону. Хоть старикам утешение.

– Сделаем, Дракон.

– Давай дальше, усатая рожа.

– Спецоперация против исламистов на Тиморе идёт успешно и с опережением графика.

– Вот это уже приятно слышать.

– Японцы очень хорошо себя показали. Это их второе выступление после полувекового перерыва, и можно считать – ребята просто блестяще справились. Соотношение потерь двести к одному, потерь от дружественного огня нет, небоевые потери на очень хорошем уровне, подробности я тебе отправил.

– Духаби взяли?

– А как же, – надулся Богушек, – обижаешь, Дракон! Взяли практически всех по основному списку. Сейчас поэму экранизируем.

– Какую поэму?! – вырвалось у Корабельщикова.

– Витязь в кабаньей шкуре, – ласково пояснил Майзель надувшемуся Андрею и кивнул Богушке: – Молодцы. Позаботься, чтобы всё было заснято в хорошем качестве, никакой любительщины – аль-Вахиды порадуются за своих протеже, заодно станут малость поговорчивее. И японцам продемонстрируйте – пусть набираются опыта. Как пресса реагирует?

– Наша – как положено, западная – в обычном ключе. Ничего опасного не заметил, утечек тоже нет, всё штатно.

– Что там с Дубровником?

– Пока никаких подвижек. Операция прорабатывается, по готовности начнём немедленно. Но нам ещё часов двенадцать, если не больше, потребуется, пока коммуникации подтянем, пока информационную составляющую подготовим, – всё-таки, не баран чихнул.

Богушек изъяснялся по-русски свободно, без акцента и даже без напряжения, свойственного людям, говорящим на чужом, пусть и знакомом, языке. Это изумляло Андрея в превосходной степени и подмывало встрять с вопросами, – но он, разумеется, сдержался.

– Понятно. Сведения по Дубровнику докладывать вне очереди, немедленно и так далее. В общем, не мне тебя учить. Это всё?

– На данный момент – всё, – кивнул Богушек. – Величество я проинформировал лично, с Михальчиком не ссорился, – снова нечто вроде улыбки шевельнуло его усы.

– Смотри мне, – погрозил пальцем Майзель. – До связи, Гонта. Держитесь, ребята. Я вас люблю.

– До связи, Дракон.

Изображение Богушка растаяло, и на экране снова появилась панорама обзора со служебной информацией. Майзель покосился на него и приподнял бровь:

– Ну, спрашивай, Дюхон. А то лопнешь.

– Ты чем вообще занят – бизнесом или политикой?!

– Нельзя заниматься ни тем, ни другим по отдельности, – резко вскинулся Майзель. – Если у тебя не шашлычная и не булочная, ты будешь заниматься политикой. Иначе политика займётся булочником и шашлычником, которым ты пообещал – политика их не тронет. Говорят, политика – искусство возможного. В этом смысле – я не политик. И Вацлав тоже. Искусство – это как раз невозможное, и мы занимаемся именно превращением невозможного в реальность. Понял?

– Понял. А зачем вам Непал?!

– Нам нужна станция сопряжения спутниковой связи в Гималаях, до которой ни одна сволочь, кроме нас, естественно, никогда добраться не сможет, – посмотрел на Андрея Майзель. – Полностью автоматическая, расчётный срок эксплуатации – двадцать лет без доступа персонала. Понятно?

– С атомным реактором, то есть, – уточнил Корабельщиков.

– В дырочку. Гьянендра обеспечивает доступ к объекту, а мы натаскиваем его оловянных солдатиков, чтобы они не просто на амбразуры бросались – гуркхи это почище многих умеют делать, – а воевали, как положено.

– Ага, – Андрей хмыкнул. – Ну, насчёт Тимора понятно: оттуда вся Юго-Восточная Азия как на ладони, и Тихий океан в придачу. Вы тоже «флот открытого моря» строить собираетесь?

– С приоритетами ты ошибся, Дюхон. Там полтора миллиона христиан, которых газаватчики истребили бы до последнего младенца, если бы за них не вступилась Япония, – с нашей, ясное дело, подачи. Что же касается Тихого океана – наши военспецы не жалуют крупные надводные флоты. Вот подводные – да, тем более, у подводников со временем появится много невоенных задач, отработку которых нужно начинать уже сегодня.

– Так, стоп, – протестующе выставил перед собой ладонь Корабельщиков, – давай эту тему сейчас трогать не станем, а то у меня шарики окончательно за ролики заедут. В Дубровнике-то что случилось?!

– На рейде Дубровника стоит ржавое корыто – списанный танкер в двадцать тысяч тонн – с так называемыми «беженцами». Разумеется, ни флага, ни порта приписки – ничего. «Беженцев» на нём порядка тысячи. Судя по уровню гормонального фона, старше двадцати пяти там никого нет.

– Невероятно, – изумлённо покачал головой Корабельщиков. – Вы и такие параметры дистанционно вычислять умеете?!

– Наука, дружище, умеет много гитик. Пришлось, знаешь ли, научиться.

– С другой стороны, у кого есть силы и здоровье на переход по морю, впроголодь, при дефиците питьевой воды, – пожал плечами Андрей. – Ясно, в первую очередь молодёжь, парни.

– Это не всё. На судне есть заложники – женщины и дети, пара десятков, сколько точно, устанавливаем. Часть из них, по данным сканирования в тау-диапазоне, уже мертвы.

– Заложники?! Почему же заложники?

– Потому что статистика безжалостна, Дюхон. Соотношение пятьдесят к одному.

– Ты хочешь сказать, их... Нет. Вы всё это дистанционно определили?!

– Я же говорю – ты ещё не видел нашего хайтека. Он, в основном, либо исключительно военного, либо двойного назначения. И, к сожалению, ситуация в этом смысле поменяется нескоро. Мы вынуждены обеспечивать себе качественное преимущество над противником. В общем, всю эту толпу, как единодушно призывает нас западная демократическая общественность, необходимо срочно приютить и обогреть.

– Но вы этого делать не собираетесь, – усмехнулся Андрей.

– Нет, не собираемся, – отрезал Майзель. – И я тебе объясню, почему. Никакие это не беженцы, а ходячие бомбы. Биодетекторы засекли целый букет – туляремия, геморрагическая лихорадка, сифилис. Причём, не на помойке подхваченные – это боевые штаммы, с пролонгированным инкубационным периодом, с чуть ли не абсолютной сопротивляемостью антибиотикам. Мы сейчас пытаемся по генному отпечатку выяснить, из каких именно лабораторий эти штаммы вышли, – но это время, время, которого нет.

– Бог ты мой, – пробормотал Корабельщиков, чувствуя, как ватная слабость поднимается из колен к животу. – Но это же война!

– А я о чём?! – рявкнул Майзель. – Конечно, война! Смотри, Дюхон. Отправить их назад мы не можем – некуда. Это дикий сброд из лагерей в Сахаре – там и арабы, и негры из центральной Африки, и чёрт знает кто ещё. Это корыто не пошло ни в Марсель, ни в Неаполь, а попёрлось почему-то в Дубровник. Если мы их стащим на берег и займёмся дезактивацией – хоть один из этой тысячи обязательно просочится, чудес не бывает. Если мы промедлим с решением – поднимется вой, начнутся «спонтанные» выступления «возмущённой общественности». Да уже начались – сетевые дневники европейских «правозащитников» сообщили о том, что югославские «расисты» не пускают «беженцев» на берег, едва только корыто замаячило на горизонте. В любом случае, как бы мы не поступили – попытавшись от них избавиться или оставив подыхать на воде – получим град бутылок с зажигательной смесью в окна наших посольств по всей Европе, я уже не говорю о Востоке.

– Тупик?!

– Цугцванг это называется.

– А сообщить правду?

– А толку?! – Майзель повернул к Андрею пылающее от ярости лицо. – А комиссии, а толпы «активистов», желающих непременно удостовериться лично? Это недели, Дюхон! За это время половина из них сдохнет в адских мучениях, а виноваты окажемся мы – бессердечные злодеи, исламофобы, расисты и прочая, и прочая.

– То есть вам придётся их убить, – тихо выговорил Андрей. – Это чудовищно, Дань. Эти мальчишки, – они ведь ни в чём не виноваты.

– Наши люди, которых какие-то упыри пытаются убить посредством этих мальчишек, виноваты ещё меньше, – прищурился Майзель. – Дубровник, который они хотят превратить в гниющую яму на многие годы. Санитарные кордоны по всей стране, нарушенные коммуникации, закрытые для туристов пляжи – десятки миллионов крон ущерба, исчезновение с таким трудом созданных рабочих мест. Если придётся выбирать между нашими и не нашими – думаю, не нужно быть гением, чтобы понять, какой выбор я сделаю.

– Но ты ещё не решил, – полуутвердительно-полувопросительно произнёс Корабельщиков.

– Сейчас от меня уже ничего не зависит, – Майзель смотрел вперёд, на дорогу. – Будет, как решат специалисты – военные, медики, дипломаты. Вацлав и Александр. А я – всем, что у меня есть, поддержу их решение, обеспечу его. Вот так, Дюхон.

Майзель умолк, явно задумавшись.

Андрей покачал головой и устался в экран. Он увидел, как жёлтая точка, стремительно нагоняя их, превратилась в плоскую, словно воротник очковой змеи, «Феррари». Повисев у них на хвосте не больше пяти секунд, «Феррари» заморгала дальним светом, и Андрей увидел разевающего рот водителя, давящего на клаксон. Вот болван, с беспокойством подумал Корабельщиков. Сейчас Дракон...

Додумать он не успел.

– Следующее позади транспортное средство нарушило условия соблюдения безопасности движения. Дистанция сближения критическая. Прошу дальнейших указаний, – сообщила «Божена».

– Во только этого мне сейчас не хватало, – сердито поморщился Майзель. – Совсем страх потеряли. Полицейский режим, немецкий язык.

Шоссе вокруг озарилось яркими, словно молнии, красно-синими сполохами невесть откуда взявшихся проблесковых маячков. Раздался сильно заглушённый, но всё же хорошо различимый звук – даже не сирены, а баззера боевой артиллерийской тревоги линкора, – у пассажиров машин, не оснащённых потрясающей звукоизоляцией драконьего болида, наверное, кишки через нос полезли, решил Андрей. Он бросил взгляд на заднее стекло, где мигала рубиновая надпись «Bitte folgen»¹⁷. Водитель «канарейки», явно не ожидавший такого поворота событий, закрыл рот, вытаращил глаза и завертел головой, словно ища, куда бы спрятаться. Увы, – прямой, словно стрела, автобан, по которому, как назло, всё по эту сторону разделительного ограждения двигалось строго в одном направлении, не мог предоставить ему такой возможности.

Автомобили поспешно уступали дорогу их импровизированному кортежу. Остановившись на обочине, Майзель посмотрел на замершую позади «канарейку» и кивнул Андрею:

– Посиди. Я мигом.

И, прежде, чем Корабельщиков успел ответить, оказался снаружи.

Гадая, что же сейчас произойдёт, Андрей впился глазами в панорамный экран с удивительно чёткой, хорошо сфокусированной картинкой, на которой отлично просматривались даже незначительные детали. Ему было и любопытно до чёртиков, и стыдно за это любопытство. Андрей уже догадался: раздачи ирисок на этот раз не произойдёт.

Идущий стремительно, надвигающийся неумолимо, в своём потустороннем мундире, переливающимся в сполохах мигалок всеми оттенками воронёной стали, Майзель был реально, осязаемо страшен, – казалось, в нём не два метра росту, а сто. С развешивающимися в порывах ветра от проносящихся мимо машин полами плаща-пиджака, напоминающими крылья, он был

¹⁷ Следуйте за мной (нем.)

похож... Нет, был – Драконом. Представив себя на месте того, кто сидел в «канарейке», Андрей содрогнулся. Если бы Майзель, разорвав руками крышу «Феррари», достал водителя и откусил ему голову, Корабельщиков совершенно не удивился бы.

Однако, похоже, планы Дракона оказались не столь кровожадными. Он обошёл «Феррари» кругом, заложив руки за спину, и остановился прямо перед ней. Затем, раскрыв телефон, начал что-то говорить. Водитель «канарейки» сидел смирно, наверняка осознав, какие серьёзные неприятности сподобился огрести.

– Данные о нарушителе и видеоматериалы отправлены в КВА¹⁸, – сообщила «Божена».

Интересно, он нарочно ей голос не выключил или забыл, усмехнулся Корабельщиков. А может, это системная функция? Бог ты мой, да он по телефону с ней общается! Ну-ну. Что это за ка-бэ-а такое?

– Блокировка системы управления автомобиля нарушителя завершена, – продолжил отчитываться компьютер. – Произвожу обновление программного обеспечения.

Минута – Андрей следил за отсчётом времени по секундомеру на экране – показалась ему страшно долгой. Как удалось этой «сладкой парочке», Дракону с «Боженой», не вступая в физический контакт с «Феррари», взломать её бортовой компьютер, Корабельщиков себе не представлял.

– Обновление завершено. Двигатель автомобиля нарушителя запущен в холостом режиме. Жду дальнейших указаний.

Видимо, таковые последовали, потому что «Божена» снова ожила:

– Буксировочная система включена. Начинаю процедуру подготовки к транспортировке автомобиля нарушителя.

Андрей увидел две «лыжи», выдвинувшиеся откуда-то сзади и заползающие под «канарейку».

– Фиксация завершена. Начинаю сближение.

Корабельщиков различил еле слышное жужжание сервомоторов и увидел, как «Феррари» подтягивается к заднему бамперу машины Майзеля.

– Сближение завершено. Подготовка к транспортировке завершена.

Чмокнула, приоткрываясь, водительская дверь. Майзель скользнул в салон и подмигнул Корабельщикову:

– Не кони, Дюхон. Сейчас поедem.

– А...

– Божена, – произнёс Майзель. – Достижение предельной скорости с максимальным ускорением. Движение по резервной полосе с предельной скоростью – сто двадцать секунд. Резкое торможение до скорости шестьдесят, плавное торможение, остановка.

– Произвожу расчёт параметров движения, – откликнулась «Божена».

Воображение услужливо подсунило Андрею картинку, достойную какого-нибудь космического боевика: группировки спутников, нацеливающие усы и тарелки антенн в точку на карте, разворачивающиеся к Земле орбитальные телескопы, жужжащие передвигающимися линзы моторами; незримые потоки электронов, проносясь по решёткам силиконовых кристаллов, доставляют процессору сведения о рельефе покрытия, скорости ветра, плотности загрузки шоссе и ещё тысячи тысяч нюансов, которые под силу зарегистрировать и систематизировать лишь вычислительной машине. Не может же всё это происходить со мной на самом деле, решил он. Сейчас я проснусь, и...

– Расчёт завершён. Прошу подтвердить исполнение команды.

– Подтверждаю, – кивнул Майзель.

¹⁸ КВА (Kraftfahrt-Bundesamt) – федеральное агентство, отвечающее за безопасность движения на дорогах ФРГ.

Корабельщиков почувствовал, как углубляется сиденье, втягивая его в себя, и усиливающееся натяжение ремней безопасности.

– Что ты творишь?! – попробовал возмутиться Андрей, но ответа не получил. Ему осталось лишь наблюдать – ничего больше.

Руль сложился куда-то под «торпеду», педали скрылись в полу, приподнялась центральная разделительная консоль, ушёл внутрь пассажирский экран, и захлопнулась приборная панель на водительской стороне. Андрею сделалось окончательно не по себе.

Только теперь он услышал низкое, басовитое гудение мотора, уже не сдерживаемое невероятной звукоизоляцией, и сумасшедшее ускорение вдавило его в спинку пассажирского кресла.

В нижней трети лобового стекла появилось изображение, транслируемое с камер обзора. В углу замелькали цифры, отсчитывающие набор скорости. 220. 260. 310. 360. На цифре «378» рост остановился.

Две минуты показались Андрею вечностью. Управлять машиной, да ещё с прицепом, на обычной дороге при такой скорости человек – даже Дракон – не мог, это делал компьютер. «Канарейке», не обладающей и долей запаса прочности, свойственной чудовищу, к которому она оказалась принаитовлена, пережить эти две минуты было не суждено: сначала превратился в пластмассовое мочало передний спойлер, затем покрылось трещинами лобовое стекло. Подпрыгнув на очередной неровности – невероятная скорость превращала любой дефект дорожного покрытия в опасное препятствие – «Феррари» приземлилась так неудачно, что лопнули три из четырёх покрышек, и колёсные диски, разрушаясь, высклели из асфальта потоки искр.

Кресла и ремни непостижимым для Андрея образом погасили эффект от торможения до скорости в шестьдесят километров в час. Корабельщиков пожалел владельца «канарейки»: если дело ограничится огромным синяком от левой ключицы до печени, без перелома рёбер, можно считать, в рубашке бедняга родился. Подсчитав в уме, сколько километров проехали они «паровозиком» по обочине трассы, Андрей покрылся холодным липким потом: ничем, кроме непостижимого везения, нельзя было объяснить, почему им не встретилось никаких преград. Не могла же «Божена», в самом деле, такое просчитать! Или – могла?!

Когда машина остановилась, все элементы управления уже пребывали на привычных местах. Перед тем, как снова покинуть кресло, Майзель заговорщически подмигнул Андрею:

– Давай, Дюхон, выходи. Надо размяться.

Чувствуя противную дрожь в коленках, Корабельщиков выбрался на свежий воздух и прислонился спиной к двери. Какой же русский не любит быстрой езды, криво усмехнулся он. Я вот, оказывается, не люблю. Повернув голову, Андрей смотрел, как Майзель наклоняется к окну водительской двери «канарейки»:

– Willst du noch einmal mit mir Fangen spielen, du, Arschloch?¹⁹ – Он бросил в проём бумажный платок: – Wisch dich auf, du stinkst zum Himmel!²⁰

Вернувшись, Майзель махнул Андрею рукой, – садись. Корабельщиков подчинился, и через несколько секунд они уже снова мчались в третьей полосе движения с крейсерской скоростью за двести.

– Он выживет?

– Да брось ты, – хмыкнул Майзель. – Это же новёхонькая «Феррари», её хоть и итальянцы собирают, но электронику и системы безопасности им продаём мы.

– А наше – значит отличное, – вздохнул Корабельщиков, теперь понимая, почему взлом борткомпьютера «канарейки» так играючи удался его спутнику.

– Верно, Дюхон.

¹⁹ Будешь ещё в догонялки со мной играть, говнюк? (нем.)

²⁰ Подотрись, воняешь (нем.)

– Извини, Дань. Я понимаю – ты на взводе, такое творится, с Дубровником с этим, но... Это же ни в какие ворота не лезет. Извини.

– Что именно не лезет? – поинтересовался Майзель.

– Человеку свойственно стремиться к богатству и, достигнув его, демонстрировать окружающим своё превосходство. Мне кажется, было бы мудрее уступить дорогу этому дураку.

– Я не могу никому уступать дорогу, Дюхон, – мягко, словно объясняя ребёнку – Волга впадает в Каспийское море, лошади кушают овёс и сено, – произнёс Майзель. – Я обязан не уступать. Я Дракон.

– Ты чересчур вжился в роль, вот что.

– Это не роль, дружище. К сожалению, и уже давно.

– В чём провинился перед тобой этот несчастный? «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать?» В том, что повёл себя «не по понятиям»? Или в том, что у него «Феррари»?

– Во всём сразу. Нельзя, работая в поте лица, накопить на «Феррари». Сколько у тебя «Феррари», Дюхон?

– По-твоему, я должен завидовать? – начал закипать Корабельщиков.

– Да ничуть, – хмыкнул Майзель. – Это богатые бездельники, вырожденцы всякие, завидуют нормальным людям, поэтому и стараются показать, насколько они круче по статусу.

– А ты не заигрался ли в судебную инстанцию высшего порядка?! Ты сам – на чём едешь?! Это, знаешь, – Корабельщиков обвёл руками салон и хлопнул в сердцах по «торпед», – тоже на «копейку» никак не смахивает!

– Это мой инструмент, Дюхон. Мои инструменты не только самые лучшие – они непревзойдённые. Никем. Никогда.

– Может, и для него «Феррари» – инструмент?! Может, он спешил?!

– К умирающему больному? На пожар?

– Ну...

– Баранки гну. Ты видел когда-нибудь врача на «Феррари»? Только какой-нибудь голливудский абортмахер, накачивающий сиськи безмозглых дур силиконом, может себе такое позволить. Но мы договорились – я уступаю дорогу врачу, а не всякому чучелу, напавшему на белый халат.

– Они платят налоги.

– Враньё. Мы заставляем их платить – иначе они не платили бы никогда никому ни гроша, загребая всё под себя.

– Бог ты мой, Дань. Ну, а благотворительность? Разве не богатые занимаются ею?!

– Это всё биология с этологией, Дюхон. Благотворительность для них – лишь обозначение статуса. Мы богатые! Ну, и страх, конечно, – так они надеются прикупить себе местечко в царстве божием. Ничего не выйдет. Бога нет, и царства его тоже нет. И попасть туда, соответственно, не получится. Поэтому – деньги на бочку. Прямо сейчас.

– Ты уверен?

– В чём?

– Что Его нет.

– Уверен.

– А я не уверен.

– Разубеждать тебя я не стану, дружище, – Майзель посмотрел на Корабельщикова, покачал головой. – То, что они называют благотворительностью, на самом деле – преступление. Отвратительная, подлая выдумка негодяев, примазавшихся к отличной идее, извративших её – до полной противоположности тому, что было заложено в неё изначально. Мы их всех перебьём – и покончим, наконец, с их «благотворительностью»! Из-за неё миллионы безграмотных, голодных, молодых и здоровых мужчин убивают друг друга, насилюют и заживо сжигают

детей, отрезают груди сёстрам и матерям таких же, как они, голодных, безграмотных, молодых и здоровых, – голых, с членом, торчащим, как автомат, и автоматом, торчащим, как член.

– Какой же ты всё-таки...

– Недостаточно лишь мечтать о прекрасном времени, когда звёздные корабли Человечества станут бороздить просторы Вселенной. Нужно готовиться самим и готовить к этому всех остальных. И это будет всем – абсолютно всем – немало стоить.

– Тогда – зачем?!

– Затем, что таково наше – человеческое – предназначение. Мы объясняем, толкуем. Мы очень осторожны и терпеливы, на самом деле. Но вот мешать нам – этого мы никому не можем позволить. Таких мы уничтожаем. И будем уничтожать.

– И кого больше?

– Наших становится всё больше, Дюхон. А до прочих мы доберёмся – рано или поздно.

– А кто это – «мы»? Ты? Вацлав?

– И я, и Вацлав. И ты. И даже твой Юлиус. И Ярухито.

– Кто?! Японский император?! А он тут при чём?!

– Он был одним из первых, кто понял, что мы собираемся делать. Одним из первых, поверивших в нас. В меня.

– Почему?!

– Потому, что на Востоке Дракон – символ не только разрушающей, но и могучей созидательной силы, символ мудрости и справедливости. Люди иногда могут не понимать его действий, мотивов, поступков – но он Дракон, и этим всё сказано.

– Ага. Так вот почему в Японии сейчас настоящий культ Дракона.

– Если кто-то думал, будто японский император – это такая туристическая достопримечательность, – Майзель вдруг рассмеялся.

– Расскажи, что смешного ты вспомнил. Может, и я посмеюсь?

– Мы с ним встретились первый раз лет двенадцать... Да, двенадцать лет назад. Он прилетел, едва успев вступить на трон. Помнишь эту жуткую историю с захватом императорского лайнера во время визита в Египет, когда погибла едва ли не вся семья? Они поняли, – если и дальше будут киснуть в болоте пацифизма, их всех вырежут. Всех – до последнего. Вацлаву он подарил меч, сделанный специально для него, а мне – роскошное, совершенно невероятной красоты издание «Протоколов сионских мудрецов» на японском с параллельным переводом на чешский. Он был так трагически серьёзен и так хотел в компанию, что у нас с Вацлавом просто не повернулся язык ему отказать.

– «Протоколы»?! Какая чушь!

– Японцы всегда восторгались этим текстом. Им не раз пытались объяснить – это фальшивка, в том числе и я сам, но Ярухито, кажется, не очень-то в это верит. Анекдот, да и только! Этот парень, кстати, вообще двинутый на истории. Ты слышал, наверное, – японцев некоторые исследователи считают одним из потерянных израильских колен?

– Слышал, конечно.

– Ну, вот. А связать атаку с этим фактом и выстроить в нужном направлении идеологическую работу было, поверь, не так уж и сложно. А меч он мне тоже потом подарил. Хороший клинок, замечательный, – Майзель посмотрел на Корабельщикова и прищёлкнул языком от досады. – Вот ведь я болван. Ты наверняка устал, как не знаю кто.

– Зверски. Но если усну и что-нибудь прозеваю, потом никогда себе не прощу.

– Ладно. Божена, приготовься к приёму гостя.

– Сердечно рада приветствовать вас, Андрей Андреевич, – у Корабельщикова возникла полная иллюзия того, что к нему обращается живой человек, а не компьютер. – Положите, пожалуйста, руку на экран пассажирского терминала.

Угол наклона экрана изменился. Андрей покосился на Майзеля, и тот кивнул. Корабельщиков, скептически хмыкнув, выполнил просьбу машины. Экран вернулся в прежнее положение:

– Благодарю вас. А теперь произнесите, пожалуйста, фразу, которую я сейчас выведу на экран.

– Съешь ещё этих мягких французских булок, да выпей же чаю, – послушно прочёл Корабельщиков, едва сдерживая рвущийся наружу смех.

– Спасибо, – поблагодарила его «Божена». – А теперь, если нетрудно, назовите цифры от нуля до десяти. Прекрасно. Система готова к приёму и обслуживанию гостя.

– Что это за прикол с булками?

– Это не прикол, а панграмма. С русским получается – она содержит не только буквы алфавита, но и практически все звуки языка. По этой фразе система создаёт уникальный звуковой отпечаток твоего голоса, после чего может различить, бурчишь ты себе под нос или разговариваешь с кем-то, и не интерпретирует каждое твоё слово как команду. Очень удобно.

– Потрясающе. А отпечаток ладони?

– Не столько отпечаток, сколько набор биометрических параметров. Сто шестьдесят три, если быть точным. Получившийся паспорт предоставит тебе доступ к услугам и функциям различных систем обеспечения, например, в гостинице. Пока это обязательно только для моих сотрудников и государственных служащих, но я не помню, чтобы кто-то отказался – думаю, процентов девяносто граждан Коронного Союза уже имеют такие паспорта.

– А со стороны священнослужителей нет возражений?

– Да-да, я понимаю, о чём ты. Нет, такого идиотизма мы не допускали и не допустим.

– Всё равно, по-моему, тут заложен огромный потенциал для манипуляций.

– Никакие манипуляции невозможны, дружище. Если система определит, что запрос исходит от человека с сильным «запахом страха», ему будет отказано в доступе и вызвана охрана или полиция, по ситуации. Так что брать заложников, резать пальцы, вытаскивать глаза и проделывать прочие голливудские глупости не стоит – напрасный труд.

– Просто супер. Наше – значит отличное, я запомнил.

– Внимание, – услышал Андрей голос компьютера. – Расчётное время достижения границы Коронного Союза с Германией – около пяти минут. Режим пересечения границы – оптимальный.

– Ну, вот, – удовлетворённо кивнул Майзель, – скоро будем дома.

Андрей полез в карман за паспортом, но Майзель махнул рукой:

– Оставь.

– Как?! – изумился Корабельщиков. – Это же граница!

Майзель повернул к нему своё драконье лицо.

– Но как же, – забормотал Андрей. – Есть же какие-то правила, инструкции, даже дипломаты предъявляют свои паспорта...

Он вдруг осёкся и умолк. Майзель продолжал смотреть на него, улыбаясь. Нет, не Данька, подумал Андрей. И даже не Майзель. Дракон.

* * *

То, что началось сразу за «нейтралкой», в очередной раз привело Корабельщикова в изумление.

Сначала автомобиль нырнул в неглубокий, но широкий, ярко освещённый туннель, где вместо пограничников их ждала мойка – без щёток, только струйки не то пара, не то какого-то газа забегали, заплясали по машине. Проскочить мойку с налёта не смог бы даже танк – бетонные направляющие в полтора метра высотой и массивное стальное ограждение, похожее

на бульдозерный нож и раскрашенное жёлтыми и чёрными полосами, не позволило бы. Когда мойка закончилась, «нож» исчез в полу, освободив путь.

Тоннель расширился. Андрей увидел застеклённые участки стены по обе стороны проезда, за которыми находились пограничники. Заграждение убралось с дороги ещё до того, как они приблизились к нему – конечно же, их ждали.

Больше всего Корабельщикова поразили лица пограничников за толстенным, ещё секунду назад зеркально-непробиваемым, а теперь – прозрачным, стеклом. Буквально каждый из них, оторвавшись от того, чем был занят в настоящий момент, помахал им рукой и улыбнулся! Естественность, произвольность жестов и улыбок потрясла Андрея.

– Бог ты мой, – пробормотал он. – Это что, мир Полудня?!

– Это Корона, Дюхон. Но ты не ошибся – мы постарались сделать похоже.

Трассу заливал почти такой же яркий свет, как в тоннеле. Освещённые автострасы Корабельщиков видел и в Бельгии, но здесь и температура, и яркость фонарей казались гораздо естественнее. Андрей завертел головой, стараясь ухватить как можно больше деталей окружающего ландшафта.

– Это что? – он показал на линии, натянутые на ажурных опорах и уходящие за горизонт в нескольких направлениях сразу. – ЛЭП? Нет, пожалуй, не очень по...

И в ту же секунду Андрей увидел, как промчались по этим проводам навстречу друг другу обтекаемые – вагоны, контейнеры? – пара, другая, третья.

– А?! – Корабельщиков проводил их полёт оторопелым взглядом, зажмурился, потряс головой – и снова вытаращил глаза. – Что это такое?!

– Струнный транспорт.

– Обалдеть, – выдохнул Андрей. – Невероятно. Так вы его построили?! Я даже не слышал об этом!

– Ну, вы же не хотите, – пожал плечами Майзель. – Пришлось притащить сюда Юницкого с его технологией. Под честное, кстати, слово, – мы, когда будет возможность, поможем строить такое в России, опираясь на имеющийся опыт, дадим и строителей, и инженеров. И я его непременно сдержу. Подсчитав, сколько земли, труда и ресурсов пожирает одна автострада со своей инфраструктурой по сравнению с ниткой чугунок или, тем паче, «струны», мы ужаснулись. И решили: нет, нам это не подходит. А струна – знаешь, сколько всего потянула она за собой? Новая металлургия, субподряды для предприятий, мелких и средних. А скорость?! Отличная вещь – быстро, гораздо быстрее, чем чугунок, чем грузовой автотранспорт, дешевле, экономичнее в разы. А уж об автомобильных грузоперевозках и речи нет! В городах почти весь общественный транспорт по струнам бежит – кроме такси, пожалуй. Чистота, красота, никакого шума – мы с Вацлавом безумно довольны. Конечно, были моменты всякие при внедрении, но всё утряслось – теперь мы по всей Короне линии протянули и ещё протянем. И скорость транзитного оборота почти в три раза выше – это, Дюхон, поверь, дорого стоит. Да и военное значение сбрасывать со счетов нельзя: разрушить его сложнее, чем даже чугунок, а восстанавливать – намного легче. Построить автострасы, чтобы субсидировать немецкие автомобильные концерны? Нет, шалишь! А так – всё наше, родное. Недостатков у него практически нет, можно сказать.

– А почему дорога такая пустая?

– А с чего ей быть набитой? – удивился, в свою очередь, Майзель. – У нас плотность автомобилей гораздо меньше, чем в Германии или Нидерландах, – немало народу предпочитает общественный транспорт, особенно те, кто работает от звонка до звонка. А на выходные или в отпуск можно взять автомобиль напрокат – тоже намного дешевле, чем содержать собственный автомобиль постоянно.

– И как удаётся уговорить людей не пользоваться автомобилями? – иронически поморщился Корабельщиков. – Может, поделишься?

– Охотно. Вместо слов – дела, дружище. Это и есть наш главный метод. Безотказно работает, проверено. Налоговые льготы и бесплатные проездные тем, кто добровольно отказывается от покупки автомобиля, розыгрыши призов, поездки на тёплые острова, и одновременно с этим – развитие инфраструктуры, доступности общественного транспорта в любом месте.

– Но это сколько же нужно электричества!

– Электричеством мы занялись в первую очередь. Энергия – кровь цивилизации, основа суммы технологий, без энергии будем ходить бедные и дурные. Ты совершенно прав.

Корабельщиков рассмеялся, – парафраз «бацькиного» высказывания об учителях намекал на отличную осведомлённость Майзеля о скорбных делах в «республике».

– Похоже, упор на атомную энергетику, несмотря на то, что рассорил вас с Евросоюзом, себя оправдал.

– А мы как-то своим умом живём и не жалуемся, – Майзель чуть повернул баранку. – Нам не по пути с политиками, оседлавшими трубу и полагающими, будто ухватили бога за бороду. Вместо того, чтобы вкладываться в новые технологии, они тянут углеводороды из земли, а сверхприбыли тратят на разработку эликсира бессмертия, стометровые яхты и девок. Но мы положим этому конец. Не сомневайся.

– Дань, ты о чём?! – уставился на него Корабельщиков.

– Ты многого не знаешь, Андрей. Поэтому тебе удаётся спать по ночам, – вздохнул Майзель. – Я не хочу сейчас об этом сильно распространяться. Разумеется, наша энергетическая программа встала у них, как кость в глотке.

– А уран вы где берёте? В Африке?

– Африка – это уже потом получилось. Уран у нас самих есть. Как выяснилось, его не просто много, а очень много. Проблема была в его глубоком залегании, из-за которого в своё время остановили добычу. А мы получили новые, совершенно революционные технологии его извлечения, подобрав тех русских геологов, геофизиков, инженеров и технологов-атомщиков, которым в развалившемся эсэсэсэре нечем было заняться – так, что у них дети забыли вкус мяса и фруктов. Мы забрали их к себе, и через три года у нас был уран и компактные, безопасные реакторы. А на выходе, как ты знаешь, получается плутоний.

– О, теперь я понимаю...

– Ещё нет, – перебил его Майзель. – Знаешь, сколько мы приняли людей из Советского Союза после горбачёвского драпа?

– Горбачёв вам с Вацлавом, между прочим, место освободил, – ворчливо отозвался Андрей.

– Могу выдать ему орден сутулого с закруткой на спине, по твоему ходатайству, – ухмыльнулся Майзель. – Речь не о Горби, а о людях, которых бросили на произвол судьбы. Четыреста тысяч специалистов, Дюхон. Больше миллиона народу. Представляешь?

– Нет, – честно сознался Корабельщиков. – За какой срок?!

– За три года. А потом собрали тех, кто уехал с Америку, в Европу, в Израиль. Выгребли всех, кто представлял для нас хоть какую-то ценность. И заметь – не таксистами их трудоустроили, не охранниками в магазинах. Дали работу по специальности и обеспечили себе технологический рывок – такой, что нас теперь никто не догонит, если мы сами не позволим. Понимаешь теперь, как нас ненавидят еврососиски и штатники?

– Догадываюсь.

– Думаю, только в общих чертах. Ты видел, как оборудована граница – это не паранойя. Они к нам под видом экологических активистов засылали настоящих диверсантов, с их новейшими «ненасильственными» методами. А когда мы приняли меры самозащиты – подняли страшный вой: караул, убивают, тоталитаризм! Демократическое, с позволения сказать, правительство, обычно склонное похапать и попрыгать похапанное за границей, рухнуло бы в одночасье. Но мы с Вацлавом – удержались.

– Как? У Вацлава нет счетов за границей? У тебя их нет? Как вы могли удержаться?!

– У Вацлава ничего нет. И у меня тоже ничего нет. Мы пользуемся всем, что нам нужно для выполнения наших задач – даже целой страной или несколькими, но нам лично – ничего не принадлежит. Таков закон. И сейчас ты увидишь результат.

Впереди вставало зарево, похожее на северное сияние.

– Это Прага?

– Прага, Дюхон.

* * *

Город казался бескрайним. В нём царствовала симфония света. Именно симфония, а не стихийная совокупность городских огней: у Андрея возникло непреодолимое ощущение – над этой симфонией трудились художники и инженеры, объединённые чётким замыслом создания архитектурно-светового ансамбля, долженствовавшего символизировать мощь, богатство, величие и хлещущую через край энергию яркой, свободной, радостной жизни. Корабельщиков не замедлил поделиться чувствами со спутником.

– Умничка, – обрадовался Майзель. – Молодец. Всё ты правильно уловил. Так и есть.

– И в Будапеште так же? В Бухаресте? В Белграде?

– Пока ещё нет. Но будет, – пообещал Майзель, и Андрею почему-то очень захотелось в это поверить.

– Но это же просто чёртова уйма денег!

– И что? – удивился Майзель. – А зачем деньги-то нужны, как не для этого?! Деньги, Дюхон, такая штука – они никогда не даются кому-то. Если у кого-то появляются деньги – их нужно срочно отдавать. Чем больше, тем лучше. Деньги приходят в мир для всех людей, но – через немногих. И вот когда эти немногие по какой-нибудь причине перестают понимать, что якобы «их» деньги вовсе не им предназначены, человечеству начинает грозить опасность. Мы объясняем им, как на самом деле всё обстоит и работает. Один раз – вежливо объясняем. Не понять – невозможно. Можно сделать вид, что не понял. Тогда мы приходим и забираем. Всё.

– Вот так вот, приходите – и забираете?

– Ну да, – пожал плечами Майзель. – Денег, взятых у колумбийских дуремаров, как раз хватило, чтобы раскрутиться. Потом началась атака сразу по нескольким направлениям. Здесь мы начали работать с молодёжью, готовя отряды настоящих бойцов, способных за нас, за нашу идею идти в огонь и в воду.

– Какую идею?!

– погоди, – поморщился Майзель. – Успеем ещё об идее поговорить. Через три года был готов первый эшелон. Одновременно мы взяли на ствол сразу несколько десятков оффшорных банков. Очень красивая операция: оффшорное законодательство позволяло – тогда – менять учредителей, акционеров буквально за минуты, вся отчётность умещалась на одной стороне бумажного листка. Они же не знали, что мы собираемся этим воспользоваться, для себя всё готовили, – он довольно оскалился. – Мы сорвали хороший куш, и одновременно правительственные структуры Европы и Штатов начали атаку на оффшоры. Они даже не подозревали, что действуют в наших интересах. Весь их антиоффшорный пафос я очень тщательно профинансировал.

– Зачем?

– Затем. Оффшор должен был остаться один.

– В Короне.

– В Праге. Видишь ли, Дюхон, – оффшор на Багамах или на Гернси хорош, пока существует консенсус, гарантирующий его работу. Молчаливый сговор магнатов и правительств. Как только такое сердечное согласие даёт трещину, неважно, по каким причинам – всё, пишете

письма мелким почерком. Ни Багамы, ни Гернси, ни прочие гваделупы с доминиками не обладают необходимым суверенитетом, чтобы обеспечить неприкосновенность размещённых там капиталов. А мы – обладаем. И мы это настойчиво демонстрировали. Вот они к нам и повалили.

– И что? Это обеспечило достаточно средств для твоих... Извини – ваших с Вацлавом – проектов?

– Конечно же, нет. Средства появились потом – когда они все тут расселись, а мы их кинули, как лохов на Привозе.

– Дань...

– Ах, как это было здорово, – прищёлкнул языком от удовольствия Майзель. – Контроль над их оффшорными счетами они нам сами принесли, на блюдечке с голубой каёмочкой.

– Как?!

– По закону об оффшорных компаниях им полагается местный директор и секретарь. Со смешной зарплатой – одна крона в месяц. Но это в какой-нибудь Андорре такой номинальный руководитель, числясь директором в сотнях предприятий и получая мелкую мзду, продолжает крутить хвосты своим коровам. А наши якобы номинальные директора и секретари – это были наши славные мальчики и девочки, наши соколята, Дюхон. И номинальные хозяева вдруг сделались реальными. А необходимые явки и пароли мы получили традиционным способом – при помощи доброго слова и пистолета.

– То есть по-бандитски.

– Да.

– И что – они вот так всё взяли и вам отдали?!

– Увы, – горько вздохнул Майзель. – Разумеется, одним махом всё забрать не получилось – мы ещё были не так сильны, а они достаточно быстро опомнились. Но двадцать – двадцать пять процентов, – это, Дюхон, реально сумасшедшие деньги.

– Дань. Погоди. То, что ты рассказываешь – невозможно.

– Ясное дело, невозможно, – согласился Майзель. – Невозможно – если уважать законы, написанные мерзавцами для того, чтобы безнаказанно обдирать, как липку, весь мир. Но мы, видишь ли, сами отпетые негодяи. Благообразные сволочи и холёные подонки из мегакорпораций даже не представляли себе, какими наглыми, беспардонными, кровавыми бандитами мы окажемся. Поэтому они не смогли – никак не смогли – воспользоваться теми инструментами, которыми привыкли пользоваться в налаженной ими для самих себя системе: так называемые демократические институты и так называемая свободная пресса. Мы положили на это с прибором так, как не осмеливались класть даже большевики, – но, впрочем, тогда были другие времена, и в те времена нас, вероятно, попытались бы задавить военной силой. Но у нас уже был оружейный плутоний, Дюхон, и носители для него. И мы дали им понять: мы не перед чем не остановимся. Нам терять нечего – у нас всё равно ничего нет. К счастью, система, которую выстроили эти господа, по целому ряду причин оказалась куда менее поворотливой, чем требовалось, а другой у них, снова к счастью, не было. Нет и сейчас – потому что мы не даём им её построить. Они по-прежнему нас боятся – и, святые головастики, мне так это нравится, что хочется петь и кричать от счастья.

– Знаешь, у меня даже слов нет, – пробормотал Андрей, во все глаза рассматривая разворачивающееся перед ним великолепие урбанистического пейзажа. – Но ведь они не могли просто так это оставить, просто проглотить и утереться. Они же должны не просто ненавидеть тебя. Они должны охотиться за тобой ежечасно, ежесекундно, – за тобой, за Вацлавом, за всеми вами. Неужели у них не получилось?

– У кого «у них», Дюхон? – поморщился Майзель. – Нет никаких «их». Не существует никакой «мировой элиты». Это басня, которой они кормят дурачков и легковых, цену себе набивают. Они и между собой-то не в состоянии договориться. Не с кого даже спросить за бедлам. Сами плывут по течению, будто навоз в половодье. Способны лишь на мелкие пакости,

на подлость из-за угла. Поэтому, когда мы встали на обе ноги и с размаху засветили им в глаз, они и полетели с копыт.

– И всё на этом?

– Нет. Из двадцати шести наших, помимо меня и Вацлава – тех, с кем мы начинали заваривать эту кашу – только мы с Вацлавом и остались, – глухо ответил Майзель. – Конечно, они закопошились, начали искать варианты, пробовать нас на прочность, на зуб. И продолжают. Строят куры и козни, то там, то тут пытаются подложить свинью. И всё, тайком, исподтишка – они же трусы, Дюхон, жалкие, ничтожные людишки. Шуршат купюрами, нанимают всякую падаль: нацистов, исламских фанатиков, сектантов – только это и могут, шелудивые псы. Ты думаешь, вся эта сумасшедшая телеметрия, эти приборы, работающие в тау-диапазоне, – это всё так себе, для удовольствия?

– Думаю, нет, – покачал головой Корабельщиков. – Но как тебе удаётся? А ты ещё и мотаешься на машине у них под носом – один, совершенно один, без охраны! Ты натуральный псих!

– Тут такая петрушенция, Дюхон. Западная Европа к нам относится, как тот еврей из анекдота – к советской власти: боится, тоскует, хочет других, но уже привыкла с нами считаться. К тому же без нас – без транзита – не обойтись. Как видишь, я не псих, а всего лишь здраво оцениваю пределы «их» возможностей.

– А свои? Свои пределы ты представляешь?!

– У меня нет пределов, – осклабился Майзель. – Я Дракон.

– Это сказка!

– Ошибаешься, дружище. И у тебя будет шанс в этом убедиться. Я не боюсь. Мы не боимся. Нас свалить невозможно, – мы не почиваем на лаврах, а шагаем вперёд. Поэтому ничего у этих «них» не выйдет. В детали я тебя посвящать не стану – уж не сердись, ты даже не сможешь оценить масштабов игры, тебе для этого не хватит исходных данных, по крайней мере, в настоящий момент. Может быть, как-нибудь в другой раз. А пока мы поедем прямо ко мне в замок. Переночуешь, а утром ещё поговорим.

– В замок?!

– Я Дракон или где?! – щёлкнул зубами Майзель. – Конечно, у меня есть замок. Мой собственный замок в моём собственном городе. На площади имени меня. А ты как думал? Отсюда уже видно. Смотри.

Зрелище, представшее глазам Корабельщикова, действительно поражало воображение. На холме, в центре сходящихся линий улиц с аккуратными новыми домами, утопающими в зелени, возвышалась чёрная громадина, подсвеченная прожекторами снизу и с трёх городских коммуникационных башен. Казалось, она высечена из цельной базальтовой глыбы, отполирована до зеркального блеска и воздвигнута здесь неведомой силой. Очертаниями она напоминала какой-то гигантский, и потому оставшийся невоплощённым, советский проект тридцатых, вроде Дворца Советов. Весь архитектурный ансамбль служил третьим контрапунктом исторического пражского пейзажа – вместе с ажурным, полным света и воздуха Пражским Градом и торжественным Вышеградом он образовывал законченное, ошеломляющее в своём великолепии произведение градостроительного искусства. Столица великой державы, город Короля и Дракона – сказочно древний и восхитительно современный. У Андрея защипало в глазах:

– Бог ты мой, Дань! Невероятно! Ты что, – там живёшь?!

– Ну, надо же и мне где-то жить, – хмыкнул Майзель.

– Один?!

– По большей части – да. Нет, здание используется на всю катушку – там размещается Служба и технический центр управления нашим, надо признаться, отнюдь не скромным хозяй-

ством. Двести шестьдесят восемь тысяч компаний и фирм по всему свету – согласись, это довольно внушительная обуза.

– И как называется это хозяйство?

– Когда-то, ещё в прошлой жизни, я хотел назвать его «Golem Interworld». Но потом мне расхотелось. И теперь это никак не называется. Хозяйство Дракона, и всё.

– Я бы на твоём месте построил это подальше от города, – задумчиво произнёс Андрей. – Если сюда засветят ракетой – неважно, попадут в тебя или нет – будет не очень весело.

– Пробить наш космический щит? Проползти ужом через нашу границу? Нереально, – усмехнулся Майзель. – И потом, прятаться в ущельях – не наш метод. Это они – «тайное мировое правительство». Потому и тайное, что слабое и трусливое. А мы даём в морду, как Святослав: иду на вы!

– Безумие какое-то, – помотал головой Корабельщиков.

– Опять прав, – кивнул Майзель. – Приехали.

Автомобиль снова нырнул в ярко освещённый тоннель. Когда именно они оказались непосредственно под зданием, Андрею определить не удалось. Въехав по пандусу в огромный лифт, Майзель остановил машину, и гондола – кабиной назвать это сооружение язык не поворачивался – взлетела вверх с такой скоростью, что Андрей ясно ощутил давление перегрузки.

Покинув гондолу, они миновали коридор и оказались на площадке перед двумя лифтами. Корабельщиков убедился, что правильно определил строительный материал – это оказался настоящий базальт, полировка лишь подчёркивала структуру камня. Какие-либо драпировки напрочь отсутствовали – помещения выглядели бы мрачными, если бы не светильники, расширявшие свет удивительно мягкого, тёплого спектра.

– Ну, тебе налево, мне направо, – скомандовал Майзель, кладя руку на призывно светящийся экран со схематическим изображением ладони. – Сейчас располагайся, отдыхай, а завтра утром поговорим.

– И даже на чашку кофе не заглянешь? – улыбнулся Андрей.

– Нет, – отрицательно помотал головой Майзель. – Тебе действительно следует отдохнуть, Дюхон. А на кофе я к тебе завтра загляну. То есть уже почти сегодня.

Двери лифта сомкнулись за ним, и Андрей остался один. Вздыхнув, он с некоторой опаской положил руку на сканер.

Внутри «персонального» лифта имелся такой же точно сканер и красная круглая клавиша тревоги – больше ничего. Скептически хмыкнув, Корабельщиков повторил жест, к которому уже начал привыкать. Кабина ухнула куда-то – как ему показалось, вниз и немного вбок – и двери распахнулись прямо в приготовленные для него апартаменты.

– Добрый вечер, Андрей Андреевич, – едва переступив порог, услышал Корабельщиков знакомый голос. – Приветствую вас в Праге. Меня зовут Божена. Если вам что-нибудь понадобится, можете обратиться ко мне по имени и сообщить, что я могу для вас сделать. Приятного отдыха!

Чёрт тебя возьми, подумал Андрей, впрочем, без всякой досады. Апартаменты тянули на пять полновесных звёзд – гостиная, обставленная удобной мебелью, огромный плоский телевизор, спальня, ванна, в которой можно было вольготно расположиться втроём, туалет, кухонная ниша с холодильником и прочими атрибутами. Постельное бельё оказалось шёлковым, а махровый халат и полотенца – удивительно приятными на ощупь.

Приняв душ, Андрей вышел в гостиную и несколько растерянно осмотрелся: телефона, по крайней мере, привычного аппарата, он не увидел. Несколько секунд постояв в нерешительности, он громко спросил:

– Могу я позвонить домой?

– Конечно, Андрей Андреевич, – мгновенно отозвалась машина. – Произнесите, пожалуйста, номер по цифрам, связь будет установлена.

Фантастика какая-то, почесал в затылке Корабельщиков. Он продиктовал номер и сразу же услышал гудок вызова. Кажется, Татьяна сняла трубку, не дождавшись его завершения:

– Привет, Андрюша. Всё в порядке?

– Да, всё нормально, – поспешил заверить её Андрей, вертя головой в поисках динамиков и микрофонов и не находя ничего похожего. – А вы как?

– Нормально. У тебя точно всё в порядке? – подозрительно спросила Татьяна. – Голос какой-то... Объёмный. Ты откуда звонишь?

– Из гостиницы, – почти не слукавил Корабельщиков. – Всё по плану, ты не волнуйся. Сонька спит?

– Еле утолкала, – вздохнула Татьяна. – Ты же её знаешь: а где папа, а когда он приедет, а к кому, а куда, а зачем.

– Ладно, ладно, – улыбнулся Андрей. – Не впервой. В понедельник утром вернусь, не скучайте.

– Нам некогда, – отрезала Татьяна. – Спокойной ночи, Андрюшенька.

Его всегда поражала способность Татьяны чувствовать его настроение и прекращать разговор, избегая ненужной болтовни, именно в тот момент, когда Андрею этого очень хотелось. Даже уезжая на несколько дней, Андрей всегда отчаянно скучал по своим девочкам – ещё и поэтому он всегда с облегчением возвращался.

Прага, замок Дракона. Март

Утром, выйдя из ванной, Андре обнаружил экран в гостиной включённым, а на нём – физиономию Майзеля:

– Привет, Дюхон. Как спалось?

– Отлично. Ты мне точно ничего не подсыпал?

– Нет, – рассмеялся Майзель, – я просто тебя ухайдокал вчера, как цулика. Так ты меня пригласишь на чашку кофе, или так и будем через телек беседовать?

– Конечно, приходи, – засуетился Корабельщиков. – Я...

Продолжить он не успел – Майзель уже материализовался в гостиной:

– Божена! Континентальный завтрак на две персоны!

Корабельщиков усмехнулся:

– Все твои паровые машины зовутся Боженами? Или это одна система?

– Это искусственный интеллект на базе распределённой сети. Централизованная система – зло, Дюхон. В случае чего сеть гораздо живучее. А что, тебе имя не нравится?

– Нет, отчего же, – Андрей испытующе взглянул на Майзеля. – Нравится. И голос нравится. Очень. Она тоже – снегурочка?

– Кто?!

– Божена. У тебя с ней роман?

– Нет, – на лицо Майзеля как будто облачко набежало, но тут же исчезло. – Врать не стану – мы были близки. На самом деле, из всех живущих сегодня на этом шарике женщин, у неё – самый потрясающий голос. И я очень люблю его слышать вокруг себя.

– Только в голос можно влюбиться без памяти.

– Вот поэтому она замужем, а я – слушаю её голос.

– И ты вот так вот взял – и отошёл в сторону?

– Да.

– Почему?!

– Я Дракон, а не пакостник, – с мягким укором пояснил Майзель. – Люди, которые мне дороги, обязаны быть счастливыми. У них нет выбора в этом смысле.

– А с тобой – что могло помешать ей стать счастливой? Чего ты не смог бы ей дать? – недоумённо спросил Андрей.

– Себя. А ей больше ничего не нужно. Все женщины одинаковы, Дюхон.

– А мужчины?

– Ну, – и мужчины, пожалуй, тоже.

– Человек не может быть один, Дань.

– В наши трудные времена человеку нужна жена, нерушимый уютный дом, чтоб от грязи укрыться в нем, прочный труд и зелёный сад, и детей доверчивый взгляд, – да-да, Дюхон, всё именно так. Если ты помнишь, Коржавина именно я тебе доставал. Но речь-то – о человеке, дружище. А я – Дракон. Дракон должен – и может – быть только один. Иначе – какой же это Дракон?

– Ты невыносим, – Корабельщиков сердито отложил вилку. – Какой ещё дракон?! Это же роль в спектакле! А жить ты когда собираешься?!

– А вот тут ты сильно, серьёзно не прав, – Майзель погрозил ему пальцем. – Я очень интересно живу. Короля по плечу похлопываю, да не одного, а целую роту. И вообще – что хочу, то и делаю. Это чертовски важно, дружище – иметь возможность делать именно то, что хочешь.

– Согласен. И я делаю, что хочу.

– Точно?

– Ты это о чём? – подозрительно уставился на Майзеля Корабельщиков.

– Да так, обо всём, в целом, – Майзель произвёл обнимающий жест. – Ты ешь, ешь, подкрепляйся.

– А ты договаривай, раз начал.

– Я договорю, когда увижу, что ты готов, – возразил Майзель. – Пока ещё нет. И не спорь лучше. Голову откушу. Что спросить-то хотел?

– У тебя в самом деле никого нет?

– Эк тебя разбирает, – поморщился Майзель. – Есть, нет – это неважно, пойми. Столько дел – а ты антимонии разводишь.

– Так есть или нет?

– Ты что, женить меня собрался?!

– Я не хочу иметь дело с психом, Дань. Я к этому очень серьёзно отношусь, ты уж поверь. У тебя как будто раскалённый стержень внутри, ни минуты покоя тебе не даёт. И знаешь – это заметно. Может, те, кто давно рядом с тобой, и привыкли, а я – нет. И не желаю привыкать.

– Всё-таки я в тебе не ошибся, – явно довольный, Майзель откинулся на спинку стула, – и как-то поутих, по крайней мере, Андрею так показалось. – Ты мне один давнишний разговор напомнил, с мельничным ребе.

– Зачем ты его сюда приволок? Ты же во всё это не веришь.

– Я?! – изумился Майзель. – Опамятуйся, пан Онджей. Да я с Вацлавом чуть вусмерть не поцапался, когда он решил завести себе настоящих ручных хасидов.

– Так это не твоя идея?! – ответно удивился Корабельщиков. – А Вацлаву они зачем понадобились?

– А вот когда он мне объяснил, зачем, я и махнул рукой. Вацлав – стратег, у него ходы на сто лет рассчитаны.

– Попутчики мои в самолёте, москвичи, обсуждали – якобы Вацлав дворец себе в Иерусалиме строит. Это правда?

– Правда, – утвердительно кивнул Майзель. – Только это, понимаешь ли, не совсем дворец. Это крепость – современная, конечно – из которой он будет контролировать Восточный Иерусалим. И Святые места, или как там это у боговеров называется.

Андрей поскользнулся ножом в тарелке:

– Ни фиги себе. Как?! А израильтяне?!

– А это уже тебе уладил. Как – не спрашивай. Я к этому проекту не прикасался, даже технически. Тебе такое условие поставил – чтобы духу этого апикойреса²¹, то есть меня, там не было.

– А Вацлав?!

– Вацлав – не еврей, и он – король, Дюхон. К нему подход совершенно другой. Тебе, понимаешь ли, вроде тебя, упрямец – не верит, будто я Дракон. Думает, я еврей. А что должен делать еврей, согласно единственно верному учению? Он должен бубнить Тору с утра до вечера, а с вечера до утра – делать тебе новых евреев. А я чем занят? Ерундой какой-то. Тебе – очень славный старик, но некоторых вещей понять ну никак не желает. Упрямый, как осёл.

– Дань, – укоризненно посмотрел на Майзеля Андрей. – Это же Мельницкий тебе!

– И что? – отпарировал Майзель. – Никто не может повышать голос и стучать палкой – на Дракона. Вот Рикардо это прекрасно понимает.

– Рикардо?

– Тебе он знаком как Урбан Девятый.

– Он вообще очень вежливый человек, – вспомнив аудиенцию у понтифика, Андрей улыбнулся. – Потрясающий человек.

Да, вздохнул Корабельщиков. Полтора года назад, на саммите в Риме, он удостоился – вместе с Брудермайером и Герстайном – аудиенции у заместителя Святого Петра. Молниеносный взлёт ещё буквально вчера неизвестного веронского аббата Бонелли сначала в кардиналы Ломбардии, а затем – в понтифики под именем Урбана IX, оказался зубодробительным сюрпризом для многих. Оказывается, и тут без Дракона не обошлось!

– А тебе – хам обыкновенный, – проворчал Майзель. – Пусть орёт и стучит палкой на своих хосидов, им это, похоже, нравится.

– Да ладно тебе, – примирительно поднял руку Корабельщиков. – Не сошлись вы характерами. Бывает.

– Одно радует – с Вацлавом у них отношения совершенно безоблачные.

– Хотел бы я хоть одним глазком взглянуть на его посох, – мечтательно поднял глаза к потолку Андрей. – По легенде, внутри – части посоха Моисея.

– Да перестань, – скривился Майзель. – Какой там ещё Моисей?! Боговерские бредни. Моисей, Аарон, палки из змей, змеи из палок... Чепуха на постном масле.

– Но в это верят миллионы людей. И не только евреев, кстати.

– И это делает авторитет тебе материальной силой. Знаю, знаю, – махнул рукой Майзель. – Вацлав мне всё это чуть ли не теми же словами объяснял. В конце концов, ни тебе, ни его воинство мне нисколько не мешают. Пусть растят своих коров и снабжают кошерным мясом евреев от Шпицбергена до Кейптауна и обратно – нашему проекту это только в плюс. Теперь нас даже в антисемиты записать не получится.

– А что – были попытки? – удивился Корабельщиков.

– Нет такого приёма, какой не попытались бы использовать против нас проклятые империалисты Европы и Северо-Американских Соединённых Штатов, – Майзель хмыкнул и щёлкнул зубами. – Могу сообщить тебе наилучший, абсолютно гарантированный способ получить ярлык антисемита и повесить на себя всех соответствующих собак под аккомпанемент возмущённых воплей так называемой «свободной» прессы и шелест ордеров Интерпола. Достаточно потрогать за жабры Ротшильдов, которые перестали быть евреями лет сто пятьдесят тому назад.

²¹ Апикойрес (искаж. идиш от *эпикуреец*) – еврей, отрицающий ценность еврейской религиозной традиции, сознательно нарушающий её предписания.

– Ты называешь это «потрогал за жабры»?! – уставился на Майзеля Андрей. – Так это правда, ты действительно... – Он осёкся. – Чего скалишься?

– Так, личико его вспомнил, – охотно поделился Майзель. – Правильное такое. Да. Он думал – он бессмертен: со своим баблом, наёмной охраной, никому неведомый, паук такой, – сидит, за ниточки дёргает. А вот тебе.

– А ты?

– Что – я? Где я нахожусь, всем известно. И чем занимаюсь – тоже. А что рожей своей по гляncy не сверкаю – так я не Ди Каприо.

– И бессмертия тебе не хочется?

– Бессмертие, Дюхон, только одно бывает, – в душах, в сердцах людей, – серьёзно посмотрел на Андрея Майзель. – Вон, как Христос. Никто не знает, был ли он на самом деле, – даже кости свидетелей истлели давно. Никто не знает, как он выглядел, – каждый в нём себя видит, свои поступки с его правдой сверяет. И верующие, и неверующие. И всякие прочие разные. Вот это я понимаю – бессмертие.

– Хочешь уподобиться?!

– Да я, в общем, уже, – расплылся в улыбке Майзель. – Но на самом деле посмотрим – лет эдак через тысячу всё прояснится.

– Однако, – крутанул головой Андрей.

– Давай не будем пока в это вникать, – улыбка Майзеля не располагала к продолжению темы, и Корабельщиков счёл за лучшее повременить с воспитательной тирадой. – В общем, представь себе, – нашлись среди евреев жида, которые эту песню подхватили. Я собрался реагировать, а Вацлав говорит: нет, Дракон, мы будем действовать по плану, а не махать руками, отгоняя мух.

– Намекаешь, будто Вацлав самостоятельно принимает решения?

– Разумеется, иначе он не был бы Вацлавом. Я им непомерно горжусь и страшно его люблю. Он великий монарх и настоящий друг.

– То есть им ты не командуешь.

– Дюхон, если есть человек на Земле, который может командовать Вацлавом, то это точно не я. Марина как-то умудряется, в своём, женском, разумеется, смысле, а я даже и не пытаюсь. Мы всегда с ним договариваемся – ни никто их нас друг другом не управляет. Он – мой любимый инструмент, а я – его. Это на самом деле невозможно объяснить.

– А остальные? Александр, Михай, Иштван?

– Они превосходны, – улыбнулся Майзель, – хотя никто из них, конечно, не Вацлав. Мы – команда, Дюхон. А я, как и ты – просто нахожу людей, которые прекрасно делают своё дело, и даю им возможность работать в полную силу и в своё удовольствие. Мы с тобой очень похожи.

– Вот только масштаб, – иронически приподнял брови Корабельщиков.

– К масштабам мы ещё вернёмся, а пока...

Он вдруг застыл – словно услышал что-то, чего не слышал Андрей, и достал телефон.

– Да. Уже? Хорошо. Давай.

Сложив аппарат, Майзель обратился куда-то в пространство:

– Переключить трансляцию.

– Гость не располагает надлежащим уровнем допуска для просмотра, – тотчас отозвалась «Божена». – Прошу подтвердить команду.

– Подтверждаю.

– И что нам покажут? – проворчал Корабельщиков, бросив подозрительный взгляд на оживший экран телевизора. – Дубровник?

– Да.

Экран разделился по вертикали на две неравные части: четыре пятых заняло основное изображение – водная гладь с неподвижно застывшим на ней большим судном и несколькими

корабликами поменьше, окружившими танкер со всех сторон, на почтительном расстоянии; в оставшейся одной пятой появились несколько рамок. В одном из фреймов Андрей узнал Богушека, остальные участники видеомоста – все, как один, в военной форме – были ему, конечно же, незнакомы.

– Слушаю, – отрывисто скомандовал Майзель.

– На совете принято решение уничтожить судно и всё, что на нём находится. Вирулентность штаммов чрезвычайно высокая, медики не могут гарантировать даже пятидесятипроцентную вероятность локализации эпидемии. Отпечаток генома туляремии на восемьдесят процентов совпадает с советской разработкой из Оболенска, но модифицированного, скорее всего, в Колумбии. Официально лаборатория принадлежит саудовскому концерну по производству пестицидов, но это, очевидно, ширма, причём довольно грубая.

– Дальше, – кивнул Майзель.

– Лихорадка Марбурга тоже, скорее всего, оттуда, но слишком мало времени, чтобы установить достоверно.

– Ясно. Когда начинается операция?

– Сорок секунд до сброса снаряда, – ответил Богушек, посмотрев куда-то, видимо, на таймер.

– Ужас какой, – вырвалось у Корабельщикова.

Основное изображение дёрнулось и изменилось – вместо обычного, цветного, стало как будто инвертированным, с преобладанием зелёных и синих тонов.

– Обычные камеры отключены, работают только тау-приборы, – прокомментировал Майзель. – Включили глушение сигналов по всем прочим диапазонам.

Глотая кислую слюну, Андрей не мог оторвать взгляд от экрана. Какой-то предмет, медленно, словно в рапиде, опускался на палубу танкера. Прошло ещё несколько невероятно долгих секунд, а потом Корабельщиков увидел огненный – сине-зелёный – шар на месте судна.

– Это что? – хрипло спросил он.

– Термобарический боеприпас, – ответил Майзель. Андрею показалось, что голос его еле заметно дрогнул. – Всё.

В воздухе вращались какие-то осколки, ошмётки, фрагменты, падая в воду. Корабли, окружавшие то, что ещё минуту назад было судном с сотнями людей на борту, задвигались, выполняя некие, вероятно, предусмотренные приказом, действия.

– Убрать изображение, – безжизненным голосом произнёс Майзель.

Фрейм с Богушеком занял весь экран. Лицо его выражало непреклонную решимость – и скорбь.

– Сообщите, если обнаружите что-нибудь интересное, – Майзель сложил руки на груди.

– Есть, – по-военному ответил Богушек.

– До связи, Гонта.

– До связи, Дракон.

Повисла пауза – столь же невыносимая, сколь чудовищным было происшедшее только что. За сотни, тысячи километров – и так кошмарно, пугающе близко. Корабельщиков почувствовал, как вспотели ладони, хотя поверить в то, что увиденное на экране случилось на самом деле, его разум отказывался. Ощущение было похожим на испытанное уже однажды, когда он смотрел бесконечные репортажи о взрывах жилых домов в Москве – неужели это не дурацкий боевик, а действительность?!

– Это ведь не впервые, – Андрей не узнал своего голоса.

– Нет. Но такого масштаба, с таким информационным сопровождением – впервые, – Майзель уже овладел собой. – Сначала они обкатывали технологии на Греции, на Италии, – лодки с беженцами, высадка в пустынных местах, всё равно контролировать каждый сантиметр берега – нереально. Но с нами у них ничего не вышло ни разу – и, видимо, они решили нас

как следует «наказать». Впрочем, они налепили ошибок, которыми мы, разумеется, воспользуемся. Покажем, – «праведный гнев» всех этих «защитников обездоленных и угнетённых» спланирован и оплачен. Как и собственно акция. К счастью, это намного проще, нежели всё остальное.

– И что же, русские в этом замешаны?!

– Нет, дружище, не русские. Доступ к штабам получили американские инспекторы в девяностых, когда разоряли русский ВПК. Так что русские тут, полагаю, ни при чём.

– Чёрт подери! – Андрей вскочил. – Так кого подставляют?! Русских?! Арабов?!

– А всех, Дюхон, – скалсь, ответил Майзель. – И тех, и других, и Пентагон с Белым домом.

– Но это же абсурд!

– Отчего же, – Майзель усмехнулся. – Это не абсурд. Это промышленное, спланированное устройство хаоса. Такую воронку сделать хотят, – чтобы весь мир туда спустить, как в унитаз.

– А сами-то устроители где надеются отсидеться?! В бункере? На Багамах? На орбите?!

– Это, дружище, необыкновенно сложный вопрос, и разобраться в нём с полпинка не получится. Видишь ли, Дюхон, – это сеть. Как Интернет. Даже если Богушек с Михальчиком найдут исполнителей, через них – заказчиков, нарежут у них из спин ремней, а кишки на барабан наматывают – это окажется всего-навсего узел сети.

– Я не понимаю, – почти жалобно сказал Корабельщиков. – Ну, хоть какой-то смысл должен быть?! Стратегия какая-то?!

– Нет.

– Что значит – «нет»?! Объясни, наконец!

– Охотно, – Майзель пересел со стула на диван и разбросал ручищи по спинке в любимой позе. – Вот тебе задачка. Лежат перед ДОТОМ два солдата – один умный, а другой разумный. Пулемёт строчит, головы поднять не даёт. За спиной – рота товарищей. Приказ – наступать, отбросить врага. Кто из двоих на амбразуру ляжет?

– Разумный, – подумав, сказал Андрей. – Я понял. Кажется.

– Правильно, дружище, – кивнул Майзель. – Разумный понимает: если для победы необходимо пожертвовать собой – ради того, чтобы продолжилось наступление, ради жизни родных и близких, чтобы враг не смел им впредь угрожать – он ляжет на амбразуру. Будет от страха умирать, жалко ему будет себя до слёз – но он ляжет. Потому что его поступками руководит разум. Он понимает, как всё устроено. А умный скажет: да вы чё, я дурак, что ли – на амбразуру кидаться?! Так вот, Дюхон: разум у наших врагов – отсутствует напрочь. Только инстинкт выбегалловского труса: жрать! Потреблять! Под себя! Мне! И, в точности, как выбегалловский трус, всё сожрав, они коллапсируют. Бум – и не будет ничего. Чёрная дыра.

– И давно ты это понял?

– В историческом смысле – буквально вчера. Но, собственно, какая разница? Главное – понял ведь.

– Нет, ты всё-таки псих, – вздохнул Корабельщиков. – О чём ты думаешь, вообще?!

– Я думаю о жизни, о разуме, об их судьбе и предназначении, – огрызнулся Майзель. – А вот о чём думают трусы и выбегаллы? Они думают: а пожрать?! Где икра?! Бабу мне! Сейчас же! И когда космическое агентство Соединённых Штатов просит: дайте денег, необходимо следить за опасными камнями в космосе, они отвечают – а нету! Если дать вам денег – значит, нам самим меньше икры сегодня достанется, меньше шампанского, и вон ту, сисястую, я сегодня не трахну! Нет, не пойдёт! Так вот, Дюхон. Их придётся всех перебить. Всех. Понимаешь?!

– Ещё как, – кивнул Андрей. – Не понимаю только – на что же ты жалуешься?!

– А я и не жалуюсь вовсе, – усмехнулся Майзель. – Я кручусь, как белочка в колесе. Строю сеть противодействия хаосу. Не так уж плохо получается, кстати. Ну, и в связи со всем

вышеизложенным – вопрос: ты-то как? Что предпочитаешь: быть объектом поглощения хаосом или субъектом сопротивления ему?

– Да, побарахтаться хорошо бы, – снова вздохнул Корабельщиков. – Вот только – что я могу?

– А это ты сам должен решить, – отозвался Майзель. – Подумать – и придумать. Но то, что ты вздыхаешь, пыхтишь – это чудно, Дюхон. Здорово. Мозги, значит, работают, кислород потребляют. Так держать.

– Знаешь, я хочу домой, – побарабанив по столу пальцами, заявил Андрей. – Мне действительно надо как следует всё обдумать. Это же просто уму непостижимо – всё, что тут есть, всё, что ты навертел. Ты ведь это не из хвастовства и не из любви к искусству мне демонстрируешь.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Майзель. – Спорить не стану – впечатлений, наверное, явный переизбыток. После обеда можешь лететь: хочешь – в Москву, хочешь – в Киев. В принципе, могу прямо в «столицу республики» тебя дипрейсом доставить, но, полагаю, такая помпа тебе ни к чему.

– Догадливый какой, – буркнул Корабельщиков. – В Москву, если не возражаешь. Следующим утром буду уже дома. Очень удобно.

– Договорились, – Майзель стремительно перетёк в вертикальное состояние. – Одевайся, тебе нужно немного отвлечься. Я тебя сейчас передам сотруднице турагентства, она организует тебе персональную обзорную экскурсию по городу. Увидимся перед отлётом.

– А ты? Дела?

– Догадливый какой, – передразнил Андрея Майзель. – Меня Вацлав зовёт – надо обсудить что-то. Вероятно, какая-нибудь очередная гадость, которую придётся срочно разруливать.

– Валяй, чего там, – великодушно разрешил Корабельщиков. – Надеюсь, ничего похожего на Дубровник.

– И я надеюсь, – серьёзно ответил Майзель.

Прага. Март

Андрей посмотрел в зеркало, поправил галстук, пригладил волосы. Что ж, надо идти, подумал он, вздохнув. И нахмурился: похоже, Дракон прав – пыхчу, как паровоз. Думаю, значит. Ну-ну. До чего додумаюсь только? И когда? Дракон. Надо же.

Он вошёл в кабину лифта, приложил руку к сканеру. В том, что компьютеры, управляющие тут всем, сами знали, куда и когда надо перенести человека, которому служат, было нечто пугающее и вместе с тем восхитительно-забавляющее. Как будто угодил на машине времени на несколько десятилетий вперёд.

Лифт привёз его на какую-то площадку с окном во всю стену – где именно в здании расположена площадка, Андрей уже даже не пытался определить. Прямо перед лифтом его ждала девушка. Догадаться, что девушка ждёт именно его, оказалось нетрудно. Увидев Корабельщикова, она вся просияла ему навстречу:

– Здравствуйте, Андрей Андреевич. Я – Элишка, а по-русски – просто Лиза, меня так всегда в тургруппах называют. Идёмте?

Молодость и здоровье, хлещущие через край, прекрасные зубы и кожа, сияющие глаза, – вот вам и весь секрет красоты, получите и распишитесь, с удовольствием подумал Андрей. Кажется, некрасивых девушек тут не бывает. Ну, Дракон!

– А давно вы, Лиза, с туристами работаете?

– Не очень, – чуть смутилась девушка. – Я ещё учусь, а гидом только подрабатываю. Немножко.

Худенькой её не назовёшь, подумал Корабельщиков. Спортсменка, отличница – комсомлка? А что, он же говорил – соколята. Это, кажется, такая молодёжная организация?

Не раздумывая долго, он и задал Элишке вопрос.

– Да, – улыбнулась она в ответ. – Но на комсомол это совсем не похоже. То есть, я, конечно, не знаю, как с комсомолом, я ведь тогда совсем ребёнком была, – снова смутилась она. – Но у нас всё другое! Настоящее. По форме, наверное, довольно похоже, – но ведь главное не форма, а содержание, правда?

При взгляде на Элишку с ней хотелось во всём соглашаться. Физиономия Корабельщикова так и норовила расплыться в улыбке – без всякого повода и даже без умысла, явного или не очень.

– «Соколу» уже больше полутора столетий, – продолжила девушка. – А началось всё здесь, в Короне, – то есть, в Чехословакии. Я слышала, в России тоже есть «Сокол», вот только ни разу не встречалась ни с кем. А у вас – разве нет?

– У нас есть, но, к сожалению, отнюдь не «Сокол», – вздохнул Андрей. – А вы на кого учитесь, Лиза?

– На биохимику.

– Бог ты мой, – вырвалось у Андрея. – И что же, вам это в самом деле интересно?!

– Конечно, – удивилась Элишка. – Зачем же получать профессию, которая не интересна?! А работы – знаете, сколько?! Мы уже на третьем, самое позднее – на четвёртом курсе по предприятиям распределяемся! Только я сначала в Намболу на год поеду, а потом уже буду распределяться. Там масса экспериментального материала по моему профилю, мне надо непременно там... Ой, извините, Андрей Андреевич!

– Ничего, ничего, – Корабельщиков чувствовал, как на глаза помимо воли наворачиваются слёзы. Ему казалось, – он с размаху влетел в какой-то фантастический роман: не то в «Туманность Андромеды», не то в самый настоящий «Полдень». – Мне и в самом деле необыкновенно интересно, Лиза.

Только я не понимаю, как это возможно, мысленно завопил он.

– Давайте я лучше вам всё-таки город покажу, – решительно заявила Элишка. – Вы ведь ни разу прежде не были в Праге?

– Нет, – отрицательно качнул головой Андрей.

* * *

На весёлом, аккуратном струнном «трамвайчике» они промчались от замка до Пражского Града, по Златой Уличке спустились к Карлову Мосту, прошли его, никуда не спеша. День был солнечный, яркий – весна разгулялась вовсю. Город кишел туристами, молодёжью, повсюду взгляд упирался в женщин с детскими колясками. Андрей, сколько ни присматривался, не увидел ни жирных, раскормленных юнцов и девиц, ни нищих, ни клошаров, которыми кишели все европейские столицы и не только столицы, где ему довелось побывать, – не агрессивными, но отталкивающе неопрятными, грязными, окружёнными беспородными шавками, ржущими и хлещущими пиво из банок, разбрасывающими мусор и объедки вокруг себя. Стерильная чистота улиц и фасадов, хрустальная свежесть воздуха – Андрею вдруг сделалось грустно. Казалось невозможным: всего на расстоянии часа лёта отсюда – лежит вдоль обочин спрессованный в лёд грязный снег, и колыхаются вдоль этих обочин, скрежеща и постукивая, латанные-перелатанные троллейбусы и забрызганные по крышу соляно-грязевой смесью автобусы, изрыгая вонючий синий выхлоп недогоревшей в цилиндрах солярки. «Бедненько, но чистенько» – даже это не про нас, с горечью подумал Корабельщиков. Кичащийся чистотой «Столицы Рэспублики» «бацька» просто никогда не был тут, усмехнулся Андрей про себя. И не будет. Разве что в кандалах, – да кому он тут сдался-то, горе луковое?!

Вероятно, чувства Корабельщикова явственно отражались на его лице, – девушка ласково взяла Андрея за локоть:

– Даже после переезда императорского двора в Вену Прага оставалась столицей, – пусть неофициальной, но в культурном отношении едва ли менее значимой. Здесь буквально каждый камень проникнут и освящён культурой. Я бы даже сказала больше, – задумчиво добавила Элишка, – симфонией культур. Посмотрите, – и Град, и Собор Святого Вита, и дворцы вельмож, и костёлы, и университет, – даже кладбища! Всё – живая история! Конечно, весь этот блеск не появился бы без борьбы и взаимного влияния на протяжении многих веков. Здесь встретились католицизм и Реформация, начавшаяся у нас задолго до Лютера, стихия славянская – со стихией германской и галльской. Это живёт здесь, и проявляется, наверное, у нас в крови. В начале двадцатых, вместе с обретённой независимостью, Прага превратилась в столицу европейского модернизма. Вы и сейчас по соседству с традиционными фасадами найдёте тут здания, построенные кубистами. Слава богу и русским, всё это сохранилось – Прагу ведь не бомбили и не обстреливали так, как вашу Столицу.

– Вы и об этом знаете, – вырвалось у Корабельщикова. Чем дальше, тем удивительнее казалась ему такая осведомлённость Элишки, – даже с учётом её роли проводника в лабиринте городских достопримечательностей.

– Но ведь это наша миссия, – спокойно улыбнулась девушка. – Я – пражанка, а у Праги – особая роль: заполнить культурную лауну Европы, открыть перед всеми двери наук и искусств. У нас и сегодня много разноязыкой интеллигенции. Возможно, поэтому мы так легко воспринимали и усваивали новые идеи, и продолжаем делать это до сих пор. Вы же знаете – после семнадцатого года у нас появились беженцы из России, почти все – люди учёные или творческие, художники, музыканты. Тут, в Праге, Аверченко похоронен и Чириков – был такой русский писатель, о нём нынче, наверное, совершенно забыли. Наш Татичек особенно приветствовал русских, учреждал для них фонды, стипендии – словом, поддерживал, поощрял, как мог. «Русская Акция» – быть может, вы слышали? И поэтому тоже Прага за считанные годы превратилась в центр мировой культуры. А в тридцатые добавились беженцы из нацистской Германии, оживившие немецкоязычную культурную среду.

– С трудом верится, что всё было так гладко, – позволил себе усмехнуться с оттенком недоверчивости Корабельщиков.

– Конечно же, не гладко, – чуть нахмурилась Элишка. – В довоенной Праге жило почти пятьдесят тысяч евреев. Как и немцы, это всё были обеспеченные и образованные люди, они составляли нашу элиту. Благосостояние города во многом было обеспечено ими, а нацисты всех их убили. Потеря евреев оказалась для нас особенно чувствительной. Но самое поразительное – коммунисты принесли с собой новую волну ненависти. В том числе и к евреям.

– Это логично, – поморщился Корабельщиков. – Для коммунистов ваши евреи олицетворяли собой мелкобуржуазную стихию – то самое «болото», в котором, как они не без оснований опасались, потонут их начинания по переделке старых людей в новых.

– С такой установкой, пожалуй, можно и согласиться, – кивнула Элишка. – Но было и другое, за что мне особенно неловко, пусть я и не имею к этому отношения. Вернувшихся из концлагерей родная Прага встретила более чем прохладно. Дома и собственность присвоили соседи, и никто не торопился с возвратом: чехи издавна считали евреев больше немцами, чем самих немцев, – ведь пражские евреи тоже говорили в основном по-немецки. Конечно, ни в Чехословакии, ни в прежней Австро-Венгрии не было ничего подобного царской черте осёдлости и погромам. Евреи у нас всегда были самым подвижным наднациональным элементом, ферментом деловой жизни. Габсбурги прекрасно это понимали. Император Франц-Иосиф всегда защищал евреев от притеснений – юдофобы вообще прозвали его «еврейским императором».

– А почему именно – «юдофобы», Лиза, а не «антисемиты»? – улыбнулся Андрей.

– Да потому, что это – именно фобия, а не идеология, – пожала плечами девушка. – Идеология лишь обслуживает фобию, и ничего больше. Сейчас многое изменилось, и пражане теперь даже гордятся еврейской Прагой. Тем более, что на этом удаётся совсем недурно зарабатывать, – она рассмеялась. – Сувениры, экскурсии, Голем и Бецалель, Мельницкий ребе – целая отрасль!

– А ребе не против? – осторожно осведомился Андрей.

– Да он, кажется, вообще всего этого не замечает, – взмахнула ладонью Элишка. – Идёмте, мы сейчас с вами сюда завернём, – вот и Майзлова уличка!

На Староместской площади тоже было полно народу. На ступенях собора Святого Миклоша и возле курантов Корабельщиков насчитал одиннадцать свадеб – и только два жениха были в «гражданке». Остальные – в мундирах.

– Офицеры?

– Кадеты, – Элишка проследила за его взглядом. – Военную профессию они уже получили, но до производства в офицеры им ещё год в войсках, на сержантских должностях предстоит отслужить. Только после этого их допускают к экзамену на офицера.

– А если провалишься?

– Да что вы, это очень редко случается, – удивилась девушка. – Их знаете, как готовят? Ну, если не выдержать экзамен, то ещё два года сержантом, а потом – вторая попытка. Я не слышала, чтобы кто-то не сдал.

– А откуда вы всё это знаете, Лиза?

– Как – откуда?! – снова удивилась Элишка. – Это у нас все знают. Это же наша армия. Как же иначе?

Бог ты мой, да ведь она и в самом деле не знает, наверное, как бывает иначе, подумал Андрей.

– Андрей Андреевич, а можно, я вас тоже спрошу? – Элишка чуть порозовела и как-то даже умоляюще взглянула на Корабельщикова.

– Конечно, Лиза. Я с удовольствием отвечу – если сумею, – ободряюще улыбнулся Андрей.

– А правда, – вы в школе с Драконом за одной партой сидели? – выпалила девушка и окончательно покраснела.

– Истинная правда, – кивнул Андрей. – Вот только он с тех пор изменился – я прямо его не узнал.

– Невозможно поверить, будто Дракон когда-то учился в обычной школе, – задумчиво произнесла Элишка. – Я хотела бы себе это представить, но... Не получается. У меня такое чувство, словно он был с нами всегда.

– Вы ещё очень молоды, Лиза, – вздохнул Корабельщиков.

Невзирая на протесты Андрея, они пообедали «за счёт фирмы» в ресторанчике «У Чёрного Оленя», возле самой Марии пред Тыном, – Корабельщиков, увидев количество еды на тарелке, заявил, – он не Дракон, чем весьма рассмешил спутницу. Господи, ну почему же так вкусно, думал Андрей, запивая трапезу светлым ледяным, наверное, только что сваренным, пивом.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Корабельщиков своего – свою? – «чичероне». – Мало того, что ужасно интересно и занимательно, так и ещё и язык чуть не проглотил. А вы, Лиза, – коренная пражанка?

– Я – да, – утвердительно кивнула девушка. – А мои прабабушка с прадедушкой, – после революции оказались сначала в Болгарии, а потом уже в Праге.

Он слушал Элишку и даже поддакивал, а мыслями находился совсем в другом месте. На то, что сделали они сегодня, – там, на рейде Дубровника, – можно решиться, только если тебе есть, кого защищать, подумал Андрей. Дракону – есть. Вацлаву – есть. А мне? Всем нам?!

Прага, большой королевский дворец. Март

– Пойдём, выкурим по сигаре и обсудим кое-что.

Вацлав поднялся и направился в курительную комнату. Майзель последовал за ним.

Здесь Вацлав опустился в глубокое кожаное кресло и жестом указал Майзелю на такое же – напротив. Тот сел, достал сигару, долго, со вкусом раскуривал её, пока Вацлав проделывал похожие манипуляции. Наконец, сигары устойчиво задымились, и первые облачка ароматного дыма исчезли под высоким потолком, проглоченные мощной и бесшумной вентиляцией. Глубоко затянувшись, Вацлав отложил сигару на борт массивной пепельницы рядом со своим креслом и закинул ногу на ногу.

Первым не выдержал Майзель:

– Величество. Что случилось? Не нравится мне твоя физиономия. Почто холопу своему Дракошке монаршую немилость являешь?

– Пора кончать со всей этой сказочной бутафорией, Дракон.

– Та-а-ак, – протянул Майзель, резко откидываясь на спинку кресла. – Может, пояснишь? Заодно – расскажешь, что за вожжа тебе под хвост попала. Мы же ещё в самом начале с явным умыслом разделились: ты – беленький, я – чёрненький. Ты у нас – ясноглазый славянский богатырь в горностаевой мантии с багряным подбоем, а я – та сила, что вечно хочет зла и далее по тексту. Вот только жена твоя – не блондинка с лазоревыми глазами, но, учитывая мою шизанутость на данном типаже, это даже неплохо...

– Заткни фонтан.

Судя по тону, Вацлав и не думал шутить, и Майзель счёл разумным исполнить приказание.

– Обоснуй, – покорно кивнул он.

– Мы всё время отбиваемся, Дракон. Отбиваемся качественно, с выдумкой, с огоньком, – специалисты у нас очень квалифицированные. И всё-таки мы обороняемся. Это неправильно. Пора переходить в наступление. Мы не должны больше молча взирать на то, как их пропаганда смешивает нас с грязью. Мы не можем себе такого позволить.

– Дружище, самореклама никогда не была нашей сильной стороной, – покачал головой Майзель. – Ни твоей, ни моей, моей – так уж и давно. Что ты предлагаешь? Я могу, конечно, поставить задачу перед информационными структурами, но мне моя задница намекает, подсказывает – совсем не об этом речь.

– Нет, не об этом, – утвердительно кивнул Вацлав. – Нужен нестандартный, нетрадиционный ход. Выпад – как удар шпагой. Прямо в сердце.

– До начала «Тропы» ещё, как минимум, год. Подготовка идёт полным ходом, но ни к понедельнику, ни даже ко дню твоего августейшего тезоименитства запустить всё не получится. И я, хоть убей, не припомню, чтобы ты когда-нибудь требовал приурочить эпохальные вещи непременно к указанным датам. Люди работают на пределе своих сил и возможностей, и тебе это известно не хуже, чем мне.

– Я понимаю, Дракон, – сегодняшнее утро выбило тебя из колеи. Поверь, – меня тоже. Но я, хоть убей, не припомню, – передразнил Майзеля Вацлав, – когда ты последний раз переставал соображать, даже в такой ситуации. Что с тобой?

– А можно без шпилек? – разозлился Майзель. – Что у тебя на уме?! Выкладывай!

– Вообще-то, это не я придумал, – примирительно поднял руку Вацлав. – Это Марина.

– Ах, вон что, – хмыкнул Майзель. – А воплощать её выдумку ты хочешь мне поручить?

– Не совсем, – уклончиво возразил король. – Но поучаствовать тебе, Дракон, всё же придётся.

– Ладно, – Майзель глубоко затаился и с силой выдохнул дым через ноздри. – Раз Марина не решилась самостоятельно озвучить свою идею, это наверняка нечто невообразимо чудовищное. Кстати, как она?

– Веселится и хохочет, – рявкнул Вацлав. – Будто кто её щекочет.

– Правильно цитируешь.

– Ну, с кем поведёшься.

– Так почему Марина перепоручила тебе меня охмурять?

– Марина срочно вылетела в Белград, к Милице, а дело не терпит отлагательств, – отрезал Вацлав. – Идея проста. Необходимо написать о тебе.

Майзель расхохотался.

– Хватит ржать, – Вацлав сердито ткнул сигару в пепельницу.

– Действительно, – напуская на физиономию серьёзную мину, с готовностью подтвердил Майзель. – Ты прав. Обо мне в последнее время редко пишут. Но, полагаю, написать – это как-то не слишком масштабно. Да и не читают обыватели нынче книжек. Надо снять кино, величество. Давай Спилбергу позвоним. А меня пускай Аль Пачино сыграет. Увеличим его раза в три спецэффектами – получится довольно похоже.

– Закончил? – спокойно осведомился Вацлав. – Выпустил пар? А теперь, будь любезен, заткнись, наконец, и послушай. Дело не в том, что напишут. Дело в том, кто.

– И кто же?

– Елена Томанова, – Вацлав оглядел превратившегося в соляной столб Майзеля и удовлетворённо констатировал: – Завис. Ну, перезагружайся.

– Величество, – почти прошептал оживший Майзель. – Марина – вот столечко, буквально самую чуточку, – он свёл и развёл большой и указательный пальцы на пару миллиметров, – однако, окончательно, всё-таки, спятила.

– Ты читал «Ярость пророка»?

– За кого ты меня держишь?! Разумеется!

– И что скажешь?

– Я думал, друзья-интеллигентишки разорвут её на части. Впрочем, даже на это у них не хватило пороку. Так, вякнули что-то – и смолкли.

– Когда умные и великодушные люди, несмотря на весь свой ум и великодушие, начинают вдруг осознавать очевидное, – это радует меня несказанно, – усмехнулся Вацлав. – О книге мне доложил Михальчик, а прочесть заставила Марина. Признаюсь, я удивлён. И содержанием, и посылом, и теми чувствами, которые за ними стоят. Возможно, она действительно многое поняла, провалившись в это средневековое дерьмо по самые брови. Я распорядился пока не выпускать её из Короны.

– Понимаю, – кивнул Майзель. – Ты хочешь так её разозлить, чтобы она совершенно слетела с нарезки.

– Я не хочу её потерять.

– У Михальчика есть основания для подобных рекомендаций?! – напрягся Майзель.

– Конкретных – нет, но ты знаешь Михальчика. И это прекрасный повод.

– Для чего?!

– Скоро узнаешь, – несколько зловеще посулил Вацлав. – Дракон, пойми: больше нельзя молчать. Были времена, когда твоя персона нуждалась в зловещем антураже готической сказки. Мы хотели напугать наших врагов, и у нас получилось. Но заодно мы и друзей напугали. Или тех, кто мог быть нашими друзьями. Кто должен был быть. Продолжая играть в эту сказку, мы совершаем ошибку. То есть – хуже, чем преступление. Нужно открыть карты. Открыться. Но сделать это мы можем лишь перед теми и с помощью тех, у кого есть совесть и честь. А она – не просто честная, друг мой. Она – сумасшедшая. Абсолютно. Если она поймёт и почувствует,

то расскажет об этом так, что заткнутся все – если не навсегда, то очень и очень надолго. Она нужна нам. Она приведёт за собой тех, у кого ещё осталась хоть капля разума и отваги.

– А они нам нужны? Те, у кого только капля, быть может, и наберётся?

– Нам нужны все, Дракон. Все люди. Я понимаю, и согласен с Мариной: тебе придётся нелегко, ты слишком привык быть Драконом. Но меняться необходимо.

– Я понял, – тихо произнёс Майзель. И повторил: – Я понял тебя, величество. Есть какой-нибудь план?

– Мы аннулировали её заграничный паспорт. Прямо в аэропорту – она собиралась лететь в Париж.

– Вот это да, – вырвалось у Майзеля. – И что дальше?!

– Дальше было такое, – Вацлав покрутил головой и языком прищёлкнул от удовольствия. – Я просмотрел запись, – пани Елена лишь чудом не разнесла главный воздушный порт державы.

– А мне покажешь?

– Непременно, – кивнул Вацлав. – Тебе следует хорошенько подготовиться. Это зрелище, достойное богов. Поверь.

– Верю, – хмыкнул Майзель. – Так как мы всё же поступим?

– Она подала жалобу на действия пограничной стражи в прокуратуру. Оттуда ей ответили, что вопрос может быть решён только мною лично.

– Конгениально, – Майзель хлопнул себя ладонями по коленям. – То есть она знает: её судьба целиком и полностью в руках монарха. Это должно привести пани Томанову в неопишемое бешенство. Когда же аудиенция?

– Аудиенцию даст Марина. А ты спрячешься за портьерой.

– Хитрюга, – заключил Майзель. – Но может сработать.

– И как же она ослепительна в гневе – я глаз не мог оторвать, – мечтательно уставился в потолок Вацлав. – Ты обязан это увидеть. Она – именно та, кто нам нужен, Дракон. Только она – больше никто не сумеет.

– Чего не сумеет? Достоверно воссоздать мой противоречивый образ?

– Ты исполнишь мою просьбу?

– А что, у меня есть выбор?!

– В общем-то, нет, – сочувственно вздохнул Вацлав. – Впрочем, я думаю, ты быстро войдёшь во вкус.

– На что это ты намекаешь?! – подозрительно уставился на Вацлава Майзель.

– Молодая, интересная, умная, одинокая. То есть, прошу прощения, свободная. Хотя, полагаю, затащить пани Елену в постель у тебя вряд ли получится. Ты не в её вкусе.

– Хотя что-то приятное от тебя услышать за целый день, – буркнул Майзель. – Так когда?

– Марина вернётся из Белграда – и сразу начнём. Послезавтра.

– Советую тебе подумать о том, как ты собираешься компенсировать мне всё это.

– А вот прямо сейчас и компенсирую, – ласково посмотрел на Майзеля Вацлав и поднялся во все свои двести два сантиметра без стелек и каблучков. – Пойдём-ка, дорогой мой дружок, в додзё, – я задам тебе примерную трёпку!

Прага, аэропорт «Рузыне», Терминал 3. Март

Не без сожаления распрощавшись с Элишкой на станции струнной дороги, Корабельщиков, сверяясь с указателями, добрался до стойки регистрации, указанной ему девушкой. Он хотел было открыть рот, чтобы пуститься в объяснения – кто он такой и что тут делает, но ему не позволили:

– Прошу, пан Онджей, – Богушек появился перед ним собственной персоной, аккуратно беря Корабельщикова под руку. – Дракон ждёт. Вот сюда.

Посмотрев на привставший на цыпочки персонал, Андрей кивнул и подчинился.

Лифт со знакомой системой контроля привёз их в пустой и гулкий зал для важных гостей, – пожалуй, лишь пара столиков да стойка бара со множеством бутылок нарушали торжественное однообразие. Майзель, увидев входящих, поднялся и шагнул навстречу.

– Судя по твоей перевёрнутой физии, Прага тебе понравилась, – заключил он, рассматривая Корабельщикова.

– Не только Прага и даже не столько Прага, – отозвался после некоторой паузы Андрей. – Скорее, пражане. Пражанки. Да, город, конечно же, великолепен. Но ведь это немыслимо. Невозможно. Понимаешь, Дракон?!

– Почему ты меня так назвал? – тихо спросил Майзель. – Ты вовсе не обязан, Дюхон.

– Ты заслужил это право – называться Драконом, – также тихо ответил Андрей. – После всего, что я видел – совершенно точно заслужил. Ты больше не Данька Бернштейн – возможно, ты никогда им по-настоящему не был. А я – идиот, потому что не сумел этого разглядеть. Не сердись, Дракон. Хорошо?

– Дюхон, – голос Майзеля прозвучал с отчётливой хрипотцой. – Спасибо. Ты даже не представляешь, как много это для меня значит.

– Разве что самую малость, – чуть печально улыбнулся Андрей. – Послушай, мне многое нужно обдумать. Я сообщу тебе, когда буду готов.

– Не торопись, дружище. Времени нет совершенно – но его никогда нет, так что и спешить бессмысленно. Через три недели – пасхальные каникулы, поэтому – бери в охапку Татьяну и Сонечку, и прилетайте. Поговорим, наконец, как следует. Учти: прежде, чем браться за что-то, ты обязан всё хорошенько взвесить. И непременно – вместе с Татьяной.

– Я знаю – может быть опасно, – кивнул Андрей. – Но я...

– Не думаю, что ты знаешь, насколько, – мягко перебил его Майзель. – Вот, – он протянул Корабельщику пластиковый пакет. – Я так тебя заморочил – ты даже сувениров купить не успел. Там пара безделушек – для Татьяны, для Сонечки.

– В гости я тебя не зову, – вздохнул Корабельщиков, принимая из его рук пакет. – Может быть, когда-нибудь.

– А я вас зову, – беря Андрея за плечи и осторожно встряхивая, произнёс Майзель. – Я же обещал позвать, – всех. Помнишь?

Столица Республики. Март

Корабельщиков ступил на перрон и увидел Галину, улыбающуюся, покрасневшую с лёгкого утреннего морозца, – привстав на цыпочки, она призывно махала ему рукой.

– Вот так сюрприз, – пробормотал ошарашенный Корабельщиков, опуская на землю чемодан. – Здравствуйте, Галина. Рад вас видеть. Чем обязан?

– Какой вы бука, Андрей Андреевич, – рассмеялась пани Геллер. – Это вас Дракон заморочил? Он может!

– Я прочувствовал, – хмыкнул Андрей, – в полной мере. Как я понимаю, вы полностью в курсе моих приключений.

– Я завтра улетаю в Корону на две недели, – посерьёзнела Галина, – а мне нужно успеть вам много всего передать и вообще сориентировать. Не сердитесь, ладно?

– Даже не думал, – пожал плечами Андрей. – Ведите.

Такси доставило их на улицу Воровского. Всё ещё недоумевая, Корабельщиков поднялся вслед за Галиной по лестнице. Перед дверями квартиры – старомодными, двустворчатыми – молодая женщина повернулась к нему:

– Я постараюсь вас долго не задерживать, Андрей Андреевич. Проходите.

Квартиру совсем недавно со вкусом – даже с любовью – привели в идеальное состояние. Корабельщиков галантно придержал Галине пальто:

– Конспиративная?

– Почти, – улыбнулась она, поблагодарив его кивком головы. – Располагайтесь в гостиной, я сейчас поставлю чай. И не вздумайте возражать!

«Седой граф»²², яичница с беконом и воздушные булочки с маслом окончательно примирили Корабельщикова с неожиданным «похищением»:

– На месте вашего мужа я бы вас до смерти ревновал.

– Чем он и занимается, – Галина наморщила носик. – Правда, у него железный характер, так что виду он не подаёт. К тому же мы оба знаем – на войне, как на войне.

– Да, – несколько помрачнел Андрей. – Война. Даже не верится. А в посольство вы что же, – никого не приглашаете?

– Обычно нет – «беспека» торчит под окнами круглосуточно. Зачем же компрометировать друзей?

– Понятно. Давайте, Галина, – Корабельщиков вздохнул. – Раз компрометировать незачем, – тогда ориентируйте.

– Отлично, – просияла Галина. – Эта квартира передаётся вам в пользование, по вашему усмотрению и по мере надобности. Она арендована на подставное лицо, пакет документов в верхнем ящике справа, – она указала подбородком на письменный стол у окна. – Потом посмотрите, там всё стандартно.

– А?! – только и смог выдавить из себя Андрей. – 3-зачем мне квартира?!

– Здесь очень удобно и безопасно, – сообщила Галина, игнорируя его изумление. – Андрей Андреевич, мне всего лишь поручено ознакомить вас с инструментами, переданными в полное ваше распоряжение. Как, когда и для чего вы станете их использовать, я не то, что советовать – даже контролировать не имею полномочий.

– А кто имеет?

– Думаю, никто, – пожала плечами пани Геллер. – Настоящие дела творятся не из-под палки, не по приказу, а от души и от сердца. Иногда нужно только прислушаться к себе – и всё станет ясно.

– Поразительные вы существа, – проворчал Корабельщиков, с удивлением сознавая, что, несмотря на нереальность происходящего, начинает воспринимать его, как должное. – Машину с водителем тоже ко мне прикрепите?

– Без водителя, – улыбнулась Галина. – Ключи и документы там же, в верхнем ящике. Машина на стоянке в Уручье, напротив выхода из метро «Восток».

– А со своей что мне делать?! – опять удивился Андрей.

– Я думаю, вы решите это самостоятельно, – в голосе молодой женщины прозвучала мягкая, но отчётливая укоризна. – Вы, главное, не спешите, Андрей Андреевич. Осмотритесь, постарайтесь привыкнуть к тем инструментам, которые вам предоставлены. Подумайте. И хотя времени нет...

– Его никогда нет, поэтому торопиться не стоит, – подхватил Корабельщиков.

– Верно, – знакомая улыбка осветила лицо Галины. – Немного технических деталей. Квартира оборудована системой регистрации событий, вы сможете их воспроизводить по мере необходимости. Управление голосовое – у вас уже есть опыт обращения с этой технологией, так что проблем быть не должно.

– А если я захочу её выключить – что мне сказать? «Божена», не подглядывай? – усмехнулся Корабельщиков.

²² Сорт чайной смеси – Earl Gray.

– Можно и так, – улыбнулась в ответ пани Геллер. – Настройки весьма гибкие. В квартире имеется также набор жизнеобеспечения, рассчитанный на сорок восемь часов для пяти человек. Тревожное извещение поступает на пульт командира спецподразделения автоматически. В этом случае мы примем меры, чтобы вас эвакуировать.

– С ума сойти, – крикнул Андрей.

– Вам нужно будет обязательно создать биометрический профиль для Татьяны Викторовны и Софьи Андреевны. Это совершенно необходимая мера предосторожности.

– Я попробую, – проворчал Корабельщиков. – А вход сюда тоже только по «паспорту»?

– Да. И ваша платёжная карта действительна без ограничений.

– То есть?!

– То есть без ограничений, Андрей Андреевич.

– А если я миллион захочу снять?! – прошипел Корабельщиков. – Это что ещё такое?!

– Если вам потребуется миллион, вы его снимете, – спокойно выдержав его взгляд, ответила Галина. – Не надо волноваться, Андрей Андреевич. Вы привыкнете. Если вас это утешит – мы все через такое прошли.

Опыту бойца, стоявшему за словами Галины, Корабельщикову просто нечего оказалось противопоставить.

– Вот ваш мобильный терминал, – продолжила, как ни в чём не бывало, Галина, выкладывая перед Андреем телефон, как две капли воды похожий на её собственный. – О том, что он предотвращает прослушивание, вы уже осведомлены. Он запрограммирован на ваш привычный сотовый номер. Сигнал, правда, идёт через наши спутники, – так гораздо надёжней. Впрочем, ваши собеседники этого не ощутят. В подзарядке аппарат не нуждается.

– Вы что, атомный реактор сюда всобачили?! – с опаской покосился на устройство Андрей.

Галина нахмурилась, накрутила на указательный палец прядку светлых волос и не шутя подёргала, после чего быстренько вынула зеркальце и с беспокойством всмотрелась в собственное отражение:

– Вроде бы я не похожа на пожираемую лучевой болезнью развалину, – пробормотала пани Геллер. – Даже шевелюра пока на месте.

Она подняла смеющийся взгляд на Корабельщикова:

– Вам кажется, на мне слишком много косметики?

Андрею стало неловко за свой эмоциональный всплеск:

– Понятно, почему они столько стоят, – пробормотал пристыженный Корабельщиков. – Простите, само собой вырвалось.

– В коммерческом варианте эти технологии пока не применяются, – возразила Галина. – Там элемент нуждается в подзарядке хотя бы раз в два – три месяца. А у этого, – она кивнула на телефон, – внутри находится вольфрамовая капсула с четырьмя миллиграммами плутония, излучающего исключительно альфа-частицы, – их избыток полностью блокирует композит корпуса. Они нагревают термоэлемент, который даёт необходимую энергию для работы. Снаружи нагрев не ощущается. Сломать, взломать, раскурочить его – по крайней мере, без доступа к надлежащему стационарному оборудованию – абсолютно невозможно. Думаю, вы понимаете, – технология обкатана многократно.

– Догадываюсь, – промямлил Корабельщиков, всё ещё не решаясь притронуться к аппарату. – А парабеллум мне, случаем, не полагается?

– Нет, – остудила его мечты о ратных подвигах пани Геллер. – Выстрелить в человека, даже совершенно незнакомого и находящегося на известном удалении, способны примерно десять – двенадцать процентов из тех, кто в тире и на учениях показывает отличные результаты. Остальные лишь впустую расходуют боеприпасы. В случае с холодным оружием соотношение ещё меньше. В реальном бою у людей срабатывает реликтовый биологический запрет

на убийство себе подобных. Научить убивать можно, но чревато необратимыми для психики последствиями. Поэтому в боевые части у нас очень жёсткий отбор – и поэтому они так результативны. У вас, Андрей Андреевич, – Галина заглянула в свой планшет, – так называемые «боевые» маркёры в биометрическом отпечатке начисто отсутствуют. Извините, – она улыбнулась.

– Вообще-то я фехтованием занимался, и даже на разряд сдал, – слегка обиделся Корабельщиков.

– Но вам ведь при этом никогда не доводилось сражаться настоящей саблей и наносить ею удары, – резонно возразила Галина. – Могу честно признаться – у меня тоже таких маркёров нет. Я вообще оружие не могу видеть спокойно: сразу мандраж начинается. Не волнуйтесь: работе это не мешает.

– А Дракон? – прищурился Корабельщиков.

– Дракон – это Дракон, – пресекла дальнейшие мудрствования Галина. – Кажется, ничего не забыла. Электронный блок для записей тоже в столе, – там ничего особо сложного нет, думаю, вы его легко освоите.

– И у него атомная батарейка?

– Да. Функционал ведь достаточно узкий – простой текстовый редактор, доступ в Интернет.

– Думаю, мне в самый раз хватит, – усмехнулся Андрей.

– Пожалуй, это всё, Андрей Андреевич. Если будут вопросы – не стесняйтесь, звоните. В любое время.

– Ну уж нет, – запротестовал Корабельщиков, – отдыхайте спокойно, мне нужно прийти в себя.

– Мне будет не до отдыха, но всё равно спасибо, – улыбнулась Галина, вставая. – Я вас покину, а вы... Обвыкайтесь. Провожать не нужно, меня ждёт служебная машина. До свидания, Андрей Андреевич! Надеюсь, мы скоро увидимся.

Затворив дверь за пани Геллер, Андрей вернулся в гостиную и встал у окна, глубоко засунув руки в карманы брюк. Хмарь раннего мартовского утра рассеялась, и за стеклом ярко светило солнце. Вот и у нас весна началась, подумал он. Может быть, и лето тоже наступит?

* * *

Он подъехал к стоянке, посигналил. В будке охраны мелькнуло чьё-то лицо, и дистанционно управляемый шлагбаум поднялся, пропуская его «шестёрку». Андрей поставил автомобиль на свободное место и выбрался из салона.

– День добрый. Покажите мне машину, пожалуйста, – он протянул охраннику талончик.

Парень, – молодой, лет двадцати, веснушчатый, с соломенно-жёлтыми волосами и густыми ресницами, в дурацком, мешковатом камуфляжном комбинезоне, вышагивал вдоль автомобильных рядов, поглядывая украдкой на Корабельщикова. Возле машины остановился:

– Во. Ласточка. Забирайте.

– Спасибо.

– Да не за что, – улыбнулся парнишка. – Надо же, новьё какое. Повезло вам, – такую тачку отхватили, небось, у дедульки какого немецкого? Таких уже, считай, и не осталось вовсе – всё подчистую в Расею поперетаскали. А у этой – сразу видать, пробег вообще никакой, может, тыщ десять! Вы это, резинки все поменяйте обязательно! И масло тоже. Она, хоть и сразу видно – гаражная, а резинки поменять полезно. Они, если тачка стоит, стареют, даже хуже, чем когда едешь. Если что – могу организовать, дешевле, чем в Малиновке. Не оригинал, конечно, но и не фуфло тоже.

– Спасибо, – кивнул Андрей, обходя машину кругом. – Я подумаю.

Это был чёрный – никакого «металлика» – «Мерседес» в 124-м кузове второго поколения, судя по всему, действительно новый, хотя их не выпускали уже давно. Внутренности разглядеть снаружи не получалось – мешала тонировка. Андрей нажал кнопку на брелоке. Автомобиль бесшумно мигнул дважды габаритами.

– Ух ты, транспондер, – покосившись на брелок, с уважением произнёс парнишка. – Круто. А вроде их только в «глазастые» начали ставить, в этой модели не было ещё. Да вон и фары – ксенон. Из последних, наверное?

Корабельщиков усмехнулся:

– Я смотрю, ты здорово разбираешься в предмете. Что за транспондер такой?

Андрей и сам удивился, как спокойно перешёл на «ты» с этим парнем. Надо же, как быстро привыкаешь к «крутизне», снова усмехнулся, на этот раз про себя, Корабельщиков.

– Так брелок-то у вас, – смутился парень, – оригинал, а без ключа. И скважин нету в дверях. Значит – транспондер. Тачка, значит, с кнопкой заводится, никаких ключей не надо. Чип секретный в пульте, без него не поедешь. Суперская штука, – он посмотрел на Корабельщикова и вздохнул.

Во вздохе его не было зависти – только восхищение техникой и чистая радость человека, прикоснувшегося к чуду. А мальчишка, кажется, стоящий, подумал Корабельщиков. Не продолжить ли нам знакомство?

– Дизель или бензиновый? – спросил паренёк. – С дизелем аккуратно надо – только на фирменных заправляться, а то и клина схватить недолго!

– Ну, так уж и клина, – улыбнулся Андрей. – Я понятия не имею, кстати. Мне один мой старинный друг этот аппарат организовал. Я в машине вообще знаю только два отверстия – для ключа и для заправочного пистолета, остальное меня мало интересует.

– А можно глянуть? – умоляюще посмотрел на Андрея сторож.

– Ну, давай посмотрим, – решил проявить великодушие Корабельщиков и открыл дверь.

Салон автомобиля оказался ничуть не похож на оригинальный, и как только вписали его сюда, подумал Андрей, – тонировка при таком интерьере весьма кстати. Серая перфорированная кожа, серо-чёрный комбинированный пластик, голубая подсветка, красные стрелки, огромная ЖК-панель информатора.

– У, – сказал парнишка. – Мама, – и, вытаращив глаза, прикрыл пятернёй рот.

– Вот тебе и задачка, – легонько хлопнул его по плечу Андрей. – Как тут капот открывается? Справишься?

Парень, очнувшись, нагнулся к педальному узлу, быстро окинул пространство взглядом, кивнул, удовлетворённо хмыкнув, и что-то нажал. Раздался чмокающе-звонящий звук, и капот слегка подпрыгнул. Парнишка поднял его – и отступил на шаг, хлопая ресницами.

Андрей, точимый червячком любопытства, заглянул внутрь. Вместо трубочек, проводов и прочих характерных штучек он увидел сплошную пластмассовую крышку с надписью на нескольких языках, в том числе и по-русски: «Внимание! Доступ разрешён только квалифицированному персоналу!»

– Ротор, – выдохнул парнишка. – Тля буду – ротор! Из Короны! Ё-моё, ёрш твою медь! Ну, и друг у вас! Да сколько ж такая лялечка стоит?!

– Секрет, дружок, – усмехнулся Андрей. – Интересуешься техникой?

– Так, маленько, – парень всё ещё смотрел, не отрываясь, на внутренности машины.

– А почему «маленько»? – спросил Корабельщиков. – Учиться не думаешь? Или учишься где?

– Не, – махнул рукой парень и вздохнул. – Куда мне учиться. Мать гроши зарабатывает, и сестрёнка ещё малая совсем, поднимать надо. Да и кусать тоже надо чего-то. Учёба дорогая нынче. В школе, такое дело, надо было думать, да дурной был. А сейчас-то поздно уже.

– Почему поздно? – приподнял брови Андрей. – Тебе сколько лет?

– Двадцать будет.
– Отслужил уже?
– А як же ж. Отслужил, понятное дело.
– А здесь чего сидишь?
– Так куда после армии-то?!
– В ментовку. Или в Россию, на заработки. Куда все.
– Не-е-е, – протянул парень. – В ментовку? Народ палкой лупить да бабулек с укропом по подворотням гонять? Не. Мне это не катит. Быковать да киоски бомбить, – он махнул рукой. – А Россия... Да ну её. Не моё. Я уж лучше тут. Масло, лампочки, тачку помыть-попылесосить, запчастки какие. Пересажу. Как-нибудь.
– Состаришься пересаживать, – Корабельщиков протянул парню ключи от «шестёрки». – Внутри ничего интересного нет. И болтать тоже не надо.
– Обижаете, – вздохнул сторож.
– Информую, – улыбнулся Андрей.
Парень поднял на него глаза, в которых засветилась такая собачья надежда, что Андрею сделалось не по себе:
– Телефончик не возьмёте?
– Возьму, – согласился Андрей, удивляясь себе самому ещё больше и подчиняясь какой-то странной, неведомой доселе интуиции. – Как зовут?
– Павлом кличут. Жуковичи мы.
– Что умеешь делать? Права водительские есть?
– Есть! Да все могу, чего скажут, – заторопился Павел. – И не брехливый я. Гимназиев, понятно, не проходил, но соображаю. Да вы не думайте чего, я...
– Ладно. Диктуй телефон, – Корабельщиков вынул из кармана новый аппарат и раскрыл его.
Отбарабанив номер, Жукович снова заглянул Андрею в лицо:
– А вас как зовут, если...
– Если позвоню, узнаешь, – Андрей опустил телефон в карман и потянул за ручку дверцы. – Пока всё. Не скучай, Паша.

* * *

Андрей выехал на шоссе и направился в сторону Смолевичей. Милиционер у заграждения возле поста ГАИ проводил его долгим взглядом. Проезжая этот пост на «Жигулях», Корабельщиков непременно испытывал неприятное чувство: остановят, пропустят? Документы у Андрея всегда содержались в образцовом порядке, и, годами курсирующий тут – дача тестя, на которой частенько «зависали» Татьяна и Сонечка, находилась чуть дальше по трассе, – он должен был бы уже намозолить глаза даже самым бдительным стражам порядка. Но нет, – минимум два раза из трёх ему указывали жезлом на обочину, придирчиво изучали права, техпаспорт, сверяли фото с оригиналом, то и дело просили открыть багажник, заглядывали в салон, – и с выражением ленивого разочарования небрежно касались пальцами козырька форменной фуражки, отпуская на все четыре стороны. Но противнее всего оказывалось чувство облегчения, наступавшее при виде удаляющейся спины в милицейском мундире. А вот теперь, подумал Андрей, – с «крутым», «элитным» госномером, – как часто они станут меня тормозить?

Навигационная система не только присутствовала, но и работала. И всё по-русски. Заботливый какой у нас Дракон, усмехнулся Андрей. Разогнав автомобиль до ста шестидесяти, он снова сбросил скорость до сотни. Аппарат ускорился и тормозил стремительно и гладко, автоматическая трансмиссия и полный привод держали его словно приклеенным к дорожному

полотну. Да, не «шестёрка», хмыкнул Корабельщиков. Он ощущал себя персонажем шпионского сериала, и вдруг поймал себя на мысли, – ему это нравится. И он готов играть дальше.

* * *

– Поезд опоздал? – окликнула его из кухни Татьяна. – Я уже волноваться начала: десятый час, а тебя всё нет, и не звонишь. Всё в порядке?

– Я думал, ты на работе, – пробормотал Корабельщиков, терзаясь угрызениями совести: позвонить как раз следовало. – У меня всё отлично, а ты почему дома?

– Расписание моё ты, наверное, не выучишь никогда, – отозвалась Татьяна. – Есть будешь?

– А Сонька где?

– В саду, – Татьяна вышла из кухни, посмотрела на мужа с тревогой. – Да что с тобой? Ты голоден, спрашиваю?

– Нет.

– Это ещё почему?! – подозрительно подбоченилась Татьяна. – Ты где был? Ну-ка, рассказывай!

То, что после двадцати лет совместной жизни Таня всё ещё ревнует его, совершенно без всяких оснований и поводов, очень льстило его самолюбию. В другой день Андрей непременно улыбнулся бы, – но не сегодня.

– Сейчас. По порядку.

Татьяна ни разу не перебила его, – только иногда покачивала головой, будто не могла поверить.

– Вот, значит, как, – задумчиво произнесла она, когда Андрей, наконец, иссяк. – Конечно, такого, – такого я, признаться, от него не ожидала. Хотя он тогда ещё показался мне каким-то... спокойным.

– Он и не успокоился. До сих пор.

– Я совершенно не помню его лица, – словно не услышав Андрея, закончила Татьяна. – Хотя у меня превосходная память на лица. А ещё – знаешь, что? Неспокойный – неверное слово. Нездешний. Вот.

– О чём ты?! – потрясённо спросил Андрей.

– Обо всём, – спокойно ответила Татьяна. – Надеюсь, ты ничего не забыл.

– Такое забудешь!

– Я тоже всё помню, Андрюша. Наверное, время пришло.

– Для чего?!

– Долги, Андрюшенька, – вздохнула Татьяна. – Конечно, с нас никто ничего никогда не потребует, – но мы-то с тобой сами всё знаем, ведь так?

– Ах, так вот ты о чём, – пробормотал Андрей.

– И об этом тоже. Но главное, – о том, о чём ты ломаешь голову столько лет. О страхе и о стыде. Ты что же, – думаешь, я не вижу?! Я всё вижу, Андрюша. Всё. Мне очень страшно, Андрюшенька. И очень стыдно. Так больше нельзя. Хватит.

– Таня...

– Мы не можем уехать, не можем никуда убежать, Андрюша. Не имеем права. Это наша страна. Если мы хотим жить, как они – мы обязаны здесь, у себя, сами себе такое построить. Только так мы сможем вернуть наш долг. Пусть даже они нам помогут. Но мы обязаны – сами. Никто за нас ничего не сделает.

– Если не мы за себя, то кто за нас? – Корабельщиков посмотрел на Татьяну. – Так получается?

– Ну, так о чем же раздумывать, Андрюша? Впрягайся.

- Я даже ещё не знаю, как!
- Ты придумаешь. И я тебе помогу.
- Он предупредил – это может быть опасно.

– А жить тут – вот так – не опасно?! То черныбыльская картошка, то сальмонеллёз в курятине, то детей в подземном переходе затопчут, то пьяные менты привяжутся и до смерти забьют?! А друзей – всех, что копейку заработать пытались, пересажали, обобрали, семьи по миру пустили, – это что же, не опасно? С проспекта сойдёшь вечером – тьма, хоть глаз выколи, собачий и человеческий кал кругом, в редком подъезде углы не обоссаны, похабщиной все стены исписаны, подростки чернило, как воду, хлещут, курят, нюхают, колют в себя всякую дрянь, – это не опасно?! Андрюшенька, я жить очень хочу. Дома у себя жить хочу. Хочу сына тебе родить. А не могу, страшно! Сколько же это может продолжаться? Сколько можно это терпеть?!

Андрей смотрел на Татьяну во все глаза. Татьяна – ровная, рассудительная, улыбчивая, старательная, аккуратная, уверенная в себе и в нём. И вдруг – такое – от неё – услышать?!

Татьяна встала, подошла к мужу, взяла его лицо в ладони и крепко поцеловала в губы:

– Слезай с печи, Андрюшенька. Мы, литвины, со славянами вместе и туркам, и свеям, и тевтонцам, и ордынцам небо с овчинку показывали. Нам ли этого байстрюка, безродного выблядка, бояться? Я с тобой, родной мой. Что бы ни было – я с тобой!

Прага, замок Дракона. Март

Майзель коротко кивнул возникшему в дверном проёме Богушке и уселся на диван в своей любимой позе:

– Присядь, Гонта. Есть разговор.

Богушек не заставил себя долго упрашивать. Устроившись вполоборота к патрону, он выжидательно взглянул на Майзеля и подкрутил идеально нафабранные усы.

– Что у тебя есть на Томанову?

– А что тебя интересует?

– Всё.

– Всё – это ничего, – хмыкнул Богушек. – На подготовку досье по всей форме мне потребуется какое-то время.

– Сколько?

– За месяц, думаю, управлюсь. Но если срочно – десяти минут мне, пожалуй, хватит.

– Шуточки шутишь, – констатировал Майзель. – Это хорошо. Гонта, величество попросил меня с ней встретиться. Попросил – это эвфемизм такой, ты же понимаешь.

– Ясно, – Богушек достал и развернул планшет. Отметив на нём что-то, посмотрел на Майзеля: – Пока ребята готовят файл, – может, кофе?

Майзель кивнул:

– Божена, два кофе! Мне – эспрессо, а Гонте – ведро сорта «Полицейская бурда», как он любит.

– Готово, – минуту спустя сообщила машина.

Майзель стремительно поднялся, взял из открывшегося в стене люка кухонного подъёмника поднос с напитками и вернулся на диван:

– Ваш кофе, пан полицмейстер. Давай, рассказывай.

– А чего рассказывать? – пожал плечами Богушек. – Сейчас файл нарисуеться, сам всё и увидишь.

– Гонта, не зли меня, на ночь глядя. Мне ещё охранять мирный сон пражан, а ты меня провоцируешь. В чём дело?!

– Учитывая внешность этой мурены, и неплохо изучив твои комплексы, я в тихой панике, – сознался Богушек, сделав здоровенный глоток горячего, как огонь, напитка. – При-

плюсуем сюда её язычок, острый, что твоя бритва, – и получим гремучую смесь, от которой паника переходит уже в истерику. А по мне ещё не заметно?

– Вот теперь заметно, – прищурился Майзель, разглядывая Богушека.

– Из Москвы её выперли с треском, с третьего курса журфака МГУ, хотя Горби уже развешивал нам по ушам свою вермишель, – со вздохом продолжил Богушек. – С формулировкой «за антисоветские провокации». Там была какая-то мутноватая история с любовью и ненавистью, – если хочешь, я уточню.

– Хочу. Обожаю истории о любви и ненависти.

– Принято. Восстановилась она в Праге через год, после того, как поработала репортёром в «Курьере». Вышла замуж за Франту Горалека, развелась с ним через полгода.

– Горалек? – приподнял Майзель левую бровь. – Что, тот самый?!

– Подавал, между прочим, большие надежды, – хмыкнул Богушек. – Правда, нынче подаёт исключительно доносы на нас в «Свободу слова», но ведь и таперича – оно не то, что давеча.

– Дальше, – кивнул Майзель.

– Может, дождёшься файла? – кротко вздохнул Богушек.

– Гонта.

– Ну, как знаешь, – Богушек сделал ещё один глоток. – Отец – Матиаш Томан, профессор славистики Карлова Университета, заведующий кафедрой русской литературы XIX века до самой смерти в девяносто втором.

– Да вроде к девяносто второму не было уже таких катаклизмов, – прищурился Майзель. – Или я что-то упустил?

– Обстоятельства личного свойства, – пожал плечами Богушек.

– Точно?

– Вот как бог свят.

– Ну, рассказывай.

– А ты меня не подгоняй, – огрызнулся Гонта. – Рассказывать о нём особенно нечего – всё штатно. А вот супруга его, первая и единственная, мать Елены, – это да!

– Специально меня дразнишь, – демонстративно обиделся Майзель. – Ну?!

– Урождённая княжна Мышлаевская, – продолжил Богушек. – Умерла через месяц после похорон супруга.

– Ого.

Майзель хрустнул пальцами. Они жили и умерли в один день, подумал он. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. А разве нет?!

– Я слушаю, Гонта.

– Князь Мышлаевский женился на Анне Чернин в тридцать втором, дочь Мария родилась через год. После аншлюса²³ семья переехала в Прагу, родственники Анны поспособствовали. Мышлаевский участвовал в Сопротивлении и погиб в сорок третьем, когда немцы тут всё зачищали из-за Гейдриха. С другой стороны там ещё Коловраты и фон Герцогенберги. Все близкие родственники погибли, девочка с пятнадцати лет работала – репетиторство, языки, литература. За Томана вышла в пятьдесят шестом.

– Чернины и Мышлаевские, – какой коктейль, честное-прелестное, – Майзель покрутил головой. – Погоди, – так сколько же лет нашей героине?

– Тридцать пять.

– Поздний ребёнок.

– Вроде тебя, – Богушек заглянул в бумажный стакан с «полицейской бурдой», словно проверяя, сколько её ещё там осталось. – Творческая биография пёстрая. Работала в «Курьере»

²³ Аншлюс (нем. Anschluss – присоединение) – аннексия Австрии гитлеровской Германией в 1938 г.

после того, как газета вошла в наш конгломерат масс-медиа, но недолго. Потом трудилась на радио в «Эхо событий», тоже около года. Оттуда ушла в «Пражское время», уходила и возвращалась дважды, последний раз – вместе с Иржи Ботежем, и с тех пор служит там постоянно.

– А что Ботеж?

– Ботеж – друг и ученик её отца, между ними всё чисто, никакого компромата.

– А вообще компромата?

– Ну, романов могло бы быть существенно больше, – Богушек снова подкрутил усы. – Намного больше. Но человек, понимаешь ли, делом занят. Это тебе не младших обижать. Другого компромата нет. И не будет, Дракон. Правда, мужиков она себе выбирает – обнять и плакать. И сопли им утирать. Но это характер такой: надо ей, понимаешь, всё время кого-то опекать, о ком-то заботиться. Так что, надеюсь, ты ей не понравишься.

– Вы с величием прямо как сговорились, – усмехнулся Майзель.

– Угу.

– Обнадёживает, – Майзель поставил на столик пустую чашку. – А почему характер такой? Есть причины?

– Есть, – помрачнел Богушек. – Диагноз – бесплодие. Файл в гинекологии – во, – он развёл руки в стороны на полметра.

– Святые головастики, – желваки вздулись у Майзеля на щеках. – Это и есть – обстоятельства личного свойства?!

– Они самые.

– Откуда?!

– Аборт. Ещё в Москве.

– Полный отчёт.

– Ясно.

– Полный, Гонта. Понял меня?

– Да понял я, понял, – поморщился Богушек. – Не дави на меня голосиной – терпеть этого не могу. Сказал же – всё выясню. И порядок наведу, не сомневайся. Кстати, вот и файл.

Богушек снова достал планшет и протянул его Майзелю. Он взял его в руки – и откинулся на спинку дивана. Посмотрев на Богушека, который нарочито уставился в потолок и едва ли не насвистывал, Майзель покачал головой и улыбнулся.

Снимок был явно гимназический, черно-белый. Серьёзно, без всякой улыбки, смотрела в объектив молоденькая девушка, почти девочка. Светловолосая, с мягкими, правильными чертами ещё по-детски чуть припухлого лица и яркими, пронзительно-чистыми, наверное, голубыми – или серыми – глазами. В школьной форме и фартуке. И такие ямочки на щеках! Да нет, не может быть, нахмурился Майзель. Потому что – не может быть. Не может – и всё!

Он «подтолкнул» страницу пальцем, и целая подборка фотографий Елены в разных интерьерах – от заснеженных кавказских склонов и выжженных солнцем иорданских ландшафтов до буйно-зелёных сельв Южной Америки и мангровых зарослей южно-азиатских тропиков – появилась на экране. И везде она была в окружении мужчин – иногда до зубов вооружённых, иногда нет, но всегда с удовольствием демонстрирующих свои «мужские» игрушки перед этой прелестной женщиной, кажущейся невообразимо хрупкой. Что-то шевельнулось у Майзеля в груди, – что-то, похожее на ревность.

– Чёрт несёт её в самое пекло, – нарушил молчание Богушек. – Такое впечатление – она специально нарывается, чтобы ей башку открутили. В Чечне, между прочим, чуть не открутили. Она к Масхадову пробралась, представляешь?! Одна. А в Колумбии её буквально чудом вызволили. Это просто бес в юбке какой-то. Если мне придётся её караулить – а мне придётся, – он покосился на Майзеля, – я, пожалуй, бюллетень возьму. Или ногу себе прострелю. А лучше – обе.

– Прострели себе язык, Гонта, – ухмыльнулся Майзель. – Вот это точно будет лучше. И начинай прорабатывать мероприятия прямо сейчас. Михальчик считает, ей может угрожать опасность, – из-за «Ярости пророка».

– Неверно Михальчик считает, – рявкнул Богушек. – Зелёный ещё Михальчик, много думает слишком. Ей не может не угрожать опасность – она как железный столб посреди поля в грозу! Её надо скотчем обмотать и запереть в чулане – только так можно попробовать её охранять!

– Ну, ладно, не блажи, – поморщился Майзель. – Машина у неё есть?

– Это не машина, – скривился Богушек. – Это «чижик»!

– Что?

– «Ситроён де-шво»!

– Пани понимает толк в извращениях! – расхохотался Майзель. – Папина, что ли? С «историческими» номерами?

– Ну. Можно, я её катком перееду?

– Пани или «Ситроён»? Пока – поставь маячок. А там – бой покажет.

– Бу сде, – проворчал Богушек. – Ты список наград посмотри. Бриллиантовое перо – дважды. Журналист года – трижды. Золотое перо Европы – дважды.

– Следующая остановка – Стокгольм, Нобелевский комитет, – усмехнулся Майзель. – Всё ясно, Гонта. Спасибо. Можешь быть свободен. Я подумаю.

– Кофе-то можно допить?!

– Нет. Возьми с собой.

Столица Республики. Март

Весь жизненный путь младшего сержанта ВДВ в запасе Паши Жуковича уместился на одном «листе» чудесного планшета. Корабельщиков свернул устройство и сунул в нагрудный карман. Промерив гостиную взад-вперёд и по диагонали раз двадцать, Андрей решительно остановился и раскрыл телефон.

– Здравствуй, Паша. Соскучился?

– Так точно, – радостно и по-военному отрапортовал Павел. Так радостно, что Андрей улыбнулся.

– Отлично. Когда выходной у тебя?

– Да прямо сейчас!

– Через полчаса в «Макдональдс» на Бангалоре. Будь поближе ко входу, – Андрей сложил телефон.

Павел сидел за столиком, подпрыгивая от избытка чувств. Андрей вошёл, сел, улыбнулся скупому:

– Андрей Андреевич. Будем знакомы, Паша, – он протянул Жуковичу руку и ощутил крепкое пожатие – в ответ на своё. – Ну, что? Работать будешь?

– Буду, Андрей Андреич!

– Хорошо. Зарплата – двести в месяц. Пока. Дальше посмотрим. «Шестёрку» возьмёшь на стоянке, – он протянул Павлу оформленные документы. – Машина в порядке, но следить придётся – двадцать два года старушке. Машина должна быть всегда на ходу, исправна и готова ехать, куда скажу – хоть в Колодищи, хоть к польской границе. Пока не развалится, разумеется. Буду иногда тебя просить жене с покупками помочь, уж не сочти за обиду.

– Да вы что, Андрей Андреич, да я!..

– Не надо, Паша, – покачал головой Корабельщиков. – Понятно. Телефон мобильный купи, только не контрактный, а карточный, и не новый. Расходы я возмещу. Бензин тоже мой, чеки только не выбрасывай. По телефону с девушками не болтать. Вообще не болтать. Ночь,

день, зима, лето – меня не интересует. Чтобы всегда был на связи и готов к труду и обороне. Вопросы?

– Никак нет, товарищ командир, – просиял Павел. – А вы где служили, Андрей Андреич?

– Я не служил, Паша, – мягко улыбнулся Андрей, – мне некогда было, я учился, а в институте была военная кафедра. Целых два года. Так что я хоть и отставной козы, а всё ж барабанщик.

– А не скажешь, что не служили, – вздохнул Павел.

– Спасибо, – Корабельщиков достал из внутреннего кармана конверт и отпечатанный на принтере листочек с текстом расписки. – Здесь пять сотен. Оденься, как человек, только никаких бандюганских кожаных курток, и постригись умеренно. Трудовая книжка есть?

– Не-а, – вздохнул опять Павел, рассматривая расписку. Увидев там номер своего паспорта, присвистнул: – А вы не...

– Нет. Не из органов. Контакты есть, но это для работы. Вопросов на эту тему больше не слышу. Договорились?

– А то, – высунув от усердия кончик языка, Жукович основательно расписался.

– Вот и умница, – Андрей забрал бумагу и подвинул Павлу прямоугольник картона со своим телефонным номером: – Лучше выучить, хотя и в памяти у мобильного будет. Работа твоя такая, Павел. Поехать, отвезти, привезти, передать. Я буду с разными людьми в разных местах встречаться, ты будешь сидеть, смотреть, на ус мотать, – кто зашёл, кто вышел, как посмотрел, где стоял и так далее. Никакого криминала, никакой партизанщины. Все сомнения обсуждать. Если что-то показалось – все равно лучше сказать, чем не сказать. Ты не профи, конечно, но ты парень наблюдательный и глазастый, а навык с опытом да со шпионскими книжками придёт. Слушаю.

– А ствол? – ухмыльнулся Павел.

– Ствол, Паша, в нашей стране – это верная тюрьма на долгие годы и клеймо на всю жизнь, – улыбнулся Андрей. – А тебе ещё девочек любить и детишек воспитывать. Придётся ручками, если что.

– Это я запросто, Андрей Андреич! Не сомневайтесь!

– Молодец. Как подготовишься, звони. Если это случится ещё сегодня, буду приятно удивлён. Ну, не скучай, Паша!

Прага. Апрель

С того часа, как Елена по электронной почте послала в Королевскую Канцелярию просьбу об аудиенции, прошло больше суток, а ответа до сих пор не последовало. Отличный повод для пребывания в отвратительном расположении духа. В сотый, кажется, раз проверив папку «Входящие», она сердито закрыла почтовую программу.

Имелась ещё одна причина для раздражения: трагедия, происшедшая на рейде югославского Дубровника четвёртого дня, привела Елену в совершеннейшее смятение. Ничего подобного она не ожидала. Отечественные масс-медиа сообщали о случившемся лапидарно, чуть ли не в телеграфном стиле, чётко излагая обстановку и предпосылки, заставившие военных принять решение уничтожить судно и находящихся на нём людей, ставших заложниками гнусных – именно так, подумала Елена, гнусных! – политических игр. Несмотря на всю свою нелюбовь к империалистической, как она полагала, политике Короны, Елена не могла не признавать: решение короля и генералов не имело альтернативы. Если, конечно же, правда всё то, что сообщали официальные источники об опасности эпидемии – даже целого букета эпидемий – исходившей от тех, чья смерть была столь ужасной. Возможно, она была бы ещё ужаснее, не будь решение таким скорым и радикальным, промелькнуло в голове у Елены. Да что со мной такое сегодня, одёрнула она себя.

Однако не только сама по себе трагедия оказалась источником её плохого настроения. Нацисты и ку-клукс-клановцы всех мастей разразились настоящим шквалом дифирамбов в адрес югославов и Вацлава. Коричневорубашечники и белобалахонники, размахивая флагами со свастиками и горящими крестами в видеороликах, пылко объяснялись в любви к Короне, отважно отправившей вонючих унтерменшей прямо в ад без покаяния. Правое дело Великой Белой Расы в надёжных руках, бесновались блоггеры-расисты, – да здравствует могучая Белая Держава в Центре Европы, вера и слава, кровь и честь! «Несмотря на техническое поражение Третьего Рейха, понесённое от рук объединившихся в ненависти к Белому Человечеству красных большевиков и еврейских плутократов, последовательные усилия по ариизации занятых Рейхом территорий принесли свои плоды! Отважно воевавший с чёрными бандитами в Африке, став королём, Вацлав V, опираясь на укоренившийся в славянских народах арийский дух, теперь возглавит священную борьбу Белой Расы!» Что за феерическая гнида, зло рассмеялась Елена. «Теперь мы знаем, – показное жидолюбие Вацлава V, поселившего у себя под боком отвратительных хасидов-мельников, было продиктовано особыми, высшими соображениями», – вещал следующий автор. – «Держа в заложниках мельниковского реба, Вацлав V намерен добиваться от международного сионистского кагала необходимых уступок, позволяющих неуклонно проводить в жизнь его, как мы теперь убедились, гениальную политику. Можно надеяться, что в скором времени оборона будет построена и Белый Монарх окончательно перейдёт в наступление на всех фронтах!»

Безумие какое-то, подумала Елена, переключаясь на новую вкладку браузера. В противоположном лагере царило столь же трогательное единодушие: либералы, интеллектуалы и антифашисты, – а также, разумеется, приверженцы исламских ценностей по всему спектру, от евромусульман до ваххабитов – призывали на головы Вацлава и югославов все кары небесные и земные, объявляя джихад до победного конца и требуя от американского президента и генсека НАТО немедленно приступить к гуманитарным бомбардировкам Белграда, Праги и зачем-то совершенно ни в чём не повинного Дубровника. Многочисленные комментарии политиков, известных и неизвестных, стремящихся непременно засветиться по столь роскошному поводу, изобиловали полунамёками-полуугрозами, когда завуалированными, а когда и не очень. Люди, которых Елена привыкла считать единомышленниками, почему-то ни на секунду не желали прислушаться ни к голосу разума, всегда звучавшему в её душе, ни к аргументам обвиняемых. Похоже, их нисколько не интересовали ни аргументы, ни даже факты: главной задачей было вымазать Корону с ног до головы в грязи, а что там случилось на самом деле – неделю спустя никто и не вспомнит. А результат будет, как в бородатом анекдоте: не то он шинель украл, не то у него украли, – одним словом, нехороший человек. Невзирая на свою нелюбовь к политическому режиму в Короне, Елена понимала: мотивы короля отличаются от приписываемых ему обеими сторонами точно так же, как божий дар – от яичницы.

За развернувшейся медийной вакханалией прослеживалась рука, вернее, множество рук опытных кукловодов, – если обыватель и мог такого не заметить, то Елена, с её опытом и чутьём, не питала по этому поводу никаких иллюзий. Несправедливость как формы, так и содержания разыгрываемых, словно по нотам неведомыми дирижёрами, обвинений больно ранила её профессиональную честь. Я должна во всём этом как следует разобраться, твёрдо решила она. В конце концов, я гражданка, я люблю свою страну и уважаю свой народ. Раз на нас нападают – мы обязаны защищаться. Когда я пройду, наконец, на приём к этому скалозубу, усмехнулась Елена, я устрою ему такую взбучку, – он меня надолго запомнит! Когда же, чёрт подери, наше величество соизволит мне ответить?!

Услышав трель домофона, Елена захлопнула крышку ноутбука и порывисто поднялась. Кажется, я не жду сегодня никаких гостей, удивилась она.

– Да?

– Пани Томанова? Вам пакет из собственной канцелярии её величества. Прошу прощения, вам необходимо расписаться в получении.

– Поднимайтесь, – после мгновенного замешательства ответила Елена, нажимая кнопку дистанционного управления.

Минуту спустя на пороге вырос гренадёрского роста посыльный в фельдъегерской форме. Елена скептически поджала губы: страсть короля к мундирам, в которые он готов был обрядить всех подряд вплоть до водителей мусороуборочных машин, ужасно её раздражала. Она поблагодарила безукоризненно вежливого – тут уж ни убавить, ни прибавить – молодого человека, расписалась в электронном планшете и получила из рук в руки гербовый конверт роскошной бумаги, по фактуре напоминающей пергамент, да ещё и запечатанный настоящим – красным – сургучом.

Недоумевающая и заинтригованная, Елена взломала печать и достала письмо. От бумаги шёл едва ощутимый аромат – персик, роза и шипровый аккорд. Под вензелем королевы бежали написанные человеческой рукой округлые, аккуратные, но энергичные строчки:

«Дорогая пани Елена!

Я только что получила Вашу просьбу о встрече и немедленно пишу Вам ответ. Пожалуйста, приходите сегодня в половине шестого в дворцовую библиотеку. К этому времени я закончу содержащиеся в моём расписании дела, и мы сможем спокойно всё обсудить. Об этикете и формальностях не беспокойтесь – приходите, я буду Вас с нетерпением ждать. Пропуск на Ваше имя уже заказан.

Спасибо и до встречи!

Сердечно Ваша, Марина».

То, что письмо было написано от руки – при несусветной компьютеризации всего на свете в Короне, и в первую очередь – документооборота, уже само по себе являлось без преувеличения историческим событием. А тут – ещё и содержимое!

Марина, оторопело повторила про себя Елена, едва не сев мимо стула. Сердечно ваша. Сегодня. Фельдъегерем прямо на дом. Да что же это такое происходит, чёрт подери вас всех совсем?!

* * *

Явиться в свитере и джинсах, с хвостиком на затылке, пред ясные очи монаршей особы, столь недвусмысленно продемонстрировавшей ей своё расположение, Елена, разумеется, не могла. Вызвонив знакомую хозяйку косметического салона, она помчалась наводить марафет.

Узнав причину невероятной спешки, Эва сама взялась за дело, подключив самых опытных из своих сотрудниц. В рекордные три часа всё было готово: укладка, расслабляющая и укрепляющая маски, маникюр. От наращивания ногтей Елена безоговорочно отказалась: я – это я, и ничего ни перед кем не собираюсь изображать!

– Ну вот, – с гордостью осматривая творение своих рук, проворковала Эва, осторожно проводя влажной салфеткой по лбу Елены. – Ты великолепна, моя девочка. Бровки, реснички, макияж – высший класс!

Елена, рассматривая своё отражение в зеркале, осталась им, в целом, довольна. Убранные в причёску мягкие волосы открывали высокую шею и подчёркивали чуть-чуть вытянутый овал лица. Елена наморщила нос: все-таки длинноват, но – уж какой вырос! Её тонкие ноздри чуть

дрогнули. Изобразив искусственную улыбку, Елена удостоверялась – зубы в полном порядке, и показала себе язык.

– Что мне надеть, Эва?

– Маленькое чёрное платье, – безапелляционно заявила Эва. – Если у тебя нет, могу попросить Беляну: у вас похожая комплекция, а она недавно купила, может, надела его раз или два.

– Ну, за кого ты меня принимаешь, – фыркнула Елена, – конечно, у меня есть маленькое чёрное платье!

– И обязательно – жемчуг: у тебя же осталась ещё эта нитка, прабабкина? Жемчуг носить надо, а то умрёт!

– Да, – кивнула Елена. – Ты права, дорогая. А это не будет слишком вызывающе?

– По-моему, в самый раз!

* * *

Во дворец Елена добралась на такси: при виде воображаемой картинки – «чижика» отгоняет на стоянку какой-нибудь двухметровый жандарм, скорчившись за рулём так, что колени упираются бедняге в уши – её разбирал смех.

В библиотеку Елену провожал старый гофмейстер Кёнигвассер: журналисты посмеивались над ним, чуть ли не на полном серьёзе утверждая, будто старик пытается возродить при королевском дворе габсбургские порядки. Кёнигвассеру уже исполнилось лет, наверное, сто, но при Франце-Иосифе он состоять, конечно, не мог.

– Ваше королевское величество, – торжественно объявил гофмейстер слегка дребезжащим голосом, – пани Елена Томанова покорнейше просит принять её.

– Спасибо, Конрад, – услышала Елена красивое, глубокое контральто королевы. – Вы можете быть свободны. Пани Елена! Проходите, проходите же, дорогая!

Эффектная, стройная черноглазая шатенка с ослепительной нежной улыбкой шагнула ей навстречу. И не скажешь, что у неё шестеро детей и возраст за сорок, подумала с оттенком белой зависти Елена.

– Здравствуйте, ваше величество.

Елена попыталась сделать книксен, но порядок движений она успела с гимназических времён как следует подзабыть. Королева, ласково улыбнувшись, не позволила ей опростоволоситься:

– Я же не зря написала: не утруждайте себя пустяками, дорогая. И не называйте меня «величеством», это для протокольных мероприятий. Мы же с вами запросто беседуем, поэтому – Марина. Чай? Кофе?

– Я не знаю, – честно призналась Елена. – А вы что предпочитаете? Я – то же самое.

– Я буду чай, – кивнула Марина, усаживая Елену в удобное кресло и присаживаясь сама. – Вацлав сейчас неимоверно занят, поэтому часть его расписания мне пришлось взять на себя. Кроме того, не стану скрывать: я предпочитаю встретиться с вами до того, как это сделает Вацлав, по целому ряду соображений, среди которых ревность играет отнюдь не последнюю роль. Вы обворожительны, пани Елена.

– Спасибо, ва... пани Марина, – хмыкнула Елена. – Я понимаю, это всего лишь предлог, но всё равно – спасибо.

– Ну, раз понимаете, – прекрасно, – улыбнулась в ответ Марина. – Сначала уладим некоторые недоразумения. Я приношу вам свои извинения за скандал в аэропорту.

– И паспорт вернут? Фельдъегерской почтой? Только, пожалуйста, без сирен – соседи и так от меня не в восторге.

– Нет, что вы, – Марина смотрела на собеседницу, словно не замечая колкостей. – Вот он.

Она протянула Елене незапечатанный конверт. Вынув паспорт, Елена раскрыла его и подняла недоумевающий взгляд на королеву:

– Но это же... новый?!

– Ну да, – пожалала плечами Марина. – Ваш прежний истекал через полгода, и я распорядилась изготовить вам новый. Все визы уже на месте. Примите это как небольшое возмещение за причинённые вам неудобства. Так что же? Вы согласны нас простить?

– Да, – кивнула Елена. – Конечно.

Как будто у меня есть выбор, мысленно усмехнулась она. Однако, – что же творится?!

– Благодарю вас, пани Елена, – снова улыбнулась королева. – Будучи признательна вам за ваше великодушие, я вынуждена вновь им злоупотребить и попросить вас некоторое время не покидать пределов Короны. А ещё лучше – пределов Чехословакии.

– И чем же продиктована такая просьба?! – мгновенно ошетибилась Елена.

– Генерал Михальчик располагает данными об угрожающей вам опасности. Мне насилу удалось уговорить его не помещать вас под гласный надзор, – я же понимаю, вы этого не перенесёте, – Марина вздохнула. – Но он настаивает: покидать страну вам не следует. Иначе он не может ручаться за вашу жизнь. Пожалуйста, не смотрите так, пани Елена, – это не шутка.

– А приказать охранке оставить меня в покое вы не могли? – не удержавшись, съязвила Елена.

– Я не специалист, я не могу оценивать решения и отдавать приказы профессионалу высочайшего класса, каким является генерал-майор Михальчик. Правда, я могу оценить политические последствия принимаемых им решений и попытаться вместе с ним выработать некий компромисс, позволяющий сгладить эти самые последствия и в то же время не помешать ему и его подчинённым исполнять свой долг, иногда ценой своих жизней. А именно – защищать наших граждан от угрожающих им опасностей, невзирая на их, граждан, политические симпатии и пристрастия. Вы, наверное, думаете: этот Михальчик спит и видит, как бы повесить мне на шею жёрнов побольше да спихнуть с моста поскорее. Так вот, заявляю вам, пани Елена: вы категорически ошибаетесь.

– Вовсе я так не думаю, – пробормотала Елена, расстроенная и даже немного пристыженная отповедью королевы. – И что же? Меня поместили под негласный надзор?

Нет, дорогая, я придумала кое-что поинтереснее, мысленно улыбнулась Марина. Надеюсь, очень скоро тебе станет абсолютно до лампочки, под каким надзором ты находишься и как долго это будет продолжаться. Господи, прошу тебя, – помоги мне это осуществить! Помоги ей, – она же самое настоящее чудо!

Королева горько вздохнула и развела руками.

– Ну, хорошо, – Елена приняла позу примерной ученицы и сложила руки на коленях. – В таком случае, пани Марина, прошу вас сообщить мне, чем я должна заниматься, пока его превосходительство начальник контрразведки собственного Его Величества Отдельного Корпуса жандармов генерал-майор Михальчик не устранил угрожающую мне опасность. Кстати, а нельзя было выбрать для службы безопасности его величества какое-нибудь иное, не столь одиозное, название?!

– Мы ужасно старомодные люди, пани Елена, – ласково посмотрела на неё королева, и Елене опять сделалось как-то неуютно за своё почти ребячество. – И я, и Вацлав. Мы не в восторге от всяких новомодных штучек: отряд «Дельта», подразделение «Гамма», и прочих попыток выразить самые обыкновенные вещи каким-то искусственным, птичьим языком. Короля охраняют жандармы, и ничего ужасного в этом нет. А ещё я люблю готовить, мне нравится, когда за столом в обед собирается вся семья, а Вацлав предпочитает гвардейский мундир всем остальным видам мужской одежды. Зато никто никогда не посмеет сказать, будто у его величества галстук не модной в этом сезоне расцветки, а его имиджмейкеры, – Марина произнесла это слово с иронией, – даром едят свой хлеб.

Ага, и духи «Мицуко». Хорошо, что я не королева и никогда ею не стану, подумала Елена.
– Простите, дорогая. Я вас перебила. Пожалуйста, продолжайте.

– Я, конечно, не знаю, что именно подразумевает генерал Михальчик, говоря об угрозе моей жизни. Но риск, как вам, пани Марина, несомненно, известно – неотъемлемая часть моей профессии, а я совсем не случайно её избрала. Если кому-то не нравится моя позиция и кто-то жаждет меня уничтожить – не думаю, будто пану Михальчику удастся им помешать раз и навсегда. Оставаясь журналистом, я всегда буду наступать кому-нибудь на любимую мозоль. Для того чтобы обезопасить мою жизнь, меня придётся провести через программу защиты свидетелей, подвергнуть пластической операции и превратить в горничную на каком-нибудь из наших горнолыжных курортов. Но добровольно я на такое не соглашусь, а силу вы не станете применять – я же не террористка. И вы забыли учесть одну незначительную деталь. Я нисколько, ни капельки не боюсь.

Да-да, подумала Марина. Вацлав абсолютно прав – ты действительно чудо.

– Вы полагаете, – усмехнулась она, – написав «Ярость пророка», вы всего-навсего наступили кому-то на любимую мозоль?

– Нет, – чуть запнувшись, отпарировала Елена, – скорее, я попыталась вскрыть абсцесс. Судя по тому, как засуетились горе-эскулапы, желающие непременно умертвить больного и по недоразумению допустившие меня к нему, – у меня получилось.

– А вам не приходило в голову, пани Елена – кто-то разыгрывает вас втёмную? – лицо королевы вдруг обрело незнакомую Елене доселе твёрдость. – Кто-то раскладывает сложный, но смертоносный пасьянс? Посмотрите! Вас, как вы выражаетесь, якобы случайно, допускают к «больному». Вы пишете гневную, справедливую, честную, непримиримую – и неприемлемую – «Ярость пророка». Вас пытаются убить – или даже убивают, мы – отвечаем, поскольку не имеем права, да и не можем не ответить. И отвечаем так, как должны – в случае, когда враг хочет уничтожить самое ценное, что у нас есть – совесть нации, – всей нашей мощью! Это чепуха, – поморщилась королева, властным жестом прерывая попытку Елены возразить, и повторила: – Чепуха, – будто незаменимых нет. Есть. Кто может вас заменить?! Вы просто не понимаете, как вы дороги нам. Мне. Вацлаву. Генералу Михальчику. Сотням других генералов, полковников, министров, чиновников, – да вообще, людей, которым не даёте застыть, задеревенеть в сознании собственной правоты и непогрешимости! Мы можем сердиться, негодовать, не соглашаться с вами – но потерять вас, неважно, почему, мы не можем себе позволить!

Глаза Марины наполнились слезами, но голос звучал по-прежнему непреклонно и страстно. Елена, чувствуя, что сама вот-вот разревётся, смотрела на королеву, не веря собственным слуху и зрению. Разум – вернее, привычки Елены – сопротивлялись с упорством, достойным лучшего применения, но её интуиция, безошибочная, не раз выручавшая её в самых безвыходных ситуациях, прямо-таки вопила: такое сыграть – невозможно! Чего же они хотят от меня?!

– Я не...

Она вдруг умолкла на полуслове, вспомнив овладевшее ею утром видение – тени рук сотен кукловодов, дёргающих миллионы ниточек. Словно муравьи – гусеницу: вроде бы в разнობой, – но тянущие всех точно так же неотвратно в одном направлении, – в пропасть.

– Пани Елена? – подалась к ней Марина. – Что с вами?

– Ничего, – встрепенулась Елена. – Допустим, вы правы. Но какова же цель?!

– Я не знаю, – тихо ответила Марина. – Может быть, вам удастся это понять? Не сейчас, но... Когда-нибудь? Мне кажется, у вас это может получиться.

– Вы хотите заполучить меня, – улыбнулась Елена. – Не возражайте, не нужно. Я...

– Я и не собиралась возражать, – Марина, не таясь, любовалась собеседницей, и Елена это почувствовала. – Видите ли, пани Елена... Да. Разумеется, мы – я, прежде всего, – хотели бы заполучить вас. Именно вас – никого лучше вас нет, и не будет ещё много, очень много

лет. Если будет вообще. Но я не настолько глупа, чтобы пытаться вас соблазнить, купить или обмануть. Даже не потому, что это невозможно. Это неправильно. Бесчестно. Вы честны с нами, а я лишь хочу быть предельно честна в ответ. Не только я – все мы. Если вы сумеете нас понять – превосходно. Если нет – ну, что ж. Не судьба. Можно задать вам вопрос, пани Елена?

– Да, – выдавила она из себя, всё ещё не умея справиться с мыслями после нанесённого ей королевой удара.

– Почему вы отказались преподавать в Карловом университете? Вам ведь предлагали, не так ли?

– Это было довольно странное предложение, – Елена испытующе посмотрела на Марину. – Ну, во-первых, я не имею докторской степени.

– Это пустяки, – взмахнула рукой Марина. – Вам, по совокупности ваших заслуг в журналистике, легко присвоят учёную степень *honoris causa*²⁴. Вам не кажется, что лишать будущих журналистов вашего опыта, ваших знаний, – да самого вашего присутствия, – это как-то очень... несправедливо?

– Пани Марина, – Елена укоризненно покачала головой. – Судя по количеству мёда и патоки, которым вы покрываете приготовленную для меня пилюлю, она окажется горькой, как хинин, растворённый в чистейшем рыбьем жире.

– Ну, вот, вот, видите! – всплеснув руками, рассмеялась Марина. – Ну, что мне делать? Как мне вам это сказать?! Я просто не знаю!

– А вы возьмите да и скажите, – посоветовала Елена. – Не придумывайте никаких формулировок – скажите, и всё.

– Я хотела бы уделить вам столько времени, сколько вам необходимо, пани Елена, – тихо произнесла Марина. – Не сейчас, не в этот вечер, – вообще. Но я не могу. И Вацлав не может. К счастью, у нас есть друг, настоящий, верный, преданный друг, которого мы с Вацлавом очень любим и которому доверяем больше, чем самим себе. И он согласился нам помочь.

И кто же это, хотела спросить Елена, но, услышав звуки, доносящиеся из-за двери, замерла – с приоткрытым ртом.

Радостный детский визг, шум возни и крики: «Дракон, сначала мне!», «Нет, я первая!», «Дракон, ну выше, выше!» приближались со скоростью снежной лавины. Королева повернулась к двери. В следующее мгновение украшенные драгоценными витражами створки распахнулись, и в библиотеку ввалился – иначе не скажешь – обвешанный хохочущими и визжащими детьми... Дракон.

Дракон?!

Да – безусловно, это был именно Дракон. Елена, даже не понимая, что делает, встала.

– Здравствуйте, пани Елена! – завопили девочки, размахивая руками. – Ой, какая вы сегодня красивая!

– А... Здравствуйте, ваши высочества, – промямлила Елена, чувствуя, что мир вокруг неё закачался и вот-вот перевернётся вверх тормашками.

– Мама, мамочка! – задыхаясь, произнесла старшая девочка, сияя глазами и заливаясь румянцем. – Мама, можно, мы с Драконом ещё поиграем?! Мама, ну, пожалуйста!

– Нет, Кароли, – улыбаясь, покачала головой Марина, – сегодня, увы, не выйдет. У нас с Драконом и пани Еленой – важный разговор.

– Государственный? – упавшим голосом спросила девочка, всё ещё держа Майзеля за руку и с надеждой глядя на него.

²⁴ *honoris causa* (лат. ради почёта) – присуждение степени доктора наук без защиты диссертации, на основании значительных заслуг соискателя перед наукой или культурой. Присуждающее степень учебное заведение тем самым даёт понять, что считает почётным присутствие данного лица в рядах преподавательского состава (даже если это присутствие носит символический характер).

– Да, государственный, – кивнула Марина. – А теперь, – Анна, Агата, – отпустите, пожалуйста, Дракона и ступайте в детскую. Нам в самом деле нужно поговорить.

– До самого-самого вечера? – спросила Каролина совсем уже тихо. – Но так нечестно!

– Я приду завтра, – подал голос Майзель. – Честное слово.

– Честное-пречестное драконье? – тряхнула его руку другая девочка, светловолосая и синеглазая, как отец.

– Честное-пречестное драконье слово, – подтвердил он, подкрепляя сказанное энергичным кивком.

– До свидания, пани Елена, – хором сказали дети, выпуская Майзеля из своих объятий. Они по очереди расцеловали его, присевшего на корточки, в обе щёки, и, помахав Елене ладошками, гуськом скрылись за дверями, аккуратно притворив их за собой.

Откуда они знают, кто я и как меня зовут, в полнейшей растерянности подумала Елена, пытаюсь – пока безуспешно – овладеть собой. Если это спектакль, то режиссёр его – гений, а если нет... То я вообще ничего не понимаю!

Елена рассматривала его во все глаза. Она и подумать не могла, что он окажется таким огромным. И таким красивым, – жуткой красотой почти на грани уродства: крупные семитские черты не смуглого даже, а словно опалённого потаённым внутренним пламенем лица, – ещё чуть-чуть крупнее и явственнее, и он оказался бы карикатурой на самого себя. Неуловимое, пугающее и вместе с тем завораживающее сродство с восточными драконами, какими воображали их себе художники и скульпторы Запретного Города – и обжигающий взгляд изумрудно-зелёных с золотистыми прожилками глаз. Его лицо непрерывно менялось, и сам он двигался, перетекая из одной позы в другую, – ошеломляюще стремительно и плавно. Во всём его облике и немыслимом наряде проявлялось такое нерасторжимое единство формы и содержания, о котором живописец или актёр могут лишь мечтать. И голос – под стать наружности: низкий, рокочущий баритон, кажется, сообщающий колебания предметам вокруг себя, словно накатывающийся на слушателя со всех сторон. Или здесь просто такая акустика?!

А он – он рассматривал её, сознавая, как мало могут сказать о живой женщине жалкие попытки оптики и электроники остановить мгновение. Никто никогда не решился бы предположить, будто Елене за тридцать, если бы не взгляд – к обороне готовый, юные женщины так не глядят, вспомнил он, – взгляд мудрого и много пережившего на своём веку человека. И глаза у неё были такие яркие и такие голубые, что у него кровь застучала в висках. Достоинство и благородство, и только потом – красота, очевидная и в то же время чуть-чуть приглушённая, не рвущаяся напоказ, – святые небеса, подумал Майзель, породу не спрячешь!

Марина, глядя на них, замерших друг перед другом, напряжённо изучающих друг друга и таких поразительно друг на друга похожих, несмотря на отсутствие всякого намёка на внешнее сходство, поняла – необходимо вмешаться.

– Пани Томанова, – пан Майзель. Дракон, – пани Елена, – Марина улыбнулась и едва удержалась, чтобы не покачать головой. Не слишком ли я тороплюсь, с оттенком беспокойства подумала она, но тут же заставила себя отогнать малодушную мысль: всё должно получиться!

Она неожиданно шагнула к Елене и, обняв её, прошептала почти в самое ухо:

– Не обижайте его, дорогая. Он наш. И... удачи!

Елена даже не нашлась, что ответить, – и увидела Майзеля, сидящего прямо на столе за спиной у Марины. Когда он там очутился, – двигается, будто привидение, рассердилась Елена. Марина отстранилась:

– Дракон, позаботься о нашей гостье. Увидимся завтра.

Проходя мимо Майзеля, Марина ласково коснулась его плеча, а он – кивнул в ответ, и Елена поняла: эти двое – родные люди, понимающие друг друга даже не с полуслова – с полувзгляда.

Теперь между ней и Драконом не было спасительной преграды – королевы. Теперь он находился прямо перед Еленой и смотрел на неё, подперев кулаком подбородок – почти роде-новская скульптура, разве что не бронзовая. Майзель вдруг убрал руку от лица, и его повелительный жест буквально толкнул Елену в кресло. Это был не гипноз, а что-то совсем уже запредельное, и она затрясла головой, отгоняя наваждение.

– Вам, кажется, велели позаботиться обо мне, а не швырять, будто куклу! – возмутилась Елена.

– Извини, – тотчас откликнулся Майзель, – но не уговаривать же тебя присесть. А я уже сижу.

Ах, так это всё-таки правда, азартно удивилась Елена. Он действительно всем «тычет»! Но как же у него это выходит – так не обидно и весело? Даже не хочется возражать!

– Могли бы попробовать, – проворчала она. – Я столько лет пыталась к вам подобраться, уговаривая всех вокруг устроить это для меня, – мы бы сделались квиты.

– Репортёры не могут встречаться со мной, – усмехнулся Майзель. – Ну, подумай сама, на что же это похоже?! Встреч с Ежибабой²⁵ или Кошечем Бессмертным ты же не ищешь! Я не гламурный, а сказочный персонаж.

– И поэтому вы со всеми на «ты»? Органично, ничего не скажешь! – фыркнула Елена. – Подумаешь! И, тем не менее – я сижу перед вами. Может быть, вы собираетесь меня проглотить?

– Увы, на трапезу ты не тянешь, – печально вздохнул Майзель, скептически оглядывая её. – Разве что так – в качестве лёгкой закуски.

Он дождался, пока Елена наберёт в грудь достаточно воздуха, чтобы всадить в него какую-нибудь шпильку поострее, и не дал ей этого сделать:

– Вот что. Давай уедем отсюда, пани Елена. Вставай, – он протянул ей руку. – Ну, смелее. А хочешь – могу тебя понести!

Искушать судьбу Елена не стала: а вдруг действительно схватит и на плече понесёт?! Вон, какая махина! Приняв его галантную – на этот раз – помощь, она поднялась. Держаться за него оказалось чертовски приятно. Проклятый альфа-самец, подумала Елена, забыв рассердиться. Гормональный террор какой-то. Впрочем, она ощутила, как дрогнула его ладонь, когда Елена к ней прикоснулась. Или ей всего лишь почудилось?

* * *

– Дракономобиль, – усмехнулась Елена, усевшись в его карету и как следует оглядевшись. – Куда мы едем? В пещеру?

– Кабинет устроит? – осведомился, трогаясь, Майзель. – Что ты, в самом деле. Персонаж-то я сказочный, но современный. С постмодернистским душком. Куда же от этого деться?

Сидеть рядом с ним и мчаться по городу – не ехать, а именно мчаться, – ощущение было захватывающим. Елена даже немного расстроилась, когда они прибыли в пункт назначения.

– Слушайте, а ведь я вас вижу первый раз в жизни. Я только сейчас это поняла! Как такое возможно, – в двадцать первом веке?!

– Молчи, скрывайся и таи, – продекламировал Майзель. – Три источника и три составных, так сказать, части.

– Посмейтесь, посмейтесь, – зловеще произнесла Елена. – Так как же? Только не повторяйтесь – насчёт сказочного персонажа я уже слышана.

– Это оказалось непросто, – притворно вздохнул Майзель. – Разбитая техника, переломанные конечности, несколько разорённых медиахолдингов – ну, не только из-за этого, разу-

²⁵ Персонаж чешских и словацких народных сказок, аналог Бабы-Яги из русского фольклора.

меется, это было лишь превосходным предлогом – вот таким вот, пани Елена, макарон. Образ должен быть цельным, законченным – Дракон, Великий и Ужасный. В мире, где командовали даже не журналисты, а сознательно потакающие самым низменным вкусам испорченного плебса дельцы, следовало навести порядок. И мы его навели. Издержки, увы, неизбежны.

– Но люди просто выполняли свою работу.

– Люди в форме «СС» тоже выполняли свою работу, – огрызнулся Майзель. – И до сих пор убеждены – их не за что винить!

– Ну, у вас и параллели! – отшатнулась Елена. – Сравнивать папарацци с нацистами?! Это уж слишком!

– Это явления одного порядка: бога нет – значит, всё позволено. Не позволено. Бога нет, зато есть Дракон. Не боитесь наказания на том свете – получите сейчас. Очень просто.

– Увы, да. У чудовищ всегда всё просто.

– Напрасно ты так, – сердито произнёс он, и Елена поняла: он и в самом деле рассержен. – Это и твои заклятые враги: прикрываясь трескучими фразами о свободе слова, они выдают за неё грязь и пошлость, забивая людям мозги всяким дерьмом, отучая их думать!

Он прав, с горечью подумала Елена. Но разве можно бороться с этим, – так, как делает он?! Или – только так и можно?! Боже правый, да что сегодня со мной?!

Она промолчала – и увидела, как утихает пламя в его глазах.

– Мы на месте, – уже совершенно спокойно сообщил Майзель. – Проходи.

Раздвижные панели, сначала показавшиеся ей сплошной стеной, бесшумно и стремительно скользнули в разные стороны, скрываясь в невидимых нишах, и Елена шагнула вперёд.

То, что Майзель назвал «кабинетом», подвергло её чувство равновесия новому, ещё более тяжкому, испытанию. Даже не огромный, – необозримый: границы помещения искусно маскировались скрытыми источниками света, а форму его не представлялось возможным определить из-за ниш и полуарок, за которыми угадывалось какие-то детали иных пространств. Стены, пол и потолок не образовывали углов и поражали пустотой – ни картин, ни гобеленов, ни ковров, ни люстр или канделябров – ничего. Сплошной полированный, ничем не прикрытый камень. Вместо наружной стены – окно без намёка на раму, жалюзи или шторы, невероятно прозрачное – в первое мгновение Елене показалось, будто между нею и разверзающейся пропастью преграда отсутствует вовсе. Лишь приблизившись, она смогла оценить толщину и профиль стекла, – да полноте, стекло ли это?! – панорама городских огней внизу преломлялась, словно Елена смотрела сквозь гигантскую лупу. Не удавалось избавиться от чувства – стекло не состыковано с камнем пола и потолка, а является его естественным продолжением. Что за технология позволяет добиться такого эффекта, Елена не имела ни малейшего представления.

Чуть в стороне, прямо из пола, рос – другим словом она не могла это назвать – огромный, замысловатой формы диван и подобие столика перед ним, исполненным в том же стиле. Материал сидений и подушек походил на змеиную кожу, только с очень крупной чешуёй. Елена чуть слышно хмыкнула.

Но всё это было сущей ерундой по сравнению с главным – и единственным – элементом декора, – если можно посчитать таковым длинный, чуть не с Елену ростом, японский меч, подвешенный вертикально остриём вверх прямо в воздухе – судя по всему, в магнитной ловушке. Кажется, это называется нодачи, вспомнила Елена. Меч всё время чуть заметно подрагивал, словно живой, и на поверхностях стен, пола и потолка то и дело вспыхивали отбрасываемые сверкающим клинком блики.

– Всё-таки пещера, – констатировала Елена, озираясь. – Впрочем, от бессовестного мистификатора, вроде вас, трудно ожидать чего-то иного.

– Не нравится?! – огорчился Майзель.

– Нравится, не нравится – irrelevantно, – отрубила Елена. – Обязано подавить, ошеломить, зачаровать, разоружить. Намекнуть на неотвратимость наказания в случае неповино-

вения, – Елена указала подбородком на меч. – С этой ролью ваш так называемый «кабинет» справляется на пять с плюсом. А где стол?

– Какой стол? – удивился Майзель. – Зачем мне стол?

– Но где-то же вы работаете? Компьютер, дисплей? Клавиатура?

– Вон ты о чём, – кивнул Майзель и вытянул руку.

Елена непроизвольно ахнула – стена напротив окна ожила, превратившись в экран. В сегментах – прямоугольниках разной формы, от вытянутых до почти квадратных – замелькали кадры, среди которых можно было узнать даже популярные каналы.

– А для ввода есть планшет, – Майзель достал из кармана устройство, развернул и пома- хал у Елены перед носом. – Вообще я писать не люблю, предпочитаю диктовать компьютеру.

– Не могу подобрать слов, – честно призналась Елена. – Выключите. Я поняла.

– Ну, ладно, – Майзель облегчённо перевёл дух. – Значит, так и запишем: «Одобрено». Хочешь чего-нибудь? Вина, фруктов? Может быть, ужин?

– Я не ем после шести, – улыбнулась Елена. – Но вино или фрукты, – собственно, почему бы и нет? Получить в один вечер аудиенцию у королевы и у Дракона – такое необходимо отме- тить.

– Ну и чудно, – кивнул он и обратился – как показалось Елене, в совершенную пустоту: – Божена! Токайского и фруктов, пожалуйста.

– Готово, – необычайно, как показалось Елене, быстро, откликнулась – кто?! – Токайское, урожай девяносто седьмого, фруктовое ассорти.

Только сейчас Елена догадалась – голос всё-таки принадлежит машине, а не живому человеку.

– Величкова, – она изумлённо повела головой из стороны в сторону. – Ах да, это ведь постмодернистская сказка, и заточить в своей пещере живую Величкову, вы, конечно же, не могли. Но вы похитили её голос и заставили компьютеры им говорить. О, это великолепно. Признаю.

– А тебе не пришло в голову, что Божена разрешила мне им воспользоваться? – Майзель поставил перед Еленой вазу, два бокала и хрустальную ёмкость со светло-золотистой, будто наполненной солнцем, жидкостью.

– Действительно, – Елена заворожённо смотрела, как он разливает вино. – Ладно. Один – ноль. Погодите! Неужели у вас даже прислуги нет?

– Человек должен заниматься творческим трудом. А всякое подай-принеси, под- мети-убери – прерогатива машин. Должно быть механизировано всё, что можно механизиро- вать. А вот фруктовое ассорти приготовить – это уже творчество.

– А почему токайское?

– А чего ты ожидала? – удивился Майзель. – Бычьей крови? Женского молока? Токай- ское – любимое вино Вацлава и Марины, они меня им и снабжают. Что им хорошо, то и мне подойдёт.

– Как кстати вы о них вспомнили. Они попросили вас встретиться со мной – а вы взяли и согласились. Вы думаете, я в это поверю?

– Во что именно? В просьбу? Или в согласие?

– В то, что идея исходит от короля.

– Идея исходит от королевы, – чуть искривил губы Майзель. – Впрочем, муж и жена – одна сатана. Так почему же, по-твоему, идея не может от них исходить?

– Но ведь они – целиком и полностью ваши креатуры.

– А ты сама не веришь в то, что сейчас сказала, – посмотрел на неё Майзель. – Ты, веро- ятно, могла так думать, находясь в плену предрассудков, – но теперь, после личного знаком- ства?

– Я возражаю против того, чтобы мои убеждения именовались предрассудками.

– Ну, хорошо, – искренние заблуждения, – улыбнулся он. – Заблуждаться не запрещено и не стыдно, – стыдно лишь упорствовать в заблуждениях. Я понимаю, – тебе потребуется время, чтобы побороть заблуждения, избавиться от них. Ты нам очень нужна, пани Елена. Поэтому я выполню просьбу моих друзей. Тем более, они не только мои друзья, они – мой король и моя королева.

– А вы – их ручной Дракон?

– Ручной? Ну, вряд ли, – рассмеялся он. – Давай лучше выпьем за знакомство, – Майзель прикоснулся доннышком своего бокала к бокалу Елены.

– Ну, давайте, – она подняла наполненный вином бокал к лицу и сделала маленький глоток. – Да. Действительно, – король вин, вино королей. Знаете, я никак не могу определиться, как мне вас называть. Пан Майзель? Слишком официально. Пан Данек? Как-то не по-настоящему. Пан Дракон? Звучит совершенно по-идиотски.

– А просто – Дракон?

– Не получается, – честно созналась Елена. – Видимо, должно произойти что-то, чтобы я могла свободно и легко вот так к вам обратиться.

Он смотрел на неё, улыбаясь и покачивая головой.

– В чём дело? – смутилась и нахмурилась Елена.

– Ты действительно лучшая, – тихо произнёс Майзель. – Ох, как же я рад. Мы в тебе не ошиблись. И ты обязательно назовёшь меня просто Драконом. Думаю, скоро.

– Если...

– Не «если» а «когда», – всё с той же улыбкой перебил её Майзель. – Есть у Вацлава такая присказка. Всё уже решено и подписано, но время ещё не пришло. Так бывает, пани Елена. Твоё здоровье.

И Майзель, не переставая улыбаться, отсалютовал ей бокалом и пригубил вино.

– Почему?! Почему вы согласились?! – шёпотом закричала Елена.

– А ты?

– Это... моя работа.

– Нет, так не годится, – нахмурился Майзель. – Так ты будешь долго топтаться на месте. Ты заслужила право войти в ближний круг – в том числе тем, что никогда не шла на поводу даже у собственных предрассудков. Честностью, которая изумляет меня, – и не только. В этом теперь состоит твоя работа, пани Елена. Понять. И поэтому ты не можешь отнестись к ней, как к обычной работе.

– Хорошо, – Елена откинулась на спинку дивана. – Рассказывайте.

– С чего мне начать? – улыбнулся Майзель.

Елена пристально взглядела в эту улыбку. И с ужасом, леденисто обжигающим всё внутри, от живота до самого позвоночника, до самой души, – вдруг ощутила, как чудовищно, непередаваемо, жутко одинок этот человек. И представила себе – от этого одиночества, от этой вселенской пустоты и придумал он себе их всех – и Корону, и короля с королевой, – и её, Елену.

Майзель встревожился не на шутку, увидев слёзы, вскипевшие в её глазах.

– Пани Елена?!

– Всё нормально, – отрезала Елена, хотя голос и выдавал её. – Начните сначала.

– Великий мудрец и толкователь священного писания, создатель целого свода еврейских законов, которые названы его именем, рабби Гилель – однажды оказался в моём положении, – улыбка Майзеля сделалась слегка иронической, и слёзы Елены высохли в тот же миг. – К нему пришёл римлянин, пообещавший своим друзьям, что сумеет разоблачить мудреца. Он встал у порога и заявил: Гилель, если ты мудрец, то сумеешь объяснить мне суть твоей Торы, пока я стою на одной ноге. Легко, ответил ему Гилель. Не делай другим того, чего не желаешь себе. Остальное – лишь комментарии. А теперь – садись вот тут и учись.

– Превосходно, – согласилась Елена. – Это и есть величайший смысл вашей жизни?

– Ну да, – пожал плечами Майзель. – Сделай для других то, чего хочешь для себя больше всего на свете. И себе, разумеется, – покажи пример остальным. Вот что, пани Елена. Я не стану давать тебе интервью, – да ты и сами чувствуешь: это невозможно. Я предлагаю тебе больше. Гораздо больше, – стать моей тенью. Не на день или два – надолго. Только увидев, что происходит, ты сможешь понять.

Вот оно – предложение, от которого нельзя отказаться, поняла Елена. Немыслимо. Невозможно. Не просто работа. Увидеть всё изнутри. Прикоснуться. Это что же, изумилась Елена, – я всего лишь всё время завидовала им?!

И, пряча смятение, сердито сдвинула брови:

– Если вы мне солгали, – если солжёт, – я вас не пощажу. И вы это знаете.

– Да, – спокойно ответил Майзель.

– Отлично, – кивнула Елена. – Обсудим детали. У меня только одно условие: пожалуйста, избавьте меня от необходимости отбиваться от ваших ухаживаний. Вы прекрасно знаете – вы не мой герой.

– Откуда же мне, – улыбнулся Майзель.

– Не нужно, – поморщилась Елена. – В нашем сказочном королевстве мы все под колпаком, – сказка, как вы сами изволили уточнить, постмодернистская. А уж перед тем, как разрешить мне приблизиться к вам, меня и всё вокруг меня просветили во всех существующих и даже несуществующих диапазонах. Так что вы прекрасно знаете обо мне всё – в том числе и то, с кем, когда и при каких обстоятельствах. А выводы вы умеете делать сами.

– Я надеюсь, тебя это не слишком побеспокоило, – вздохнул Майзель. – Увы, иначе нельзя.

– Вы кого-то боитесь?

– Я не боюсь – я обожаю всё контролировать.

– И в самом деле, – пробормотала Елена, – должны же у вас иметься хоть какие-то недостатки. Так мы договорились?

– Обещаю не досаждать излишней опекой, – по-кавалергардски склонил голову Майзель. – Но совсем не досаждать не получится: став моей тенью, даже на время, ты не сможешь сохранять прежний уклад своей жизни. Предупреждаю: придётся нелегко. Очень.

– Я готова выслушать ваши условия.

– Мой рабочий день начинается в шесть утра. Сразу после того, как заканчивается предыдущий.

– Что?!

– Ты разве не знаешь? – удивился, в свою очередь, Майзель. – Я же не сплю.

– Что, совсем? – с состраданием спросила Елена.

– Совсем, – он усмехнулся. – Не стоит меня жалеть: я очень много успеваю, в обоих полушариях, и могу, когда все спят, хотя бы поесть, как следует. А то днём приходится пребывать всякой ерундой.

– Я думала, это какая-то очередная глупая выдумка, из невероятных рассказов для обывателей и идиотов, – она посмотрела на него всё ещё с жалостью. – Но как же так?! Ведь это невозможно! Вы же должны отдыхать?!

– Я отдыхаю, – кивнул Майзель. – Но, поскольку сам не умею, просто, как попугай, повторяю всё за Вацлавом.

– Вы проводите с ними много времени, – утвердительно произнесла Елена. – Не только со взрослыми – с детьми тоже. Они вас не боятся, как я могла убедиться. Для чудовища, каким являетесь, вы невероятно милы.

– Никакого секрета, – Майзель опять улыбнулся. – Я просто их очень люблю.

– Я заметила, – кивнула она. Игла у самого сердца предательски шевельнулась, но Елена не поддалась, – как всегда. – А этот военно-монашеский наряд, – не мешает вашим женщинам?

– О каких женщинах речь? – подозрительно уставился на неё Майзель.

– Ну, не с мужчинами же вы строите отношения, – невинно захлопала ресницами Елена.

– О, нет, – рассмеялся Майзель. – Я не пидор, а поношенные трусики японских школьниц доставляют самолётами из Токио совершенно точно не мне. Я отвратительно нормальный, скучный зануда.

– Сочувствую, – усмехнулась Елена. – Кстати, а нельзя было вместо «пидор» произнести что-нибудь понейтральнее? Вы что, гомофоб?

– Тут такая петрушенция, пани Елена, – природа, или бог, не суть важно, – распорядились следующим образом: человек – существо двуполое. Не однополое и не гермафродит. Я только придерживаюсь концепции, поскольку поступать так – разумно. А сознательно идущие наперекор разуму всегда вызывали у меня раздражение. Если увижу кого с семицветным флажком – могу и голову откусить.

– И лесбиянке?

– Ну, лесбиянкой – теоретически – я ещё могу себя как-то представить... Но этим?!

Майзель так передёрнул плечами, – Елене пришлось сдержаться, чтобы не прыснуть.

– И всё-таки, – как насчёт женщин?

– Почему тебя это так интересует?!

– Считайте это блажью.

– У меня нет отношений с женщинами, – Майзель сделал ударение на слове «отношений», и Елене показалось: по его лицу промелькнула какая-то тень. – Хочешь – узнавай, мешать тебе я не стану, но болтать – не в моих правилах.

– Какой вы всё-таки старомодный, – вздохнула Елена. – Ладно. Будем считать, об этой стороне вашей жизни я кое-что себе уяснила. По крайней мере, понятно, как следует от вас защищаться. Так когда мы увидимся снова?

– Завтра в шесть.

– Давайте в девять. Хотя бы.

– Невозможно.

– То есть?!

– В шесть, пани Елена. Уйти ты можешь в любое время, но прийти – только в шесть. В девять я могу быть уже в Рио – или Антананариву. Или на Луне. Понимаешь?

– Кажется, да.

– Замечательно. Подойди, пожалуйста, вот сюда и положи ладонь на экран.

Елена подчинилась.

– Божена, профиль для пани Томановой, спутниковый терминал и планшет. Уровень допуска двенадцатый.

– Запрашиваемый уровень допуска является наивысшим, – отозвался компьютер. – Прошу подтвердить присвоение.

– Подтверждаю.

– Кровью не надо расписываться? – проворчала Елена.

– Можно, но бессмысленно. Всё равно подпись оцифровывается, а биометрия и без анализа крови снимается.

– Ясно, – приподняла брови Елена. – А наивысший допуск – это как у вас самого?

– Нет. Мой допуск так и называется – «Дракон». Его не может получить никто, кроме меня.

– А что в таком случае означает двенадцатый?

– Например, ты узнала бы о Дубровнике в тот самый момент, когда всё началось, – посмотрел на неё Майзель. – И вся информация поступала бы к тебе немедленно. Тогда тебе было бы легче понять, с чем мы столкнулись.

– Я вас не осуждаю, – тихо произнесла Елена. – Мне очень горько, больно и страшно, но я, видит бог, не осуждаю вас. Но вы должны сделать так, чтобы такое не могло повториться. Понимаете?

– Мы стараемся.

– Старайтесь старательнее. Пожалуйста. Если я становлюсь, хоть в самомалейшей степени, даже на время, какой-то частью всего этого, – я должна быть уверена: делается всё. И больше, чем всё.

– Знаешь, как назвал тебя мой Гонта?

– Гонта? Вы говорите о вашем обер-цербере, Богушке?

– Обер-цербер, – Майзель хмыкнул. – Да.

– И как же?

– Мурена.

– Это что же, по-вашему, комплимент? – опешила Елена.

– В исполнении Гонты – безусловно. С планшетом и телефоном сама разберёшься, или помочь?

– Уж как-нибудь, – язвительно отозвалась Елена.

– Ну, тогда я отвезу тебя домой.

– Вы невежа.

– Тебе нужно отдохнуть, пани Елена, – улыбнулся он, и по его улыбке Елена поняла: Майзель не шутит. – Мой ритм довольно сложно выдержать. Мои помощники работают в две смены, и я подумываю, не учредить ли мне третью, – бедные люди падают с ног.

– Поехали, – смирилась Елена. – Только высадите меня за квартал от дома, иначе соседи повываливаются из окон, и родится очередная идиотская сплетня.

– Сказка, – поправил её Майзель.

– Тем более, – отрезала Елена. – В отличие от вас, я не желаю превращаться в сказочного персонажа!

Баден-Баден. Апрель

Доктор юриспруденции Юрген Кречманн не без оснований считал себя не только удачливым, но и хорошим адвокатом. Земля слухом полнится – и за два с лишним десятилетия с той поры, как Кречманн открыл собственное бюро, его клиентура выросла весьма значительно. Безусловно, свою роль сыграло и место, в котором решил обосноваться Кречманн – курортная столица Европы, с её парадом состояний и статусов, способствовала его преуспеянию как нельзя лучше.

Уголовщиной Кречманн не занимался, – его специальностью были имущественные, бракоразводные и наследственные процессы, хозяйственные споры и прочие негромкие, необременительные, но нередко сложные дела, приносившие пятидесятидвухлетнему адвокату очень хорошие деньги и вполне заслуженную репутацию ловкого малого, который умеет на редкость замечательно всё устроить. Способствовало его популярности и то, что Кречманн умел хранить молчание, как настоящий семейный доктор старой закалки.

Работал Кречманн не один – трое помощников, молодых, голодных и зубастых, пара секретарей, – приличное по всем меркам хозяйство. Он давно уже завёл привычку принимать посетителей у себя в бюро, снимая под него уютную, утопающую в зелени виллу, и подумывая о том, не купить ли её окончательно.

Впрочем, некоторых клиентов всё же приходилось посещать на дому, – в исключительных случаях. Вот, как сейчас, например, – господин Гайц настоял на визите Кречманна, ссылаясь на плохое – просто из рук вон – самочувствие.

Гайц не вызывал у доктора Кречманна особых симпатий, однако серьёзных оснований отказывать ему в услугах у адвоката не было. Да, этот Гайц, конечно, не ангел, – но где они водятся, ангелы, в наше-то время?

Кречманн аккуратно припарковался, запер автомобиль, легко – он тщательно следил за собой, занимался спортом под руководством личного консультанта по модному «фитнесу» – взбежал на крыльцо особняка господина Гайца и надавил на пуговицу звонка.

Клиент встретил его в инвалидном кресле и с кислым выражением лица, соответствующим состоянию здоровья. До Кречманна уже дошли слухи о какой-то странной истории, приключившейся с Гайцем пару недель назад, – шептались, будто на клиента напали не то грабители, не то похитители, от которых Гайц умудрился сбежать, вдребезги разбив новенькую «Феррари» и чудом оставшись в живых.

Чем дольше слушал клиента доктор Кречманн, тем сильнее становилось его недоумение. Адвокат старался не поддаваться эмоциям, но это получалось у него не без труда.

– Простите, господин Гайц, – воспользовался Кречманн небольшой паузой. – Вы говорите, это был русский?

– Русский или нет, не знаю, – с раздражением ответил Гайц и сморщился. – Мне показалось, он говорил с русским акцентом. Или славянским. Я же не филолог, в конце концов!

Ты болван, усмехнулся про себя Кречманн. Требовать от Дракона, чтобы он уступил тебе дорогу, – нет, определённо, для этого нужно быть законченным кретином. Он уже понял, кто на самом деле «похитил» Гайца. Умея молчать, Кречманн очень многое знал.

* * *

Кречманн познакомился с хозяйкой отделения «Коруны» в Южной Германии Иреной Ружковой на одном из благотворительных вечеров для местного и прибывшего на воды бомонда. Не имея собственных детей, адвокат ничего не имел против того, чтобы облагодетельствовать чужих. Он старался быть хорошим христианином и потому охотно жертвовал на благотворительность, тщательно выбирая организации, помогающие именно детям.

Эта встреча оставила в нём неизгладимое впечатление. Пани Ирена была воплощением женского идеала доктора Кречманна: высокая, статная, с крепкой фигурой, но очень лёгкая и подвижная, эта молодая женщина с чуть широкоскулым лицом и яркими голубыми глазами, ослепительной улыбкой и превосходным немецким – её лёгкий славянский акцент все без исключения находили исключительно милым – покорила не только преуспевающего юриста. У него даже что-то такое шевельнулось.

В молодости Кречманн не собрался жениться, поскольку не мог себе этого, как он полагал, позволить, а несколько лет назад внезапно обнаружил, что жениться ему незачем, даже если бы у него и появилась невеста. Это открытие, после которого многие из его знакомых впали бы в жесточайшую депрессию, почему-то совершенно не расстроило доктора Кречманна. Он никогда не блистал в любовных баталиях, то ли по причине необычайной занятости и усидчивости, то ли по иной, не менее уважительной. Несколько недолгих и довольно скучных «приключений» окончательно развеяли остатки юношеского романтического тумана, чудом удерживавшегося в его голове. А с тех пор, как обнаружили известные обстоятельства, доктор Кречманн и вовсе утратил интерес к этой стороне человеческой жизни.

Появление пани Ирены многое изменило. Нет, он не обрёл чудесного исцеления и даже, анализируя свои чувства, не мог назвать их влюблённостью. Ему вовсе не хотелось терзать прелестную чешку в страстных объятиях, пронзая её копьём Амура и добиваясь страстных стонов в ответ. Ему нравилось почаще и подольше находиться рядом с фрау Рушшкофф – произносить её фамилию он так и не научился – и быть ей... полезным. Да, именно полезным – вот, пожалуй, наиболее верное определение.

Хозяйка «Коруны» вовсе не возражала. Вокруг неё постоянно увивались какие-то мужчины, довольно много, а среди них – даже известные и богатые, но, похоже, никто из них не мог похвастаться тем, что сумел завоевать её нежное расположение. Вообще, эти славянки из Короны не слишком жаловали западноевропейских претендентов на руку и сердце, предпочитая им своих – на взгляд доктора Кречманна, избыточно маскулильных, да ещё частенько в мундирах. Правда, пани Ирене он готов был простить и кое-что посерьёзнее, и не только потому, что самого адвоката она явно привечала и выделяла среди остальных.

Их первый разговор – там же, на благотворительном балу – заставил адвоката о многом задуматься. Пани Ирена, узнав, что доктор Кречманн – щедрый и последовательный поборник гуманитарного влияния, огорошила его вопросом:

– Скажите, Юрген, – вы ведь позволите мне вас так называть?

– Разумеется, – пролепетал Кречманн, млея от её близкого присутствия.

– Так вот, дорогой Юрген, – конечно, два евро в день – совсем небольшие деньги. Возможно, собранные таким способом несметные миллионы действительно спасут от голодной смерти несколько десятков тысяч детей. А что потом?

– В каком смысле? – озадаченно уставился на пани Ирену адвокат.

– В прямом, дорогой Юрген, в прямом. Что будет с этими детьми потом? По вашему лицу я вижу – вы никогда особенно над этим не задумывались.

– Нет, – сознался Кречманн. – Но, видите ли...

– А вам следовало, – обворожительно улыбнулась прекрасная чешка, и в голосе её адвокат с изумлением услышал железные нотки. – И не только вам. Когда они немного подрастут, их отправят, – куда бы вы думали, дорогой Юрген? Нет, не в школу. На войну. Убивать. Там, где им раздают бесплатный гороховый суп, нет школ, нет университетов, нет инфраструктуры, и, как следствие, нет никакой работы. Президенты и премьер-министры гордых и независимых африканских держав, в подавляющем своём большинстве, – насквозь продажные, безмозглые, хотя, конечно же, очень хитрые негодяи и взяточники, стоящие во главе мириад таких же, как они, только рангом пониже. Даже из тех денег, что собирают добрые самаритяне вроде вас, до несчастных детей доходит в лучшем случае треть, а, как правило – лишь десятая. Остальное разворовывается, расточается, уничтожается, питает сонмы чиновников, бесконечные банды полевых командиров и партизанских вожakov, убивающих учителей, врачей и священников, стремящихся хоть как-то улучшить ситуацию. Везде – хаос и смерть, насилие и голод, нищета и безысходность. А если этому несчастному ребёнку, уже – благодаря вам – не голодному, а всего лишь полуголодному, удастся избежать судьбы маленького солдата, он будет месяцами – годами! – пробираться в Марокко, Тунис или Западную Сахару, чтобы оттуда, умирая от жажды и голода, приплыть на ржавом корыте и вывалиться на берег где-нибудь под Неаполем или Марселем. Не зная языка, не умея делать ничего, кроме самой простой, грязной работы, он проведёт годы в лагере беженцев уже под Франкфуртом или Берлином. У него не будет ни денег, ни жилья, ни возможности жить по-людски, любить и быть любимым, создать семью, стать уважаемым гражданином. За это время он сделается взрослым, ожесточится и возненавидит вас – всех вокруг. А потом сладкоголосый имам познакомит его с настоящими борцами, которые вручат ему бомбу и дистанционно подорвут его среди бела дня прямо на вокзале в тот момент, когда вы будете садиться в свой евроэкспересс, чтобы отправиться в Париж попробовать свежих омаров. Вы ведь можете себе такое позволить – попробовать свежих омаров в Париже, дорогой Юрген?

Раздавленный её напором и страшной правдой, стоявшей за этой гневной речью, доктор Кречманн понял: пани Ирена очень, очень хорошо знает, о чём говорит. Гораздо больше, чем он. Гораздо лучше, чем можно было бы ожидать от довольно молодой женщины из непонятной страны, где проверенным демократическим ценностям предпочитают мужлана-короля, практически самозванца, и какого-то мифического «Дракона». Униженный и разъярённый тем, что

его, оказывается, надувают, словно тупую деревенщину, доктор Кречманн завопил – это он-то, с его нордически выдержанным характером! – так, что на них начали оборачиваться:

– Но должен же быть какой-то выход из этого кошмара!

– Он есть, дорогой Юрген, – как ни в чём не бывало, улыбнулась пани Ирена. – Мы непременно обсудим это с вами при следующей встрече, когда вы заглянете как-нибудь ко мне в «Коруны». Кстати, а с кем вы советуетесь, делая благотворительные взносы?

– С пастором Клампе.

– А, это настоятель Паулюскирхе? Мне кажется, он недостаточно компетентен. Обратитесь лучше к отцу Винсенту из Иезуитского колледжа. Он с удовольствием вам поможет. Я ему непременно позвоню. Идёт?

Адвокат позволил себя завербовать, даже не особенно сопротивляясь. Встречаясь с пани Иреной, он, опытный и закалённый в юридических схватках законник, превосходно разобрался в том, кем является сама красавица-славянка и чем занято возглавляемое ею отделение «Коруны». Передовой и разведывательный отряд мощной рейдерской группировки международных авантюристов, окопавшихся в Праге, рассылающей своих эмиссаров по всему свету и возглавляемой тем самым, как выяснилось, отнюдь не мифическим, Драконом – вот в чьи сети угодил доктор Кречманн. Однако, к собственному изумлению, Юрген Кречманн в какой-то момент осознал: ему это нравится!

Когда ему сделалось ясно: вовсе не с авантюристами, обуянными жадой наживы, столкнула его судьба, Кречманн долго не мог прийти в себя. Поверить: какие-то люди – не один человек, а многие сотни, тысячи! – действуют по единому плану, направляемые стальной рукой, блестящим умом и титанической волей, изо всех сил, надрывая жилы, не щадя себя, создают то самое будущее, ради которого стоит рвать жилы и себя не щадить – о, это оказалось непросто! Будущее, в котором уже сегодня, безжалостно, кроваво растоптав гидру коррупции и межплеменной вражды, поднимается из Хаоса в центре Чёрного континента держава императора Квамбинги, – единственная держава, способная в Африке что-нибудь удержать. Держава, с помощью пани Ирены, его, Кречманна и ещё многих таких же, как он, дающая кров, безопасность и будущее миллионам. Настоящее будущее, а не миску бесплатной похлёбки! Кречманн поверил – но лишь тогда, когда всё проверил, как следует. А когда поверил...

Он испытывал почти любовный восторг, поставляя своей прекрасной даме тщательно проработанные досье для новых вербовок и собирая материалы для организации рейдерских захватов. Правда, надо отдать должное пани Ирене: она вовсе не злоупотребляла готовностью доктора Кречманна рыцарски бескорыстно посвятить ей всего себя. Напротив. Она с удовольствием проводила с ним время в беседах и давно уже знала: за внешней недоступностью, дотошностью и «типично немецкой» сентиментальностью прячется большое и щедрое сердце – не героя, а обычного человека, который хочет сделать мир хоть немного лучше. Как она сама. Как Дракон.

* * *

– Прошу прощения, дорогой мой господин Гайц, – вежливо поинтересовался Кречманн, аккуратно перебирая бумаги клиента. – Так чего же вы всё-таки от меня ожидаете?

– Для начала я хочу, чтобы мне вернули отнятые права и аннулировали незаконно начисленные пункты во Фленсбурге! – заявил хозяин. – А потом...

– Погодите, господин Гайц, – попробовал остудить его пыл доктор Кречманн. – Что значит – незаконно?

– То и значит! – взвился Гайц. – То и значит! Какой-то бандит с большой дороги нападает на меня – а меня же ещё и лишают водительских прав! Это неслыханно!

– Незаконно, вы говорите? – Кречманн рассматривал распечатку снимка, присланную из КВА, на которой отчётливо отображались номер «Феррари», перекошенная физиономия клиента, знак ограничения скорости – 130 – и скорость автомобиля Гайца, – 217 километров в час. – Видите ли, господин Гайц. Данные, на основании которых вас лишили прав и требуют заплатить штраф, находятся в компьютере КВА в том самом формате, в котором должны там находиться. Доказать, будто они попали туда, гм, незаконно, мягко говоря, затруднительно.

– То есть как?! – уставился на Кречманна Гайц. – Вы хотите сказать, немецкое правовое государство не в состоянии защитить меня, своего гражданина, от какого-то славянского бандита, изображающего полицию на наших дорогах?! Нападающего на добропорядочных граждан?!

В добропорядочности Гайца у Кречманна имелись основательные сомнения, но он решил повременить с разоблачениями.

– Дорогой господин Гайц, – вкрадчиво перебил он своего клиента. – Немецкое правовое государство уже защитило вас – и себя – от вас самого, способного мчаться в зоне ограничения до ста тридцати со скоростью, чуть ли не вдвое большей. Благодарите господа бога, что вы не создали аварийную ситуацию с человеческими жертвами. Я не советую вам пытаться раскрутить эту историю – она может обернуться к вам совершенно неожиданной стороной, и не самой приятной.

– К чёрту! – Гайц грохнул кулаком по подлокотнику своей каталки. – Я хочу, чтобы полиция выяснила, кто эта сволочь, и объявила в международный розыск! Он чуть не убил меня! Вы это понимаете?! А машина, между прочим, стоит четыреста тысяч евро, которые оказались на помойке!

Четыреста тысяч – это школа в Намболе с полным комплектом парт и учебников, подумал Кречманн. С некоторых пор он пересчитывал средства не в тарелках горохового супа, а в несущих элементах инфраструктуры.

– Я попробую проверить, господин Гайц, – кивнул адвокат. – Но, повторяю: ваша позиция представляется мне весьма шаткой. Сомнительно, чтобы какой-то, как вы полагаете, бандит разъезжал по нашим дорогам на оборудованном специальной техникой автомобиле и, так сказать, из любви к искусству терроризировал добропорядочных граждан.

– А что же это было такое, по-вашему?! – заверещал Гайц. – Или я, по-вашему, вру?!

– Не нужно нервничать, господин Гайц, – успокаивающе улыбнулся доктор Кречманн, и не, будь Гайц в таком бешенстве, он уловил бы в этой улыбке оттенок сарказма. – Если хотите услышать моё личное мнение, – скорее всего, это был какой-то новый, пока ещё экспериментальный патрульный автомобиль, которым, возможно, управлял не слишком вежливый сотрудник полиции – испытатель. Вы же сами уточнили – без номеров. Говорите, он взял вас на буксир? По-моему, на бандитское поведение это как-то совсем не похоже. Давайте успокоимся и попытаемся выяснить, что же на самом деле случилось. Хотя, должен заметить, уголовные дела – не моя специальность. А тут определённо что-то странное. Позвольте мне на сегодня покинуть вас, – как только я узнаю что-нибудь интересное, немедленно вам сообщу.

* * *

Уединившись в своём кабинете, доктор Кречманн принялся мерить его шагами от окна к двери и обратно. Взгляд его в очередной раз упал на стоящую у него на столе строгую рамку, под стеклом которой адвокат с гордостью хранил самую настоящую папскую грамоту с личной печатью и подписью наместника престола Святого Петра. На ней, под рельефным гербом Ватикана, значилось: «Доктору юриспруденции Юргену Кречманну, с глубокой признательностью за доброту и щедрость». А ниже располагались две цитаты: одна на латыни, другая – почему-то на иврите. Видимо, для не разумеющих в языках, цитаты заботливо снабдили переводом: и

латинскую – «Доброта может и не спасти нас, но делает нас достойными спасения», и талмудическую – «Укрепи руку его, чтобы ему не обращаться впредь за помощью к тебе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.